

Провал британской агрессии в Афганистане

Аннотация издательства: В данной книге впервые в советской литературе наиболее полно освещается вопрос о британской агрессии в Афганистане и героической борьбе афганского народа за независимость, разоблачаются провокации и дипломатические интриги британских агентов, стремившихся ухудшить отношения Афганского государства с Россией. В работе показано влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие антиколониального движения в Афганистане, становление этой страны в качестве независимого государства. В книге использованы работы советских и иностранных авторов, а также архивные материалы, значительная часть которых публикуется впервые.

Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. – начало XX в.). – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сорок лет назад, в 1919 г., Афганистан завоевал независимость в результате длительной, тяжелой и упорной борьбы, которую вели народы Афганистана против британских экспансионистов на протяжении почти целого столетия. Несмотря на огромное экономическое превосходство Британской империи над Афганистаном, несмотря на гораздо лучшую материально-техническую оснащенность и обученность английских войск по сравнению с афганским народным ополчением, несмотря на предательство отдельных представителей феодальных кругов Афганистана, британские агрессоры потерпели серьезное поражение в развязанных ими войнах. Провал попыток установления английского господства над Афганистаном объясняется тем, что движение против иностранных поработителей приобрело в Афганистане подлинно всенародный, массовый характер. Героическое сопротивление, оказанное народными массами этой страны английской агрессии, убедительно свидетельствует, что невозможно покорить народ, поднявшийся с оружием в руках на решительную борьбу за правое дело.

Изучение этой самоотверженной, освободительной борьбы имеет особое значение в наши дни, когда распадается вся колониальная система империализма, когда все новые и новые народы поднимаются на борьбу против всех видов национального, политического и экономического угнетения, на борьбу за свободу и независимость.

Но этим не исчерпывается актуальность вопросов, рассматриваемых в данной книге. Исторические события, [4] происходившие в XIX — начале XX в. в Афганистане, дают богатый материал для характеристики методов и приемов, применявшихся британскими агрессорами при осуществлении экспансионистской политики. В арсенале их средств можно было найти все виды подтасовки фактов, фальсификации (вплоть до подделки документов), стремление «загрести жар чужими руками», разжигая вражду между отдельными государствами и народами, использование предателей из числа феодальной знати и др.

Аналогичные методы и приемы империалисты Англии, Соединенных Штатов Америки и других стран пытаются широко применять и сейчас для того, чтобы удержать под своим контролем народы, которые пока еще находятся в колониальной зависимости.

Особый интерес представляет изучение борьбы народных масс Афганистана за независимость также потому, что эта борьба, ее успехи были обусловлены победой Великой Октябрьской социалистической революции в России. Дружба между народами СССР и Афганистаном имеет своими истоками братскую поддержку, которая была оказана афганскому народу Советской Россией в его справедливой борьбе за самостоятельное существование. Эта дружба выдержала испытание временем и в последние годы успешно развивается на благо народов обеих стран.

Все это заставляет с особым вниманием относиться к изучению и освещению мужественного сопротивления народов Афганистана экспансии Британской империи. Это тем более необходимо, что до сих пор в английской исторической литературе всячески искажается подлинная сущность агрессивной политики Великобритании в отношении народов Востока. Авторы работ по истории Афганистана и международных отношений на Востоке, британские политики и военные — Г. Раулинсон^{1}, Д. Боулджер^{2}, А. Гамильтон^{3}, Д. Макмун^{4}, П. Сайкс^{5}, [5] В. Фрэзер-Тайтлер^{6} и многие другие объясняют британскую политику необходимостью в прошлом обеспечить безопасность огромной колониальной империи, в частности в Азии (в первую очередь — Индии), от посягательств других держав.

Умышленно искажая факты, некоторые британские буржуазные историки утверждали, что Россия якобы стремилась захватить Индию. И хотя никогда никаких серьезных доказательств в пользу такого утверждения не приводилось, они считали возможным таким образом оправдывать различные экспансионистские действия Англии на Востоке.

Другие британские авторы, такие, как, например, В. Эйр^{7} или Д. Дюк^{8}, предпочитали вообще замалчивать важные исторические события и их предпосылки. Они

детально и старательно описывали подготовку к походам, сражения, которые вели английские войска в Афганистане, тщательно обходя причины, породившие ту или иную агрессивную войну.

Яркие примеры грубейшей подделки документов и подтасовки фактов подавали правящие круги Британской империи. Изданная в Англии в 1839 г. «Синяя книга» содержала умышленно искаженные, фальсифицированные документы. Скандал в связи с этим приобрел столь большие размеры, что через 20 лет, в 1859 г., парламенту было представлено на рассмотрение новое издание, в котором было указано, что в нем помещены неопубликованные или «сокращенные» ранее материалы.

Впрочем, даже те английские историки, которые хотели более или менее серьезно разобраться в происшедших событиях (например, Д. Кэй, написавший интересную и содержательную историю первой англо-афганской войны)^{9}, не смогли дать подлинно научного освещения этих событий. Их попытки проанализировать события приводили к выдвиганию на первый план [6] малозначительных случайных факторов, не имевших решающего значения. Сокрушительное поражение, какое потерпели британские войска в ходе первой войны против Афганистана, английские авторы объясняли плохой погодой, суровым климатом страны, бездарностью командования и т. п. Они учитывали в своих трудах все, кроме массового, всенародного характера, какой приобрела освободительная борьба афганских патриотов, героически сражавшихся против чужеземных оккупантов. В этой борьбе проявился отмеченный Ф. Энгельсом «особый характер народа» Афганистана, отличающегося неукротимым стремлением к самостоятельности и независимости. Но именно эти обстоятельства оказали решающее влияние на ход войны. В неспособности осознать этот факт сказалась вся ограниченность английской буржуазной историографии и ее классовая сущность.

В связи с этим следует подчеркнуть, что посвященные Афганистану работы дореволюционных русских исследователей, несмотря на ограниченность их мировоззрения, отличаются добросовестностью и уважением к

афганцам. Таковы, в частности, многие работы Н. А. Аристова, в первую очередь его книга «Англоиндийский «Кавказ». Столкновения Англии с афганскими пограничными племенами (этноико-исторический политический этюд)», исследование Л. Н. Соболева «Страница из истории Восточного вопроса. Англо-афганская распря. Очерк войны 1879—1880 гг.» и др.

Известные заслуги в деле изучения истории Афганистана принадлежат советским историкам-афганистам И. М. Рейснеру, Азизу Ниалло, Е. Л. Штейнбергу, Л. Р. Гордон, Р. Т. Ахрамовичу и др., освещавшим проблемы создания и развития Афганского государства, борьбу его народов против иностранных поработителей. Труды советских ученых создали прочную базу для дальнейшей разработки истории Афганистана, как и других стран Востока.

Автор данной книги ставит перед собой задачу дать общий очерк освободительного движения народов Афганистана в XIX — начале XX в., их упорного сопротивления попыткам британских агрессоров утвердить свое колониальное господство в этой стране. Основное внимание в книге уделяется борьбе народов Афганистана [7] за независимость, показу международной обстановки и дипломатических интриг со стороны британских правящих кругов с целью осуществления прямой агрессии против Афганского государства. Сводной работы на аналогичную тему в советской исторической науке еще не было, хотя отдельные вопросы темы и разрабатывались Э. Гриммом{10}, А. Л. Поповым{11}, Е. Л. Штейнбергом{12} и другими исследователями.

При изучении истории Афганистана особое значение имеют высказывания основоположников марксизма, уделявших этой стране большое внимание в своих работах по Востоку. Их высказывания дают возможность лучше и глубже осмыслить значение важных исторических процессов и отдельных фактов, связанных с жизнью афганского народа и государства.

Большой интерес для советского исследователя представляют труды афганских историков. Выпущенная недавно в переводе на русский язык книга Сеид Касема Риштия «Афганистан в XIX веке» (М., 1958), как и другие книги и статьи афганских авторов, помогает лучше понять

многие события из истории Афганистана, а также характерные черты борьбы его народов против агрессоров.

Предлагаемая вниманию читателей книга написана на основе всех этих материалов, а также английских публикаций, в том числе «Синих книг», и обширной мемуарной литературы. В ней использованы также материалы советских государственных архивов, различные научные статьи и монографии, сообщения в периодической печати и т. п.

В хронологическом отношении работа охватывает период времени с начала XIX в. до завоевания Афганистаном независимости (1919—1921 гг.).

В начале прошлого века Афганистан впервые привлек внимание английских колонизаторов, захвативших значительную часть Индии. К этому времени относятся их первые попытки установить свое господство [8] над Афганским государством. Другая дата — 1919 г. — это год, когда народы Афганистана под влиянием освободительных идей Великой Октябрьской социалистической революции в вооруженной борьбе с британскими империалистами утвердили свое право на суверенитет и самостоятельное существование, которое было закреплено в 1921 г. международными соглашениями. В новейшую историю Афганистан вступил как одно из первых государств Востока, завоевавших независимость.

Советские люди проявляют большой интерес к жизни и деятельности дружественного героического афганского народа. Между Страной Советов и завоевавшим независимость Афганским государством сразу после Великой Октябрьской революции установились теплые, добрососедские отношения. Советская Россия и Афганистан были первыми государствами, признавшими друг друга и установившими дипломатические отношения между собой. Эти добрососедские отношения выдержали сорокалетнее испытание. В последние годы они получили особенно широкое развитие. Обмены визитами выдающихся государственных деятелей — посещения Афганистана председателем Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошиловым (1958 г.), председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым (1955 г.), поездки в Советский Союз короля Афганистана Мухаммед Захир-шаха

(1957 г.), премьер-министра Афганистана Мухаммед Дауда (1956 и 1959 гг.), — способствовали дальнейшему сближению наших стран, укреплению дружбы и сотрудничества между ними.

Афганистан принял активное участие в Бандунгской и Каирской конференциях стран Азии и Африки, провозгласил основой своей политики пять принципов мирного сосуществования («панча шила»). «Отстаивая интересы своей страны, — отмечал Н. С. Хрущев в речи в Кабуле 18 декабря 1955 г., — правительство Афганистана отрицательно относится к сколачиванию различных агрессивных блоков и придерживается политики строгого нейтралитета. Такая политика способствует обеспечению независимости и безопасности Афганистана»{13}.

ГЛАВА I. НАЧАЛО АНГЛИЙСКОЙ АГРЕССИИ ПРОТИВ АФГАНИСТАНА

Афганистан как самостоятельное государство начал складываться в первой половине XVIII в. В то время у афганцев происходил процесс разложения общинно-родового строя и формировались феодальные отношения. Основным районом расселения афганских племен были Сулеймановы горы. В течение XIV — XVIII вв. афганцы утвердились также на территории, которая простирается от реки Инд (в ее верхнем течении) на востоке и до реки Гильменд — на западе. В начале XVIII в. много афганских семей было расселено в районе Герата{14}.

От скотоводства, являвшегося их основным занятием, афганские племена переходили к оседлому земледелию. Наиболее крупными и развитыми в социально-экономическом отношении среди них были гильзаи и абдали (дуррани). Развитие феодальных отношений и упорная борьба против господства царствовавшей в Индии династии Великих Моголов способствовали экономическому и политическому сплочению этих племен и подготовили почву для образования Афганского государства. В 1709 г. гильзаями во главе с Мир-Вайсом было

создано первое Афганское государство, которое просуществовало недолго. В 30-х годах XVIII в. оно было разгромлено персидским завоевателем Надир-шахом Афшаром и включено им в состав своих владений. [10]

После убийства Надир-шаха (в 1747 г.) его империя распалась. В 1747 г. было образовано независимое Афганское государство с центром в Кандагаре. Феодально-племенная знать провозгласила главой государства бывшего военачальника армии Надира — молодого афганца Ахмад-хана из рода садозаев племени дуррани. Представители садозайской династии в течение ряда лет находились на шахском престоле, а должность визиря (главного министра) занимали, как правило, члены рода баракзаев того же племени. Ахмад-шаху в результате ослабления державы Великих Моголов и Ирана удалось расширить границы своих владений. Его власть была распространена на Хорасан и Сеистан — на западе, Синд, Кашмир и Пенджаб — на юго-востоке, а также на заселенные таджиками и узбеками районы левобережья Аму-Дарьи — на севере. Созданная Ахмад-шахом огромная держава, получившая название Дурранийской империи, не имела прочной экономической основы и представляла конгломерат земель и народов{15}.

К концу XVIII в. у западноафганских племен (дуррани и гильзаи) полностью сформировался феодальный строй. Развитие крупного феодального землевладения вызывало обострение классовых противоречий. Положение в стране характеризовалось упорными межфеодальными раздорами, особенно усилившимися после смерти Ахмад-шаха (1773 г.). Острая, напряженная борьба между различными феодальными группировками сопровождалась резким ослаблением центральной власти. Обширная Дурранийская держава стала распадаться на обособленные уделы, которыми правили враждовавшие между собой ханы и малики.

Изменилось и внешнее положение афганского государства. К востоку от него укреплялась держава сикхов. Возникшее как религиозно-политическое течение пенджабских крестьян, направленное против феодального господства Великих Моголов, движение сикхов привело к ослаблению зависимости пенджабских земель от Моголов, а затем и от

афганцев. К началу XIX в. ведущую роль среди феодалов Пенджаба стал играть крупный государственный деятель и умелый политик — Ранджит Синг. [11]

Его деятельность способствовала сплочению различных удельных владений и созданию в Пенджабе сикхского государства. Возникновение этого государства на территории, разделявшей Афганистан и находившийся в вассальной зависимости от него Кашмир, лишало Дурранийскую монархию возможности эксплуатации населения богатой Кашмирской долины. Пенджаб в дальнейшем и сам перешел в наступление против Афганистана, в первую очередь против примыкавшего к землям Ранджит Синга афганского Пешаварского владения. К юго-востоку от Афганистана все более расширяла занятые в XVIII в. территории английская Ост-Индская компания. Она распространила свое господство на Бенгал и значительную часть Южной Индии, а затем предприняла широкое наступление на индийские государства.

В начале XIX в. англичане вели упорные войны против маратхских княжеств, занимавших центральную часть полуострова Декан (Индия), и фактически подчинили своему контролю последних потомков Великих Моголов. Ограбление народов Индии явилось источником колоссальных доходов Ост-Индской компании и тесно связанной с ней правящей верхушки Британской империи. Применяя политику подкупа, шантажа и прямого насилия, Ост-Индская компания продвигалась из захваченных ею районов Индии все далее на север, северо-запад и северо-восток, маскируя экспансионистскую деятельность необходимостью «защиты» британских владений, демагогическими заявлениями об «угрозе» Индии — сначала со стороны Франции, а затем — России.

Британское правительство в начале XIX в. стремилось всячески расширить свое политическое влияние в странах Среднего Востока и в частности в Афганистане.

Небольшая горная страна с населением, не превышавшим в первой половине прошлого столетия 4—5 млн. человек, Афганистан привлекал пристальное внимание британских политиков, военных деятелей, ученых, журналистов.

Чем же объясняется повышенный интерес, с каким относились в Англии к далекой, небольшой стране, не представлявшей по сравнению с колониальной Индией особой ценности как рынок сбыта товаров, как источник денежных поступлений или важного сырья и полезных ископаемых? Чем вызвана настойчивость, с какой британские [12] правящие круги в XIX — начале XX в., не жалея ни человеческих жизней, ни огромных материальных затрат, старались утвердить свое господство над Афганистаном?

Ответ на эти вопросы дает географическое положение страны. Афганистан лежит на скрещении важнейших путей, связывающих Индию, Иран, Среднюю Азию и западные области Китая. Через земли афганцев издавна проходили торговые караваны индийских купцов в среднеазиатские ханства, перевозились китайские товары в Иран и далее в Европу. «Географическое положение Афганистана и особый характер народа придают этой стране важное политическое значение в делах Центральной Азии, которое едва ли возможно переоценить»{16}, — отмечал Ф. Энгельс.

Стремясь использовать Афганистан как плацдарм для военно-политического и торгового наступления на соседние земли (в особенности в Среднюю Азию), британское правительство настойчиво пыталось превратить его в свою колонию. При этом британские колонизаторы стремились также использовать другие страны для достижения своих целей в Афганистане. Многочисленные английские дипломатические миссии были направлены в Иран, Синд и Пенджаб. Они старались навязать этим странам кабальные договоры, а также столкнуть их с Афганистаном.

12 марта 1809 г. в Тегеране в результате переговоров между Ираном и Англией был подписан договор, по которому шах обязывался оказывать Англии всемерное содействие в случае ее войны с Афганистаном. В это же время английская миссия во главе с Чарльзом Меткафом была направлена в столицу Пенджаба — Лахор, чтобы помешать Ранджит Сингу объединить под своей властью весь Пенджаб и натравить его на Афганистан. Под нажимом сосредоточенной у пенджабских границ британской армии Ранджит Синг был вынужден признать господство Англии над левобережьем реки Сатледж,

входившим ранее в состав государства сикхов. Это было зафиксировано договором, заключенным 25 апреля 1803 г. в городе Амритсаре (неподалеку от Лахора){17}. В договоре отмечалось, кроме того, что Ранджит [13] Сингу предоставляется полная свобода действий в областях к северу и западу от Сатледжа, в чем англичане обещали ему свое содействие. Границы этой территории умышленно не были определены. Там, «на севере и западе», лежали земли афганских племен. Попытки Ранджит Синга утвердить здесь свое влияние должны были неизбежно привести (и привели на деле) к обострению отношений между Пенджабом и Афганистаном. Амритсарский договор, таким образом, давал возможность Англии расширить свои владения в Индии, помешать объединению пенджабского народа, ослабить государство Ранджит Синга и создать предпосылки для его столкновения с Афганистаном. В специальной беседе с главой Пенджаба Меткаф старался привлечь его внимание именно к развитию экспансии «на север и запад»{18}. К этому же времени (1808—1809 гг.) относится и начало британской экспансионистской политики в отношении Афганистана.

В эту страну была снаряжена английская миссия во главе с Маунтстюартом Эльфинстоном — первое британское посольство, отправившееся в Афганистан. В задачу посольства входило детальное и всестороннее изучение Афганистана в связи с подготовкой прямой агрессии в эту страну, поиски определенных социальных слоев, групп и отдельных личностей среди афганского народа, на которых можно было бы опереться для утверждения британского влияния.

Соответственно этим целям был подобран и состав посольства. В него входили британские офицеры и чиновники, которые должны были провести глубокую и всестороннюю военно-политическую разведку в Афганистане. Лично М. Эльфинстону было поручено собрать подробные сведения о правящих кругах страны{19}.

Внутриполитическая обстановка в Афганистане была очень сложной и напряженной. Ожесточенная междоусобная борьба двух претендентов на кабульский престол из рода садозаев — сводных братьев Махмуд-шаха и Шуджи уль-Мулька в 1803 г. закончилась победой последнего. Победа эта

была очень непрочной. Махмуд-шах собирал [14] силы для новой схватки. Опиравшийся на небольшую группу феодальных приверженцев Шуджа уль-Мулька готов был пойти на укрепление своего положения за счет уступок в отношении государственного суверенитета. Он легко согласился принять английскую миссию в надежде получить от нее содействие в борьбе за трон{20}. В феврале 1809 г. посольство Эльфинстона, отправившееся из британских владений в Индии, прибыло в Пешавар. Во время путешествия, продолжавшегося почти 5 месяцев, члены миссии знакомились с дорогами, ведущими в Афганистан, с народами и племенами, которые населяли эту часть Азии{21}. Англичане устанавливали связи с местными сановниками, раздавали богатые подарки влиятельным лицам. В этом проявился характерный прием британской политики: подкупы как средство в борьбе за установление своего господства. Стремясь путем подкупов привлечь на свою сторону феодальную верхушку той или иной страны Азии, британские колонизаторы вооруженной силой расправлялись с боровшимися за свободу народными массами Востока.

В ходе переговоров Эльфинстона с Шуджей уль-Мульком в июне 1809 г. в Пешаваре был подписан первый англо-афганский договор. Он предусматривал участие Афганистана на стороне Англии в борьбе против Франции и Ирана в случае их попыток предпринять наступление на Индию. Ост-Индская компания обязывалась при таких обстоятельствах передать эмиру соответствующую денежную сумму{22}. По условиям договора, афганцы рассматривались как британские наемники, которые должны были сражаться, защищая английские колониальные интересы. Характерно, что в случае возникновения ирано-афганской войны Англия не обязана была оказывать Афганистану какую-либо помощь. Неравноправный характер этого договора очевиден.

Впрочем, Пешаварский договор потерял значение чуть ли не на следующий день после его заключения: [15] в ходе межфеодальной борьбы Шуджа уль-Мулька потерпел поражение. В июне 1809 г. новое наступление Махмуд-шаха заставило его покинуть страну. В конечном итоге Шуджа уль-Мулька нашел приют во владениях Ост-Индской компании.

Колониальные власти предоставили ему возможность поселиться в Лудхиане. В этом городке на реке Сатледж, у самой границы Пенджабского государства, находилась резиденция британского политического агента; здесь был создан фактически центр английской подрывной деятельности в Северной Индии и Афганистане. Из средств Ост-Индской компании эксэмиру была назначена большая пенсия, и Шуджа уль-Мульк жил в Лудхиане, выжидая момента, когда он будет использован своими хозяевами, которые в это время продолжали тщательно изучать Афганистан. В 1820—1825 гг. британская экспедиция во главе с видным чиновником Ост-Индской компании — Уильямом Муркрофтом посетила Афганистан и смежные страны, собирая сведения об их экономическом и военно-политическом положении{23}. Многие английские разведчики старательно изучали горные проходы и дороги, ведущие в афганские земли. В 1831—1833 гг. в этот район отправилась специальная экспедиция Александра Бернса. Она побывала в Синде и Пенджабе, Афганистане, Бухарском ханстве и через Иран вернулась в Индию{24}. В ее задачи входило изучение возможностей реки Инд как транспортного пути для дешевой доставки товаров в глубь Азии, а также сбор сведений о посещенных странах. Британские правящие круги придавали большое значение поездке А. Бернса. По возвращении в Индию он был направлен в Англию, где доложил о собранных материалах королю Вильяму IV и премьер-министру лорду Грэю{25}. [16]

Между тем, в Афганистане складывалась очень сложная обстановка. В стране не прекращались межфеодалные раздоры, ожесточенные распри различных феодальных группировок. Расширилось крупное феодальное землевладение, усиливалась зависимость крестьян от местной феодальной знати. Все это значительно ослабило центральную власть и привело Дурранийскую державу к упадку, первые признаки которого наметились еще в конце XVIII в.

Наряду с внутренними обстоятельствами определенное значение имели и внешние: дальнейшее укрепление соседних с Афганистаном государств — Ирана и Пенджаба. Происшедшая в Иране к концу XVIII в. некоторая стабилизация внутреннего положения и активные действия

этого государства по утверждению своего господства в Хорасане и Сеистане сочетались с не менее активными наступательными действиями сикхов на правобережье Инда. В то же время бухарские эмиры стремились восстановить свой суверенитет в областях к югу от Аму-Дарьи{26}. В самой афганской столице развернулась ожесточенная борьба за кабульский престол. В 1818 г. власть сазоайской династии была свергнута. Махмуд-шах, как некогда Шуджа уль-Мульк, также был вынужден бежать. Он переехал в Герат, где вскоре умер. Власть над Гератским оазисом перешла к его сыну Камрану. Остальной Афганистан был разделен между представителями династии из рода баракзаев. Под их владычеством находились остатки огромной империи Ахмад-шаха: Кандагарский, Кабульский и Пешаварский уделы с общим количеством населения — около 2,5 млн. человек. В Кандагаре правили 5 братьев во главе с Кохендиль-ханом, в Пешаваре — Султан Мухаммед-хан, в центральном владении — кабульском — в конечном итоге утвердился Дост Мухаммед-хан. Хотя все они были сводными братьями (детьми визиря при Махмуд-шахе Фатх Али-хана), дружбы и согласия между правителями не было. Единое Афганское государство распалось. Феодалная знать полностью хозяйничала в своих землях, стремилась всецело закабалить рядовых общинников и превратить их в зависимых крестьян. [17]

Постепенно среди баракзайских правителей выдвинулся на первый план Дост Мухаммед-хан. Этому способствовало географическое положение кабульского владения, через которое проходили важные торговые пути, а также гибкая политика Дост Мухаммеда. Он подчинил своей власти город Газни и в 1826 г. принял титул эмира, тем самым подчеркнув свою роль как выразителя общеафганских интересов. Объединительная политика правителя Кабула вызывала недовольство и раздражение британских колонизаторов. Они стремились помешать сплочению разрозненных афганских племен и владений и укреплению Афганского государства, рассчитывая использовать при этом «пенсионера» Ост-Индской компании Шуджу уль-Мулька.

В 1832 г. Шуджа уль-Мульк предпринял поход на Кандагар. Жалкий изгнанник, он не смел и помышлять о

каких-либо самостоятельных действиях. За него подумали его покровители. Основную роль в разработке планов «кандагарского похода» сыграл британский политический агент в Лудхиане капитан Клод Уэйд, сторонник активных захватов в странах Среднего Востока. По плану Уэйда, удар по Афганистану наносился сразу с двух сторон. С юго-востока двигался Шуджа уль-Мульк с на вербованным для него в Индии войском. В случае успеха военных операций у Кандагара и захвата этого города армия Шуджи должна была выступить на Кабул, а отряды сикхов (с востока) — занять Пешавар. В результате реализации этого плана к власти в Афганистане должен был прийти английский ставленник — Шуджа уль-Мульк.

В обмен на обещание поддержки со стороны Ранджит Синга Шуджа по требованию англичан уступил ему свои «права» на Пешавар{27}. Английская колониальная администрация легко пошла на это, поскольку намечала в дальнейшем захватить весь Пенджаб.

Осуществление этого плана финансировалось из английских источников. По указанию генерал-губернатора Индии Кэвендиша-Бентинка, выдаваемая Шудже уль-Мульку субсидия была не только увеличена, но и предоставлена за несколько месяцев вперед. Эти действия, по признанию английских же авторов, явились «материальной [18] помощью и эффективной моральной поддержкой» Шуджи уль-Мулька{28}. Англичане помогли также беглому эмиру набрать войско и включили в его состав особый отряд пехоты во главе со своим офицером Кэмпбеллом. Шуджа уль-Мульк был снабжен большим количеством писем за подписью Уэйда, адресованных различным влиятельным лицам. В этих письмах подчеркивалось, что оказанные Шудже услуги будут рассматриваться как услуги британскому правительству. Уэйд, кроме того, выступил с официальным заявлением о том, что на стороне Шуджи «все симпатии англо-индийского правительства»{29} (так именовались британские власти в Индии. — Н. Х.).

В феврале 1832 г. отряды Шуджи уль-Мулька, собранные в районе Лудхианы, начали поход на Афганистан. Они прошли через Синд, грабя и разоряя местное население, форсировали

Боланский горный проход и направились на Кандагар. Попытка правителя города Кохендиль-хана отразить нападение окончилась неудачей: он был разбит и отступил к Кандагару. После того как летом 1834 г. сюда прибыли основные силы армии Шуджи уль-Мулька, Кандагар был осажден. Хотя защитникам города дважды удавалось отбить штурм, их положение было очень тяжелым. Кандагар находился накануне падения, когда к нему на выручку прибыли из Кабула войска Дост Мухаммед-хана. Он прекрасно понимал, какую угрозу для Афганистана представляют агрессивные действия Шуджи уль-Мулька, а главное — стоявших за его спиной британских колонизаторов. Кабульские и кандагарские отряды энергично атаковали своих противников. В результате упорного сражения Шуджа уль-Мульк потерпел полное поражение. Его армия была разгромлена и рассеяна. Афганские патриоты одержали важную победу.

В то время как в районе Кандагара шли напряженные бои и туда направились войска Дост Мухаммеда, Ранджит Синг двинул отряды сикхов на Пешавар и захватил Пешаварский округ — район расселения афганских племен. Одновременное нападение Шуджи уль-Мулька на Кандагар и Ранджит Синга на Пешавар убедительно [19] свидетельствовало о том, что они действовали по единому плану.

После разгрома Шуджи уль-Мулька, снова бежавшего в Лудхиану под защиту своих покровителей, Дост Мухаммед сделал попытку вернуть Пешавар. Весной 1835 г. афганские войска двинулись на сикхов, занявших позиции к западу от этого города. Однако столкновения не произошло. Ранджит Сингу удалось переманить на свою сторону правителя Пешавара Султан Мухаммед-хана, а также подкупить некоторых афганских феодалов, опасавшихся дальнейшего укрепления власти Дост Мухаммеда. Эти феодалы покинули лагерь Дост Мухаммеда вместе со своими военными отрядами. Характеризуя этот исторический эпизод, К. Маркс писал: «Дост Мухаммед провозгласил религиозную войну против сикхов, [20] двинулся на Пенджаб с огромной армией; однако добиться успеха ему помешал генерал Гарлан, американец на жалованьи у Ранджит Синга, явившийся в афганский лагерь в

качестве посла и своими интригами добившийся того, что во всей армии началось недовольство, половина ее разбежалась и разными дорогами ушла восвояси; Дост вернулся в Кабул»{30}.

Дост Мухаммед был вынужден отказаться от своих попыток включить Пешаварский округ в состав восстанавливаемого им единого Афганского государства. На долгие годы между Афганистаном и Пенджабом установились враждебные отношения, порожденные пешаварским конфликтом. Они были на руку лишь английским колонизаторам, облегчая их захватническую деятельность.

Кандагарская авантюра свидетельствовала о том, что английские правящие круги желали поставить во главе афганского государства своего прямого ставленника и перешли к активной захватнической политике на Среднем Востоке.

Неудача не остановила британских колонизаторов. Они продолжали тщательным образом изучать экономическое и политическое положение Северной Индии и Афганистана, старались найти наиболее удобные торговые пути. Британские агенты в странах Востока отправляли в Калькутту и в Лондон всевозможные материалы и данные о перспективах и условиях торговой экспансии. Так, Ч. Мэссон, длительное время находившийся в Афганистане в качестве неофициального английского резидента, подготовил специальный меморандум «О торговле Кабула», опубликованный в конце 1835 г. британскими властями в Индии. В этом документе Кабул рассматривался как важнейший центр торговли между Индией и Средней Азией, его товарооборот оценивался за 1834 г. в 1 млн. фунтов стерлингов. Мэссон рекомендовал наладить регулярное судоходство по Инду и организовать британскую факторию в городе Митанкоте, занимавшем ключевые позиции в отношении рек Пенджаба. Он считал, что это будет способствовать широкому развитию торговли между английскими владениями [21] в Индии, с одной стороны, и Афганистаном и Средней Азией — с другой{31}. Британские торгово-промышленные круги с особым интересом относились к возможности превращения Инда в важнейший канал для доставки английских товаров на рынки Среднего Востока. По

мнению крупного лондонского предпринимателя Джона Адама, небольшие затраты капитала должны были при этом дать доступ британским товарам «к восхитительным полям действия», помочь «более полно открыть Центральную Азию для английской торговли»{32}.

Поиски новых рынков особенно активизировались в связи с тем, что весной 1836 г. в английской экономике появились симптомы кризиса перепроизводства.

С точки зрения правящих кругов Англии, трудности, в каких оказалась английская экономика, могли быть устранены путем расширения рынков сбыта британских товаров в странах Азии. В этой обстановке особую роль приобретали англоафганские отношения. Превращение Дост Мухаммеда в зависимого правителя и утверждение английского господства в Афганистане могли бы разрешить многие сложные проблемы, в первую очередь — «открытие» новых рынков сбыта и распространение британского владычества на Среднем Востоке.

Вскоре английским правящим кругам представился удобный повод для оказания давления на Афганистан. Военная неудача, постигшая Дост Мухаммеда в борьбе за Пешавар, заставила его обратиться к правительствам России, Англии и Ирана, чтобы заручиться их содействием в справедливом разрешении спорного вопроса о принадлежности Пешаварского округа.

В мае 1836 г. в Оренбург прибыл афганский посол. Ему было поручено просить помощи «против угрожающей кабульскому владельцу опасности от англичан (поддерживающих свергнутую династию афганских шахов) и против Ранджид-Синга, владетеля Пенджаба»{33}. [22]

Присланное Дост Мухаммедом послание, датированное октябрём 1835 г., гласило: «Причина, побудившая к отправлению сего уведомления, следующая: так как Шах Шуджа уль-Мульк крепко соединился с англичанами, а потому со стороны садозаев против нас объявлена вражда и несогласие. По причине сего враждования возвышенное сердце Амира Сахиба (т. е. Дост Мухаммеда. — Н. Х.) обращается к вам, чтобы утвердить между двумя высокими державами мощь дружества и соотношения управления и

чтобы тем самую разносторонность превратить в единство»{34}.

Оренбургский губернатор В. А. Перовский приветствовал предложение Дост Мухаммеда о развитии дружественных русско-афганских отношений. Отправляя в Петербург со своим адъютантом Виткевичем прибывшего посла, Перовский считал необходимым оказать поддержку эмиру. Если в Афганистане водворятся сикхи, писал он, то «земля опустошится и надежды наши на торговые отношения с этой страной исчезнут». Если же Афганистаном завладеет ставленник англичан Шуджа, то это государство подчинится Англии, «и англичанам до Бухары останется один шаг; Средняя Азия подчинится их влиянию, азиатская торговля наша рухнет; они могут вооружить против нас... соседние к нам азиатские народы, снабдить их порохом, оружием и деньгами...»{35} С ответным визитом в Кабул был отправлен представитель России — поручик Виткевич.

Послы Дост Мухаммеда прибыли также в Иран и в английские владения в Индии. В это время, в марте 1836 г., на пост генерал-губернатора Индии вступил лорд Окленд, доверенное лицо министра иностранных дел Пальмерстона. Находившееся у власти правительство вигов, которое отражало интересы английской промышленной буржуазии, особенно настойчиво стремилось к расширению рынков сбыта и к территориальным захватам. В Англии появлялись все новые признаки кризиса перепроизводства, разразившегося в следующем, 1837 г. Тайный комитет директоров Ост-Индской компании 25 июня 1836 г. отправил Окленду специальное послание, написанное по указаниям Пальмерстона. [23] Генерал-губернатору Индии предлагалось принять любые меры для всестороннего изучения положения в Афганистане и под предлогом противодействия «русскому влиянию». Окленду поручалось, если он найдет нужным, «решительно вмешаться в афганские дела»{36}.

Именно в это время новый генерал-губернатор получил письмо афганского эмира с просьбой заставить сикхов вернуть Пешавар и другие афганские земли. Но англичане сами рассчитывали захватить Пешавар — важный торговый центр и стратегический пункт — и вовсе не собирались помогать Дост

Мухаммеду. В августе 1836 г. в Кабуле был получен ответ Окленда, в котором говорилось, что Англия хотела бы видеть афганцев цветущей нацией; в нем ханжески утверждалось, что она «с удивлением» узнала о раздорах между Афганистаном и сикхами. Британское правительство, демагогически декларировал Окленд, не вмешивается в дела независимых государств, но не откажется посредничать в споре. Окленд заявлял далее о своем желании «упорядочить» торговые отношения с Афганистаном и об отправке с этой целью специального посла в Кабул{37}.

Предпринимая конкретные меры по захвату рынков Среднего Востока, британские власти в Индии отправили в 1836 г. в Кабул А. Бернса с большим штатом помощников. Ему было дано задание заключить торговые соглашения с правителями государств, лежащих на пути к Кабулу, составить окончательную карту судоходного участка Инда и выяснить возможность создания на берегах этой реки крупной международной ярмарки, «наподобие Нижегородской — в целях обеспечения за англичанами большой и ценной торговли с Центральной [24] Азией»{38}, — как писал лондонский предприниматель Джон Адам.

Но «коммерческая» миссия Бернса была призвана сыграть важную роль не только в области торговли. Она должна была способствовать захвату Афганистана и превращению его в плацдарм для дальнейшей экспансии английской буржуазии на Востоке. Интересны письма, которыми обменялись Бернс и Ч. Мэссон, находившийся с 1832 г. в Афганистане в качестве агента-осведомителя Ост-Индской компании. 2 февраля 1837 г. Бернс писал Мэссону, что «растущая потребность в рынках для торговцев по всему свету вынудила правительство, как и торговые слои, предпринять великую попытку открыть для торговли Инд и лежащие за ним страны». Мэссон в связи с этим недоумевал, поскольку Инд и «лежащие за ним страны» никогда не были и прежде закрыты для торговли, представляя «рынки для огромного количества британских мануфактурных изделий». Результатом политики, проводившейся под флагом торговли, писал впоследствии Мэссон, было «вступление войск в земли, лежащие на этой

реке и за ней», и использование Инда «не для торговли, а для военных целей»{39}.

Действительно, миссия Бернса должна была, в частности, провести важную подготовку к военному захвату Афганистана. Полученные Бернсом инструкции от генерал-губернатора обязывали его всесторонне ознакомиться с положением афганского правительства, с бюджетом страны, влиянием различных вождей, ее военной силой и ресурсами, а также взаимоотношениями с соседними государствами{40}. Для осуществления этих задач в состав миссии были включены «лейтенант бомбейских инженеров» Роберт Лич, лейтенант индийского флота Джон Вуд и врач Персивал Лорд. Личу поручались «наблюдения воинского характера лежавших перед нами стран»{41}, Вуду — исследование водных путей [25] (в первую очередь Аму-Дарьи), а Лорду — изучение природных ресурсов посещаемых местностей.

В декабре 1837 г. Бернс прибыл в Кабул и приступил к переговорам. Заявляя о превращении Инда в судоходную магистраль, он требовал от Дост Мухаммеда открытия Афганистана для британской торговли. Эмир обещал свое полное содействие в этом вопросе, но вместе с тем ответил, что страна разорена войнами с сикхами; если Англия окажет ему помощь в возврате Пешавара, то он и его правительство будут самыми верными ее друзьями. Бернс обещал поддержку Дост Мухаммеду со стороны британских властей в Индии; он дал также гарантии кандагарскому правителю Кохендиль-хану на случай продвижения иранских войск к Кандагару. Переговоры шли к благополучному завершению. 20 декабря 1837 г. Бернс направил Окленду письмо, в котором подчеркивал, что урегулирование отношений между Англией и Афганистаном не представляет никаких затруднений. Для этого требуется лишь, чтобы британские власти подошли с минимальным вниманием к справедливым пожеланиям Дост Мухаммеда{42}.

Но английские правящие круги вовсе не стремились к установлению дружественных отношений с Дост Мухаммедом и не были намерены заниматься ликвидацией вражды между ним и сикхами. Действия Бернса были дезавуированы, а сам он обвинен в превышении полномочий{43}. В ответном письме от

20 января секретарь британского правительства в Индии Макнотен от имени генерал-губернатора писал Бернсу, что эмир должен отказаться от мысли о возвращении Пешавара, а также немедленно прекратить всякие переговоры с представителем России. В противном случае Окленд угрожал отозвать английское посольство, рассматривая это как открытый разрыв отношений между Англией и Афганистаном{44}. Макнотен подчеркивал вместе с тем необходимость продолжать «дружескую переписку с Бухарой и Кундузом». Это указание было связано с тем, что, [26] пока Бернс вел переговоры в Кабуле, Лорд и Вуд отправились далее на север. Лорд длительное время изучал Кундузское ханство, тогда как Вуд занимался сбором разведывательных материалов в припамирских областях верховьев Аму-Дарьи — Вахане и Сарыколе. Лич в это время находился в Кандагаре и пересылал Бернсу сведения о положении в Кандагарском и Гератском оазисах и в Иране.

На основании полученных указаний Бернс предъявил Дост Мухаммеду требование отказаться от своих прав на Пешавар и прекратить отношения с Россией. Эти притязания фактически нарушали суверенитет Афганского государства и были отвергнуты эмиром. Он сказал Бернсу: «Я вижу, что Англия не дорожит моей дружбой. Я стучался к вам в дверь, но вы меня отвергли. Правда, Россия слишком далеко, но через Персию... она может мне помочь»{45}.

В связи с непримиримой позицией, занятой английской «торговой миссией» по указанию свыше, дальнейшие переговоры были бесполезны. 26 апреля 1838 г. Бернс покинул Кабул.

С дипломатической точки зрения посольство Бернса не принесло результата. Это, однако, не беспокоило британские правящие круги, которые вынашивали планы утверждения своего полного господства над афганским народом. Для осуществления таких планов была чрезвычайно важна другая сторона деятельности Бернса и остальных участников «дипломатического» визита в Афганистан. Она нашла отражение в «политических, географических и торговых» материалах, представленных членами миссии британским властям в Индии. Среди них были «Очерк состояния армии

Келата в 1837 г.», «Описания Хайберского прохода, водных переправ через реку Инд и Гиндукушских перевалов», «Записка по поводу разведывания пути из Кабула в Туркестан», всевозможные разведывательные данные о Герате и т. п.

В них имелись подробнейшие сведения о дорогах из Индии в Афганистан и Среднюю Азию, о политическом, экономическом и военном положении среднеазиатских [27] ханств, районов левобережья Аму-Дарьи и различных областей Афганистана и Синда. Эти материалы были необходимы для разработки оперативного плана военного нападения на афганские земли, как и на области Средней Азии{46}. Все это полностью компенсировало дипломатический «провал» посольства Бернса, на который, по сути дела, сознательно и умышленно шли британские правящие круги.

В создавшейся обстановке определенных успехов добился представитель России И. Виткевич, прибывший в Кабул вслед за Бернсом. Ему поручалось сообщить афганским феодалам о необходимости тесного сплочения их перед лицом внешней опасности. В этом состояло объективное отличие политики России, стремившейся к укреплению целостности и самостоятельности Афганского государства, от политики Англии, которая подготавливала почву для расчленения этого государства и превращения его в свою колонию. «Главная ваша обязанность, — гласила полученная Виткевичем инструкция министерства иностранных дел, — ...примирить афганских владельцев (кабульского Дост Мухаммед-хана и кандагарского Кохендиль-хана), объяснить им, сколь полезно для них лично и для безопасности их владений состоять им в согласии и тесной связи, дабы ограждать себя от внешних врагов и внутренних смут. Убедивши афганских владельцев в пользе тесного их между собой соединения, объяснить им и необходимость пользоваться благосклонностью и покровительством Персии, ибо одни они раздельно никак не в силах устоять против общих врагов их, и потому им нужно соединение их сил и опора соседственной державы, имеющей некоторый политический вес...»{47}.

В инструкции отмечалась также целесообразность развития русско-афганских торговых отношений. [28] Виткевич обещал Дост-Мухаммеду содействие России в борьбе за возврат Пешавара. Эта поддержка требований правительства Дост Мухаммеда произвела большое впечатление в Афганистане. Виткевич сообщал русскому послу в Тегеране Симоничу, что эмир склонен к укреплению и развитию дружественных связей с Россией{48}.

Известие о результатах миссии Виткевича вызвало большой шум среди британских властей в Индии и в самой Англии. Английская пресса забила тревогу о нависшей якобы над Индией «русской угрозе», о том, что Дост Мухаммед является «заклятым врагом Англии», и все существование Британской империи поставлено на карту. Такая же шумиха была поднята и в парламенте. Премьер-министр Мельбурн, министр иностранных дел Пальмерстон, генерал-губернатор Индии Окленд открыто взяли курс на развязывание войны против Афганистана. Чтобы «обосновать» свою агрессивную политику, британские правящие круги выпустили специальную «Синюю книгу» об англо-афганских отношениях. В ней они пошли на прямой подлог депеш Бернса, сообщавшего, что при определенных условиях Дост Мухаммед будет верным и преданным союзником Англии, позициям которой он ни в малейшей степени не угрожает. Опубликованная в 1839 г. и представленная парламенту «Переписка, относящаяся к афганским делам», состояла из подтасованных документов, полностью искажавших фактический ход событий. Эта фальсификация была призвана оправдать вторжение английских войск в Афганистан.

К. Маркс и Ф. Энгельс, внимательно изучавшие историю Англии, указывали на подделку документов о британской политике в Афганистане. «Г-н Денлоп, открыв атаку внесением предложения об избрании комитета по афганским документам, которые Пальмерстон представил палате в 1839 г., доказал, что Пальмерстон фактически их подделал»{49}, — писал К. Маркс. В другом месте он же отмечал: «Вторжение в Афганистан Пальмерстон [29] оправдывал тем, что сэр А. Бернс советовал вторжение как средство, пригодное для расстройств русских интриг в Средней Азии, Но, как

оказывается, сэр А. Бернс действовал как раз наоборот, и потому все его обращения в пользу Дост Мухаммеда были уничтожены в пальмерстоновском издании «Синей книги», причем переписка, посредством искажений и подделок, получила смысл, совершенно противоположный первоначальному»{50}. Возвращаясь снова к этому вопросу, К. Маркс констатировал: «Первой войной Пальмерстона, предпринятой помимо парламента, была афганская война, смягченная и оправданная подложными документами»{51}.

Французский общественный деятель Луи Блан, долго живший в Англии и наблюдавший за ее политикой, свидетельствовал, что «лорд Окленд решился дать афганцам такого властителя, который был бы всем обязан Англии, был бы ее креатурой, ее рабом... И для этого британское правительство пошло на подлог в буквальном смысле этого слова. «Корреспонденция относительно Афганистана» была в 1839 г. напечатана правительством для представления парламенту с такими искажениями, которые прямо были рассчитаны на то, чтобы уверить парламент будто, во-первых, Дост Мухаммед-хан интригует против Англии в пользу России и, во-вторых, что это подтверждается депешами сэра Александра Бернса»{52}.

В действительности же эмир, несмотря на провал переговоров с Бернсом, вовсе не собирался проявлять враждебность к Англии, хотя и не достиг успеха в своих планах. В прощальном письме от 23 апреля 1838 г. он писал Бернсу, что отказался от предложений о содействии со стороны разных государств, так как надеялся на английскую помощь в вопросе о Пешаваре. Помощь эта, однако, не была оказана, и Дост Мухаммед подчеркивал, что он был разочарован в своих надеждах{53}.

Искажая факты, английские правящие круги развернули активную подготовку к вторжению в Афганистан. [30] «Если действительно Дост Мухаммед раскрыл уши внушениям России, — с иронией и сарказмом писал Луи Блан, — то нельзя терять ни минуты, надо скорее захватить его владения, низложить его, взять в плен и на его место посадить шаха Шуджу, который, правда, был низвергнут своими подданными, но имел то великое достоинство, что жил в Лудхиане пенсией,

получаемой им от англо-индийского правительства, и, следовательно, был такой человек, на покорность которого можно рассчитывать»{54}.

В военном центре Британской Индии — Симле летом 1838 г. велась тщательная разработка планов и схем афганской кампании. Эти планы предусматривали превращение Афганистана в вассала Англии. Для достижения этой цели предлагались различные пути. По одному из них, первоначально избранному Оклендом, борьба должна была вестись «чужой кровью». Ранджит Сингу поручалось двинуть свои войска в Афганистан. Их должны были сопровождать отряды Шуджи уль-Мулька, которого, как и сикхов, англичане были намерены поддерживать «деньгами и советами». Кроме того, для «армии шаха Шуджи» выделялись британские офицеры{55}. Такой план, однако, вскоре был отвергнут из-за опасения, что «афганский поход» не увенчается успехом, если в нем не будут участвовать английские войска.

Генерал-губернатор предложил К. Уэйду и А. Бернсу, считавшимся крупными специалистами по Афганистану, представить свои соображения относительно дальнейшей политики в афганском вопросе. Капитан Уэйд настаивал на необходимости поддержки сепаратистских стремлений отдельных афганских вождей и расчленения Афганистана. Он считал, что объединение и укрепление этой страны представляют большую опасность, а главное вредны для британских интересов{56}. Но если и сохранить Афганистан как государство, писал Уэйд, то во всяком случае необходимо отстранить от власти Дост Мухаммеда и передать ее Шудже уль-Мульке. [31]

Бернс также заявил, что лучшим проанглийским правителем Афганистана будет Шуджа уль-Мульк. Достаточно договориться с Ранджит Сингом, чтобы он к двум полкам «войск» Шуджи уль-Мулька добавил 4—5 своих полков, и успех экс-эмира будет обеспечен, отмечал Бернс. Для этого Шудже уль-Мульке даже не надо будет двигаться из Пешавара в Афганистан: «...надо, чтобы он обратился из этого города к хайберцам, кухистанцам Кабула и ко всем афганцам, указав, что его советниками являются англичане и махараджа», а также, чтобы он раздал им 200—300 тыс. рупий, и «через пару

месяцев он окажется подлинным афганским королем». Но англичане могут сотрудничать и с Дост Мухаммедом, доброжелательно относящимся к ним, продолжал Бернс, «...если бы половина того, что мы делаем для других, была сделана для него.., он завтра же покинул бы и Персию и Россию»{57}.

Однако собравшийся в Симле совет при генерал-губернаторе уже наметил план полного захвата Афганистана и порабощения его народов. После длительных обсуждений было решено двинуть в Афганистан крупные воинские силы, в том числе и чисто британские части.

В то время как в Симле разрабатывались проекты низложения Дост Мухаммеда и установления британского господства над Афганистаном, ближайший помощник Окленда Макнотен занимался внешнеполитической подготовкой войны. В мае 1838 г. он был послан в Лахор для привлечения Пенджаба к нападению на Афганистан. Ссылаясь на прежние соглашения Ранджит Синга с Шуджой уль-Мульком, по которым тот обязывался помочь Шудже захватить власть, Макнотен настаивал на активном участии сикхских войск в намечавшемся походе{58}.

16 июля 1838 г. Шуджа уль-Мульк, а 23 июля 1838 г. махараджа Пенджаба Ранджит Синг подписали разработанный Макнотеном так называемый [32] «трехсторонний договор», в котором участвовала и Англия. По его условиям шах Шуджа в обмен на военно-политическую поддержку уступал англичанам Синд, а Ранджит Сингу — Пешавар и другие восточноафганские земли; он обязывался также подчинить свою внешнюю политику интересам Англии и не претендовать на Герат{59}.

Британские правящие круги открыто развязывали войну против Афганистана, стремясь утвердить свое господство над афганским народом и превратить его земли в плацдарм для дальнейшей экспансии на Среднем Востоке.

Подготавливавшаяся Англией война против Афганистана носила ярко выраженный агрессивный, захватнический характер. Лорд Элленборо, который в 1842 г. сменил Окленда на посту генерал-губернатора Индии, откровенно признавал это. «Мы воевали с Кабулом для того, чтобы удалить

владельца, который сумел соединить племена, создать войско и ввести порядок»{60}, — говорил он.

1 октября 1838 г. в Симле была опубликована декларация британских властей в Индии о причинах военного вторжения в Афганистан. По характеристике видного русского востоковеда В. В. Григорьева, это был «документ, сделавшийся знаменитым в истории дипломатии как сплетение лжи от начала до конца...»{61} В декларации говорилось о намерении Дост Мухаммеда напасть на Ранджит Синга — «нашего союзника», что могло бы (!) отразиться на английской торговле и «потребностях британского правительства в мирной обстановке», о «тайных сношениях» Афганистана с Ираном, якобы направленных против Англии, о неудачном исходе «торговой миссии» Бернса. Пока Кабул находится под властью Дост Мухаммеда, «мы не можем надеяться, что будет обеспечено спокойствие по соседству с нами или что интересы нашей Индийской империи не будут нарушены», — провозглашал Окленд и заявлял, что он «чувствует необходимость принять немедленные меры к предотвращению быстрого развития иностранных интриг и агрессии против нашей собственной территории». [33] Учитывая все это, гласил далее манифест, генерал-губернатор «обратил внимание на положение и претензии шаха Шуджи уль-Мулька — монарха, который, будучи у власти, принимал активное участие в организации совместного сопротивления внешним врагам... и который после захвата его империи ее нынешними правителями нашел почетное убежище в британских владениях». Демагогически утверждая о непопулярности в Афганистане «баракзайских вождей» и о «сильной всеобщей симпатии» афганского народа к шаху Шудже, Окленд объявил, что англичане решили помочь Шудже уль-Мульку, который «вступит в Афганистан, окруженный своими собственными войсками, и будет поддержан британской армией против иностранного вмешательства и внутренних врагов». После этого британские войска будут выведены из страны.

В заключение повторялось, что все это делается исключительно в целях обеспечения «безопасности владений британской короны», а также для того, чтобы помочь в

восстановлении единства и благосостояния афганского народа»{62}.

Автор одного из немногих сравнительно объективных английских исследований об этой войне Джон Кэй, переключаясь с В. В. Григорьевым, очень метко писал о «симлском манифесте» лорда Окленда: «Если он не был назван коллекцией абсолютных фальшивок, то он был охарактеризован как наиболее бесчестное искажение истины»{63}.

Истинные причины нападения на Афганистан хорошо сформулировал афганский историк С. К. Риштия. «Лорд Окленд сознавал, — писал он, — что для осуществления далеко идущих английских планов на Среднем Востоке, предусматривавших установление военного и политического контроля над Синдом, Пенджабом, Кабулом, Кандагаром и Гератом, англичанам необходимо иметь в этих областях таких правителей, которые абсолютно во всех отношениях подчинялись бы британскому правительству, совершенно не имели бы своей точки зрения и, являясь орудием в руках английских [34] представителей, пользовались бы только номинальной властью. Понятно, что такие правители, как эмир Дост Мухаммед-хан и его братья, имевшие собственное мнение и свои планы и не допускавшие никакого вмешательства во внутренние дела своей страны, были людьми, совершенно неподходящими для этих целей... В конце концов англичане решили открыто применить военную силу и свергнуть династию Мухаммедзаев{64} в Афганистане, поставить на их место шаха Шуджу, который находился в руках англичан, закрепить за Англией право держать в Афганистане британские войска и британских чиновников и тем самым поставить страну под военный и политический контроль Англии»{65}.

Агрессивная война пользовалась поддержкой самых высокопоставленных представителей правящих кругов Британской империи. Лондонский тайный комитет директоров Ост-Индской компании, тесно связанный с английским правительством, в специальном письме Окленду от 13 сентября 1839 г. полностью одобрил все его планы и действия, точно так же как и деятельность Макнотена. Таким образом, к

концу тридцатых годов XIX в. британские колонизаторы завершили военно-политическую и дипломатическую подготовку к вооруженному нападению на Афганистан. Они детально изучили дороги, ведущие в эту сторону, материальные ресурсы и политическую обстановку в районах, по которым должна была двигаться их армия. Был сколочен «трехсторонний союз» и найден ставленник — Шуджа уль-Мульк, претензии которого на афганский престол, с точки зрения агрессоров, являлись благовидным предлогом для вторжения в Афганистан. [35]

ГЛАВА II. ПЕРВАЯ АНГЛО-АФГАНСКАЯ ВОЙНА (1838—1842 ГГ.)

В конце 1838 г. английские войска общей численностью свыше 30 тыс. человек были подготовлены для нападения на Афганистан. Основная их часть была собрана в Фирозпуре, на реке Сатледж. Она получила название «армии Инда» и состояла из двух дивизий англо-индийских войск (5 бригад пехоты и 2 бригады кавалерии).

Кроме того, в этом походе должен был участвовать и так называемый «шахский контингент»: это были «вооруженные силы» Шуджи уль-Мулька, насчитывавшие 6 тыс. человек. Сюда входили деклассированные элементы, набранные во владениях Ост-Индской компании. Сущность этих войск хорошо охарактеризовал английский историк Д. Форрест. Он писал: «Шахский контингент, как его благозвучно именовало британское правительство, находился под командой британских офицеров, получил обмундирование из британских складов, а деньги — из Индийского казначейства (речь идет о средствах, которыми распоряжались английские власти в Индии. — Н. Х.)»{66}. Командовали войсками Шуджи уль-Мулька бригадир Роберте, а затем бригадир Анкетиль{67}.

Со стороны Пешавара должен был наступать отряд сикхских войск, при котором находились капитан Уэйд [36] и сын Шуджи уль-Мулька — Тимур. Еще одна группа английских войск должна была высадиться в устье реки Инд, близ Карачи.

Фактическим руководителем экспедиции являлся Уильям Макнотен, который занял пост «посла и полномочного министра» при шахе Шудже. Поскольку этот «монарх» полностью зависел от Англии, Макнотен выступал, по сути дела, в роли неограниченного диктатора, хотя и действовал от имени эмира.

Интервенты были уверены в успехе. В самом деле, Что мог противопоставить им Дост Мухаммед? В донесении о политическом положении в Кабуле, написанном Бернсом во время его дипломатической миссии, в ноябре 1837 г., сообщалось, что войско Дост Мухаммеда состоит из 12—13 тыс. всадников, 2500 пехотинцев и имеет 45 пушек{68}. В другом письме Макнотену от 19—20 июня 1838 г. Бернс не только подтверждал, что афганская армия не превышает 15 тыс. человек, но добавлял, что она вместе со всем народом перейдет На сторону Шуджи уль-Мулька{69}. Располагая почти трехкратным численным перевесом и несомненным техническим превосходством, агрессоры рассчитывали добиться победы без особых усилий.

В 1839 г. англичане вторглись в Синд, они бомбардировали и захватили порт Карачи. Синдским эмирам был навязан кабальный договор, который обязывал их выплачивать дань интервентам. Британские войска оккупировали Келатское ханство и вынудили его правителя Мехраб-хана принять обязательство об охране коммуникаций английской армии и обеспечении ее транспортом. 25 апреля 1839 г. агрессоры, миновав Боланский и Ходжакский проходы, вступили в город Кандагар. Здесь был разыгран спектакль торжественной коронации Шуджи уль-Мулька{70}. Макнотен с упоением сообщал Окленду, что ставленник Англии встретил горячий прием населения, а генерал-губернатор немедленно известил Лондон о «дружественном расположении, [38] проявленном афганским населением»{71}. И то и другое было заведомой ложью. За исключением незначительной группы феодалов афганцы отказались иметь какое-либо дело с английской марионеткой. Английский историк Форрест дает красочную картину вступления шаха Шуджи в Кандагар: «Английские офицеры в своих алых с золотом мундирах были слева от него, и едва ли полдюжины потрепанных, грязных,

плохо одетых афганских последователей — справа. Не более ста афганцев прибыло из Кандагара, чтобы посмотреть эту инсценировку, но и среди них слышался ропот против неверных, которые вторглись в их страну»{72}. Что касается «дружественного расположения» к интервентам, то оно вскоре нашло вполне материальное выражение в пулях длинноствольных афганских мушкетов.

После захвата Кандагара Макнотен навязал Шудже соглашение, которое предусматривало постоянное пребывание английских войск в Афганистане и ставило внешнюю политику страны под полный контроль Англии{73}. Успехи, достигнутые оккупантами на первых порах, объясняются рядом причин. Наряду с применением военной силы они особенно часто использовали метод «золотого мешка» — подкупа влиятельных феодалов. Британская армия, по выражению очевидца событий Дж. Харлана, «прокладывала себе путь соблазнительным очарованием золота., возбуждая алчность кабульских вождей»{74}. Англичанам удалось подкупить некоторых представителей знати и на определенный срок деморализовать феодальную верхушку. К тому же афганский народ и правительство Дост Мухаммеда не желали войны и не были готовы к ней. Нападение британских войск явилось полной неожиданностью для Афганского государства. Об этом свидетельствует отправка Дост Мухаммедом в сентябре 1838 г., т. е. тогда, когда англичане фактически завершили всю подготовку к интервенции, крупного военного отряда (около 4 тыс. всадников и пехоты) в [39] поход против Мир Мурадбека, правителя Кундузского ханства{75}. Именно поэтому агрессорам удалось сравнительно легко вторгнуться в Афганистан. Они не встретили серьезного сопротивления и при овладении Кандагаром.

После падения города правившие в нем баракзайские сардары Кохендиль-хан и его братья бежали в западные районы страны, а затем в Сеистан. Они отклонили предложение британских властей переехать в Индию на «пенсию». Англичане пытались «купить» и Дост Мухаммеда, предложив ему сдать и отправиться в Индию. Дост Мухаммед отверг это предложение.

Захватив юго-восточный Афганистан, оккупанты начали грабить города и села и притеснять население. Среди афганских племен нарастало глубокое возмущение. От пассивных форм протеста афганцы переходили к открытому сопротивлению. На первых порах оно проявлялось в нападениях на английские обозы, на отставших от своих частей британских солдат. Вскоре после начала афганского похода его участник офицер Невиль Чемберлен жаловался в письме домой: «Вы не можете отойти из лагеря на милю без охраны и не будучи хорошо вооруженным и отправиться куда-нибудь без опасения, что вас убьют»{76}.

Постепенно борьба афганского народа против интервентов начинала принимать все более и более массовый характер. Она активизировалась по мере продвижения агрессоров внутрь страны. Вначале английские войска подвергались непрерывным нападениям белуджских племен. Затем в освободительную борьбу начали все более широко включаться афганские племена гильзаев.

В июне 1840 г. против города Келати-Гильзаи, расположенном на важной магистрали Кандагар — Кабул, был направлен английский военный отряд. Тот же Невиль Чемберлен откровенно писал в связи с этим: «Гильзаи — племя, которое населяет местность между Кандагаром и Мукуром, восстали, пытаясь помешать нам построить форт в Келати-Гильзаи, являющемся [40] центром их земель. Они не так слепы, чтобы не понять, что когда мы будем располагать укреплением и держать войско в сердце их области, они будут вынуждены... оставить свои помыслы о независимости»{77}.

Келати-Гильзаи был занят иностранными интервентами, но в районе этого города постепенно возникал очаг активного вооруженного отпора агрессорам, очаг освободительной партизанской войны.

Между тем, в Кабуле Дост Мухаммед-хан вел энергичную подготовку к сопротивлению захватчикам. Одного из своих сыновей — Акбар-хана он послал с войсками для укрепления горных проходов на пути в Пешавар, другого — Хайдар-хана направил в важную крепость Газни по дороге из Кандагара в Кабул, тогда как третий его сын — Афзал-хан с отрядом кавалерии расположился поблизости от Газни. Сам Дост

Мухаммед остался с частью войск в столице, чтобы вовремя подоспеть к наиболее угрожаемому пункту. Надеясь на неприступность Газни, он предполагал, что английская армия будет вынуждена обойти эту крепость, оставив ее в тылу. Тогда, как рассчитывал эмир, он сможет ударить по английским войскам с нескольких сторон, окружить их и уничтожить.

Осуществить этот план не удалось. Племянник Дост Мухаммеда Абдул Рашид перебежал на сторону шаха Шуджи и выдал план обороны города Газни{78}. В июле 1839 г. интервенты подошли к городу, и на подступах к нему начались упорные бои. Пользуясь своим техническим превосходством, агрессоры ворвались в Газни. Завязалось ожесточенное сражение. Вооруженные одними саблями, защитники города смело бросались на британских солдат и падали, сраженные мушкетным огнем или пушечными залпами.

После захвата Газни оккупанты подвергли город полному разграблению.

Дост Мухаммед двинулся с войсками навстречу интервентам, но не решился атаковать их. Он был деморализован падением Газни. К тому же среди феодальной верхушки развивались капитулянтские настроения. [41] Сепаратистские устремления феодальной знати мешали объединению сил страны для борьбы с врагом. Делало свое дело и английское золото. В этих условиях Дост Мухаммед вступил в переговоры с англичанами, заявив, что готов отказаться от эмирского престола в пользу Шуджи уль-Мулька, если ему будет предоставлена должность визиря. В ответ на это оккупанты предложили ему сдаться в плен и отправиться в ссылку в Индию. Дост Мухаммед отклонил это предложение и с небольшим отрядом приближенных отправился на север, в населенные таджиками, узбеками и туркменами земли Южного Туркестана, чтобы там попытаться организовать силы для отпора врагу.

В августе 1838 г. английские войска вступили в Кабул. Они сгоняли афганцев в стан Шуджи уль-Мулька, чтобы доказать, будто его прибытие в столицу порождает всеобщий энтузиазм. Но люди, которых насильно заставляли следовать за Шуджой, убегали при первой возможности. Участник

вторжения в Афганистан У. Гриффис отмечал, что за одну ночь количество дуррани, «присоединившихся к шаху», сократилось с 2 тыс. человек до 300.

Прибытие английского ставленника в Кабул вызвало возмущение населения города, «оно было больше похоже на похоронную процессию, чем на вступление короля в столицу своих возвращенных владений»{79}. Казалось, что замысел британских правящих кругов осуществлен полностью. Во главе Афганистана находился марионеточный эмир, всецело контролируемый англичанами. Вскоре после утверждения власти шаха Шуджи в Кабуле Макнотен навязал ему новое соглашение, которое дополняло кандагарский договор пунктом о постоянном присутствии английского представителя при шахе в качестве советника по государственным делам{80}. Таким образом, интервенты поставили под контроль не только внешнюю политику, но и внутреннюю жизнь страны. Важнейшие города Афганистана — Кабул, Кандагар, Газни, Желалабад и др. были заняты английскими гарнизонами, которые не собирались покидать захваченную страну. Британские правящие [42] круги всемерно старались расширить контролируемую ими территорию. Еще в донесении тайному комитету совета директоров Ост-Индской компании от 13 марта 1839 г. Окленд выражал надежду, что правитель Кундуза и «король Бухары» установят «тесные дружественные отношения с восстановленной сандогай-ской монархией»{81}.

Летом 1839 г. в Герат со специальной миссией был отправлен майор Д'Арси Тодд. Его сопровождали английские офицеры Джемс Аббот и Ричмонд Шекспир. Тодд был снабжен крупными денежными суммами и получил задание подготовить условия для развития английской экспансии в среднеазиатских ханствах. На несколько лет Герат превратился в важнейший центр британской подрывной деятельности на Среднем Востоке.

Оккупанты стремились проложить себе дорогу в Среднюю Азию и по другому направлению. Они захватили город Чарикар (к северу от Кабула) и пункты Бамиан и Сейган, контролирующие важные горные проходы на пути в Южный Туркестан и в долину реки Аму-Дарьи. По этой дороге отправлялись в Среднюю Азию английские разведчики{82}.

Интервенты готовились к новым захватам, и Окленд распорядился занять Гератский оазис и присоединить его к владениям Шуджи уль-Мулька{83}.

Вскоре, однако, выяснилось, что положение в Афганистане значительно более сложное и неблагоприятное для агрессоров, чем они представляли. Стало абсолютно ясно, что посаженный ими на трон эмир не пользуется ни популярностью, ни каким бы то ни было авторитетом в стране, что власть его призрачна и простирается лишь на местности, контролируемые британскими штыками. С выводом оккупационных войск из Афганистана Шуджа уль-Мульк был бы немедленно низложен. Характерная деталь: когда шах Шуджа зимой 1839/40 г. жил в Желалабаде, вокруг города были размещены пехотная бригада и полк легкой кавалерии. Марионеточный эмир, безусловно, нуждался в такой охране. Как писал афганский историк Ахмад [43] Али Кохзад, правление Шуджи «в действительности должно быть названо английской оккупацией афганской земли, и каждому было ясно, что страной правит наиболее ненавистный король при помощи иностранных войск, а народ полон страстного желания дать выход своему возмущению...»{84}

Именно в этом заключалась сложность обстановки для захватчиков: по всему Афганистану все более ширилась и распространялась волна народного гнева, направленного против чужеземных поработителей. Английские войска грабили города и села, отнимали у населения продовольствие и фураж, транспортные средства. Они сопровождали эти действия издевательствами над жителями, зверски расправляясь с ними при малейшем проявлении недовольства. Так, например, по указанию «политического офицера» Персивала Лорда было предпринято нападение на селение народа хазара, близ Бамиана. Вся вина жителей заключалась в том, что они, по словам английского автора, «отказались выдать свои скудные запасы фуража, от наличия которых зависел корм скота зимой. Нападающие сожгли фураж, а несчастные хазара были сожжены живьем или застрелены»{85}.

Подобные факты были отмечены и в других захваченных районах. Возмущение афганского народа принимало все более

открытые и острые формы протеста. Выступления народных масс против интервентов развернулись особенно активно после оккупации Кабула. В сентябре 1839 г. между Кабулом и Газни было произведено нападение на английский военный отряд, эскортировавший обоз с деньгами. Начальник отряда полковник Херинг был убит. На подавление повстанческого движения была отправлена карательная экспедиция во главе с капитаном Утрамом и майором Маклареном{86}.

В апреле 1840 г. началось новое восстание гильзаев. Повстанцы перерезали важнейшую английскую [44] коммуникационную линию Кандагар-Кабул. Генерал Нотт отправил против них из Кандагара 200 всадников, однако они не смогли изменить положения, и вскоре в район восстания были высланы дополнительные войска под командованием капитана Андерсона — отряд пехоты, 300 всадников и артиллерийская батарея. Развернулась упорная и ожесточенная битва, во время которой гильзаи неоднократно бросались в атаку на английские пушки и штыки. Хотя оккупанты победили, победа им дорого стоила и носила временный характер.

Макнотен решил расколоть ряды гильзаев и выделил 3 тыс. фунтов стерлингов для подкупа феодальных вождей: по выражению Д. Кэя, «денежный мешок должен был завершить то, что начали штыки»{87}. Но Д. Кэй тут же добавлял: «Однако ни штык, ни денежный мешок не могли удерживать это беспокойное племя в постоянном состоянии покоя».

Аналогичное положение создалось и в Келатском ханстве, где белуджские повстанцы истребили британский отряд во главе с лейтенантом Клерком. Затем они взяли штурмом город Келат, уничтожив находившийся в нем английский гарнизон под командованием лейтенанта Ловедэй. Афганцы племени какари осадили важный узел дорог — Кветту. Британские воинские власти перебросили сюда дополнительные войска и несколько стабилизировали обстановку, но в Южном Афганистане и Белуджистане также образовались постоянные очаги сопротивления захватчикам.

В районе Гиндукушских перевалов, близ Бамиана, враждебность населения к оккупантам начинала принимать открытые формы. Афганские патриоты нападали на

английские отряды и посты и уничтожали их. В сентябре 1840 г. к Бамиану подошло узбекское ополчение (6—8 тыс. человек) во главе с Дост Мухаммед-ханом, которое он собрал при поддержке Мир Вали — правителя узбекского ханства Хульм. Оно оттеснило англичан к Сейгану.

Находившийся здесь крупный отряд афганских солдат из «шахского контингента» Шуджи уль-Мулька восстал и вместе со своим командиром Салех Мухаммедом перешел на сторону Дост Мухаммеда. Полный [45] разгром британских войск на этом участке был предотвращен лишь в результате прибытия специально направленной сюда бригады Денни, которой удалось, используя свое численное и материальное превосходство (особенно в артиллерии), нанести поражение Дост Мухаммеду.

Но этот успех имел для англичан местное значение. Из района Бамиана и Сейгана Дост Мухаммед направился в Кухистан, где также развивалось освободительное движение. В него постепенно вовлекались и феодальные круги Афганистана, которые выражали резкое недовольство тем, что чиновники Шуджи уль-Мулька стали собирать подати и всевозможные налоги, чем обычно занималась феодальная верхушка. В ряде районов англичане проводили прямое ограбление населения под видом налоговых сборов. К тому же британское правительство резко сократило расходы на оккупационные нужды в Афганистане, которые составляли немалую сумму — 1260 тыс. фунтов стерлингов в год{88}. Сокращение оккупационных расходов отразилось на субсидиях, которые выплачивались некоторым ханам и вождям племен, а переход интервентов к прямому взиманию «налогов» наносил этим ханам материальный ущерб, в результате чего часть феодалов стала занимать враждебную позицию по отношению к Англии.

Борьба против агрессоров принимала в Афганистане все более широкий и массовый характер. Подкупленным феодалам становилось все труднее сдерживать гнев народных масс, и, хотя Бернс прилагал много усилий для подкупа влиятельных лиц среди таджиков Кухистана, ему не удалось помешать Дост Мухаммеду объединиться с кухистанцами для совместного выступления против захватчиков. Активные действия Дост

Мухаммеда в этой области, неподалеку от афганской столицы, вызвали особую тревогу в Кабуле. Макнотен, опасаясь осады города, стал требовать присылки из Индии новых подкреплений.

2 ноября 1840 г. в ущелье Парван Дора произошло сражение между руководимым Дост Мухаммедом [46] таджикским ополчением и бригадой английских войск под командованием генерала Сэя. Англичане рассчитывали на легкую победу. Персивал Лорд, показав своим солдатам на Дост Мухаммеда, обещал выплатить 100 тыс. рупий тому, кто доставит его живым или мертвым{89}. Но британские войска не выдержали натиска народного ополчения. Бригада Сэя была разбита и в беспорядке отступила к Чарикару. Парванская битва вызвала большой отклик во всем Афганистане и сыграла важную роль в развитии освободительного движения.

Однако Дост Мухаммед, потеряв веру в возможность окончательной победы, вскоре сдался оккупационным властям и был отправлен ими в Индию в качестве пленника. Несмотря на пленение эмира, встреченное англичанами с большим ликованием, борьба афганского народа за свободу не ослабела, а продолжала развиваться. Как справедливо писал Сеид Касем Риштия, «афганский народ вскоре поднялся на борьбу с захватчиками и сам, без эмира и сардаров, выполнил эту задачу, восстановив, таким образом, свою национальную честь и славу»{90}.

В начале октября 1840 г. восточногогильзайские племена активно включились в освободительное движение и заняли горные проходы между Кабулом и Джелалабадом. Была прервана важнейшая коммуникационная линия, соединявшая интервентов с их индийским тылом. Стремясь восстановить линии связи, командование оккупационных войск попыталось оттеснить гильзаев. В Тезинской долине, к югу-востоку от Кабула, завязалась ожесточенная, длительная и упорная борьба. Верх одержали повстанцы. Находящимся в афганской столице англичанам пришлось отказаться от использования прямого пути на Пешавар. В письме от 3 ноября 1840 г. участник событий Н. Чемберлен писал: «Мы не приобрели лавров в Тезинской кампании. Наши потери были велики —

150 человек, не считая офицеров. Мы лишились амуниции, обоза и казны, по сути дела, это было настоящее поражение, и я надеюсь, к чести нашей армии, что мы никогда больше не понесем такого [47] поражения»{91}. Однако этим надеждам не суждено был» осуществиться.

Зимой 1840/41 г. в связи с трудностями снабжения войск оккупанты стали в более широких масштабах реквизируют продовольствие и фураж. Английским войскам вместо жалованья предоставлялись на разграбление целые округа. Оккупанты рассматривали Афганистан как свою колонию, а афганцев — как своих рабов. Все это глубоко задевало и оскорбляло национальные чувства и достоинство народа, любовь которого к независимости особо отмечал Ф. Энгельс{92}. Интервенты были окружены жгучей ненавистью населения.

Представление о положении в Афганистане дает письмо, отправленное 20 августа 1841 г. одним английским офицером из Кандагара. «Скоро будет три года, — писал он, — как армия Инда отправилась из Фирозпура для завоевания этой несчастной страны. Шах Шуджа должен был вступить на престол отцов своих, и войско должно было возвратиться потом в Индию. Дело окончено вот уже два года, а мы все еще здесь; правительство не может нести огромных издержек, с которыми сопряжено занятие Афганистана. Но можем ли мы возвратиться? Кругом, во всей стране с каждым днем увеличивается беспокойство. Хайберцы, гильзаи и дуррани взялись за оружие, на посты наши делают нападения, солдат наших убивают перед нашими глазами. Можем ли мы оставить Афганистан в таком положении, и, с другой стороны, переменится ли оно и успокоится ли страна? Никогда, по крайней мере мы до этого не доживем. Не могу вам сказать, как ненавидит нас народ: всякий, кто убьет европейца, считается святым. Еще недавно было несколько таких убийств, и мы не можем, не должны здесь оставаться; мы должны возвратиться, хотя бы даже с уроном нашей чести»{93}.

В течение первой половины 1841 г. упорные антианглийские выступления происходили в различных [48] местностях Афганистана. Грабительские действия оккупантов в районе Келати-Гильзаи вызвали новое восстание

западногильзайских племен. Они атаковали колонну британских войск под начальством полковника Ваймера. Гильзаи были отбиты, но нанесли тяжелые потери врагу. В то же время отряды дуррани во главе с сыном Дост Мухаммеда Актур-ханом осадили Кандагар и были оттеснены англичанами только после напряженных боев. Восточногильзайские племена продолжали контролировать вражеские коммуникации близ Дже-лалабада, на линии Пешавар — Кабул. В октябре 1841 г. сюда была переброшена из Кабула пополненная после поражения в Парванской битве бригада Сэля. На своем пути Сэль подвергся ожесточенной атаке со стороны гильзаев, понес тяжелые потери и с большим трудом укрылся в Гайдамаке. Отсюда он совершил похожий на бегство переход в Джелалабад, хотя получил несколько приказов вернуться в Кабул. За высокими и толстыми стенами Джелалабадской крепости бригада Сэля отсиживалась до конца войны. В Кухистане осенью 1841 г. напряженные сражения велись вокруг Чарикара. Здесь была резиденция британского политического агента Э. Потингера, охранявшаяся полком гуркской пехоты. В результате боев, в которых особенно активное участие приняли таджикские крестьяне{94}, полк был уничтожен вместе с командиром и другими офицерами, а Чарикар занят повстанцами. Бежать удалось лишь Потингеру и полковому адъютанту Хаугтону. В это же время в небольшом городке Шахабаде, в 45 км от Газни, был истреблен английский военный отряд (150 человек) во главе с капитаном Вудбэрном{95}. На открытую борьбу с оккупантами выступили племена, населявшие Хайберское ущелье. Они предприняли ряд нападений на английский гарнизон в Али-Масджиде. Несмотря на переброску сюда дополнительных британских войск, хайберцы продолжали нападения на интервентов{96}. [49]

Осенью 1841 г. произошло сплочение всех сил афганского народа, боровшегося за независимость. Спротивление агрессорам принимало все более организованный характер. В различных районах Афганистана распространялись воззвания, призывавшие к всеобщему выступлению против интервентов{97}. Под давлением народных масс, движимых ненавистью к врагу, активнее

включались в борьбу и некоторые патриотически настроенные вожди племен, как, например, Абдулла-хан Ачакзай и Аминутта-хан Логари. В сентябре 1841 г. в доме Абдулла-хана Ачакзая в Кабуле на совещании вождей был выработан план проведения в столице вооруженного восстания{98}. Восстание началось 2 ноября 1841 г. и явилось одним из кульминационных моментов освободительного движения в Афганистане. Городская беднота, ремесленники, торговцы, крестьяне окрестных селений напали на резиденцию британского губернатора Кабула Бернса. Спротивление охраны было вскоре подавлено, и Бернс был убит.

Английские войска, расположенные в Ширпурском укрепленном лагере, под Кабулом, были настолько деморализованы, что даже не пытались предпринять какие-либо меры для борьбы с повстанцами. Власть в столице перешла в руки афганских патриотов. Вскоре англичане были окружены и в Ширпурском лагере. В Кабул просачивались повстанческие отряды из Кухистана и других местностей. Завязалась упорная и ожесточенная битва за холмы Бемару, господствовавшие над Ширпуром. Невзирая на шрапнельный огонь британских пушек, афганцы настойчиво и самоотверженно атаковали вражеские позиции. Оккупанты потеряли свыше 300 солдат и часть артиллерии. «Неприятель стремительно двинулся вперед; наши солдаты бежали перед ним, точно стадо овец, за которыми гнался волк»{99}, — записала в дневнике жена генерала Сэля, которая жила в это время в Кабуле. В боях особенно ярко проявился народный характер освободительной войны афганских патриотов. Об этом свидетельствуют воспоминания одного из ведущих британских офицеров Д. Лоуренса, [50] описавшего битву на холмах Бемару. «Нам было интересно узнать характер войска, которое за день до того так успешно сражалось против наших солдат, — отмечал он, — и мы в связи с этим внимательно его изучали. К нашему глубокому унижению мы нашли, что вместо дюжих и фанатичных членов клана, шедших за своими вождями в битву, войско, которое изгнало английское знамя с поля боя, состояло главным образом из кабульских торговцев и ремесленников, так что мы даже не испытали грустного

удовлетворения в сознании, что боролись с воинственными племенами страны»{100}.

Весть об успехе восстания в столице с молниеносной быстротой разнеслась по всей стране и явилась сигналом к дальнейшему развертыванию активных выступлений против захватчиков. Ряды участников народно-освободительного движения росли с каждым днем. В освобожденный Кабул прибыл сын Дост Мухаммеда Мухаммед Акбар-хан, находившийся до этого на севере страны. С ним пришло около 6 тыс. человек узбекского народного ополчения, которое, по презрительному выражению жены генерала Сэля, «мало чем отличалось от толпы»{101}. Оккупантам вскоре пришлось испытать на себе силу ударов этого войска. В борьбе против агрессоров участвовали все народы Афганистана. Британские гарнизоны оказались фактически блокированными в занятых ими крупных городах: под Кабулом, в Газни, Кандагаре, Джелалабаде. Над ними нависла угроза полного истребления. Их линии связи и пути сообщения с Индией были прерваны. Командующий английскими войсками в Кандагаре генерал Нотт отмечал, что «ни один европеец не может пройти 200 ярдов, не подвергаясь угрозе быть застреленным или изрубленным»{102}.

О власти или влиянии Шуджи уль-Мулька сейчас вообще уже никто не вспоминал. Его «армия» распалась. В декабре 1841 г. восстали входившие в нее два полка афганской кавалерии, которые примкнули к [51] повстанческому движению{103}. Другие части этой армии также переходили повсеместно на сторону повстанцев. Их примеру кое-где следовали даже солдаты и сержанты англо-индийских войск{104} из числа завербованных в Индии.

Стремясь найти выход из создавшегося положения, один из наиболее активных инициаторов «восстановления шаха Шуджи на престоле его предков под английской охраной» — У. Макнотен сделал попытку применить испытанное средство — подкупы. Он вступил в переговоры с руководителями повстанцев, среди которых были Акбар-хан, Аминулла-хан Логари и др. На срочной необходимости таких переговоров особенно настаивал главнокомандующий британскими войсками в Афганистане генерал У. Эльфинстон. В письме

Макнотену он сообщал об острой нехватке продовольствия и фуража, о большом количестве раненых и больных и отсутствии всякой надежды на помощь из Индии, о крайней военной слабости позиции, занимаемой англичанами под Кабулом. Эльфинстон подчеркивал, что «вся страна выступает с оружием против нас», и призывал «посла и полномочного министра» побыстрее договориться об эвакуации{105}.

Макнотен «пытался подкупить кого-либо из ведущих афганских вождей»{106}. Он выдал некоторым из них 50 тыс. рупий для подготовки проанглийского выступления, обещая еще 200 тыс. рупий в случае успеха{107}. Но попытка не дала никаких результатов: в сложившейся обстановке любой вождь племени, проявивший намерение оказать в чем-либо содействие агрессорам, находился бы перед реальной угрозой разделить их участь. Тогда Макнотен решил применить другие методы. В конце ноября 1841 г. погибли видные участники антибританского движения — Абдулла-хан Ачакзай и Мир Масджиди, и даже в английской литературе утверждалось, [52] что их смерть была «предусмотрена» Макнотеном и Эльфинстоном, что Мир Масджиди был отравлен, а Абдулла-хан Ачакзай получил во время сражения пулю в спину от подкупленного предателя{108}.

Д. Кэй приводил в приложении к своему исследованию об афганской войне заметку из серампурской газеты «Фрэнд оф Индия», многозначительно названную им «Сэр Уильям Макнотен и цена крови». Из нее явствовало, что Макнотен выплачивал крупную денежную сумму некоему Абдул Азизу, «предложившему убить Абдулла-хана»{109}.

Эти действия, однако, не могли оказать существенного влияния на ход событий, и Макнотен был вынужден подписать 11 декабря 1841 г. соглашение, по которому англичане обязались вывести войска из Афганистана, вернуть Дост Мухаммеда и захваченных ими пленных. Афганские сардары согласились предоставить за плату эвакуирующимся войскам провизию и транспортные средства. Не будучи в состоянии трезво оценить обстановку и продолжая преследовать прежние цели британской политики, Макнотен включил в договор пункт о том, что афганцы не должны вступать в переговоры с иностранными государствами без ведома и

согласия Англии{110}. Но и после заключения этого соглашения Макнотен продолжал лелеять надежду на раскол освободительного движения и использование одних группировок против других для сохранения английского владычества в Афганистане. П. Сайке объясняет согласие Макнотена на этот договор тем, что он «надеялся спасти ситуацию посевом разногласий среди жадных вождей»{111}. Сам Макнотен в письме выполнявшему его задания Мохан Лалу подчеркивал: «Если эти люди поссорятся между собой и мы сможем здесь удержаться, то это будет намного лучше, чем отступление зимой по снегу. Я готов истратить любую сумму, чтобы добиться этой цели. Не следует упускать из виду ни малейшей возможности для ее достижения»{112}. [53]

С этой целью Макнотен договорился о встрече на 23 декабря 1841 г. с Акбар-ханом, который выдвигался на первое место среди афганских руководителей. Макнотен задумал новый вероломный акт: отправляясь со своими ближайшими помощниками Лоуренсом, Маккензи и Тревором на встречу с Акбар-ханом, он предложил генералу Эльфинстону «иметь наготове два батальона пехоты и 2 пушки для секретной надобности»{113}, чтобы захватить руководителей повстанцев. Этот план был разгадан Акбар-ханом, и он в свою очередь во время свидания с Макнотеном пытался взять его в плен, а когда тот оказал сопротивление, «Акбар застрелил его из пистолета, прямо в сердце»{114}.

После смерти Макнотена на глазах всего Ширпурского лагеря деморализация и паника среди оккупантов достигли предела. 1 января 1842 г. генерал Эльфинстон заключил соглашение с руководителями афганских патриотов: британские войска в районе Кабула полностью капитулировали. Они должны были сдать все оружие и казну и очистить страну, двинувшись на Пешавар. Начался «обратный путь» интервентов. Ненависть к ним со стороны афганского народа была настолько велика, что жители не могли сдерживать гнева по отношению к агрессорам, ворвавшимся к ним, убивавшим их братьев и сестер, отцов и матерей, грабившим их города и селения. Предпринятые некоторыми ханами попытки удержать патриотов от проявления этой ненависти были безрезультатны{115}. Отряды повстанцев непрерывно

нападали на отступавшие английские войска; «...обуздать гнев народа, глубоко задетого в своих национальных чувствах, оказалось не по силам даже столь любимому народному вождю, каким был Акбар-хан»{116}.

Как писал К. Маркс, «В ущельи местные жители стреляли по «британским собакам» с окружающих утесов, сотни людей погибли, пока не преодолели прохода; к этому времени в отступающей колонне осталось всего 500—600 истощенных, израненных людей, И этих [54] перебили, как баранов, во время их мучительного отхода к границе.

13 января 1842 часовые на стенах Джелалабада (близ Шахджеханпура) увидели человека в английском мундире, висевшем ключьями, верхом на замороженной лошади, и конь и всадник были жестоко изранены; это был доктор Брайдон, единственный уцелевший из 15000 человек, за три недели до того выступивших из Кабула»{117}.

Одновременно с истреблением британских войск в Джигдалакском ущелье афганские отряды предпринимали непрерывные нападения на английские гарнизоны, еще остававшиеся в некоторых городах страны. Повстанцы осадили Джелалабад и настойчиво штурмовали Кандагар. В марте 1842 г. они освободили Газни и уничтожили засевший здесь английский гарнизон (400 человек под командованием полковника Пальмера). Генерал Инглэнд был вынужден скрыться в укреплении Пишин, потеряв при своем отступлении около 100 человек{118}. В это же время закончил свое существование и марионеточный эмир шах Шуджа уль-Мульк, убитый афганскими патриотами в начале апреля того же года.

Теперь перед правящими кругами Англии возникла новая проблема: нужно было думать уже не о превращении Афганистана в колонию, а о быстрейшем вызволении остатков двинутой в эту страну «армии Инда». Вместо обанкротившегося Окленда на пост генерал-губернатора был назначен лорд Элленборо. В апреле 1842 г. британским властям в Индии удалось собрать достаточные силы для того, чтобы пробиться из Пешавара к Джелалабаду и снять с него осаду.

В течение лета 1842 г. велась подготовка к нападению на Кабул, чтобы в какой-то мере восстановить военный престиж

Англии. Это было для нее крайне важно, ибо разгром английских войск в Афганистане вызвал широкий отклик на всем Востоке. «Впервые крупные британские вооруженные силы были разбиты, и это поколебало веру в непобедимость белых завоевателей»{119}, — [56] отмечал английский историк А. Мортон. Но начать заново всю кампанию с целью утверждения своего господства в Афганистане колонизаторы не могли. Выдвигавшиеся наиболее агрессивными кругами планы отправки в эту страну крупной армии были отклонены в связи с тем, что «недовольные элементы в Индии могли воспользоваться британской военной слабостью, чтобы организовать всеобщее восстание»{120}, — как писал биограф лорда Элленборо Альберт Имлах.

Поэтому английское правительство было вынуждено ограничиться карательной экспедицией. Она началась с очередной провокации. Лорд Элленборо пригласил в Калькутту Дост Мухаммеда, жившего в Индии под полицейским надзором и не имевшего никаких сведений о событиях в Афганистане, и предложил ему вернуться на родину, чтобы занять свой трон. В качестве условия Дост Мухаммеду было предложено написать Акбар-хану и другим афганским вождям, чтобы они не препятствовали временному вводу войск Англии в Кабул для «восстановления престижа». Дост Мухаммед выполнил это условие, послав Акбар-хану в подтверждение свои очки и табакерку.

Руководители народной войны, по свидетельству афганского историка Риштия, отвели свои отряды, и перед интервентами фактически был открыт беспрепятственный доступ в Афганистан{121}. Они немедленно воспользовались этим.

Осенью 1842 г. генерал Нотт из Кандагара и генерал Поллок из Джелалабада двинулись на Кабул. По дороге они разоряли и сжигали селения, устраивали массовые казни. В середине сентября Поллок снова захватил афганскую столицу, имея специальное задание «достойно наказать вероломный Кабул»{122}, единственная «вина» жителей которого заключалась в том, что они не желали сносить ярмо чужеземного ига. Город и его окрестности были разграблены, множество мирных жителей убито. Значительная часть

столицы была превращена в руины{123}. Завершая погром в Кабуле, британские [57] генералы распорядились взорвать выдающийся архитектурный памятник — крытый рынок.

Ярким свидетельством зверств оккупантов являются письма непосредственного участника этого карательного похода британского офицера Невилля Чемберлена, игравшего впоследствии видную роль среди английской военщины в Индии.

Описывая действия британских войск в небольшом городке Исталифе, Н. Чемберлен отмечал: «Когда мы почти достигли его, то увидели множество фигур в белом, взбиравшихся на горы, и, приняв их за повстанцев, открыли по ним орудийный огонь, и я с сожалением должен сказать, что некоторые из них упали; подойдя поближе, мы нашли, что это были женщины ...Сцена у входа в город не поддается описанию. Палатки, всевозможные вещи валялись на улицах рядом с трупами несчастных людей, которые чрезмерно задержались с уходом или были слишком храбры, чтобы бежать и оставить своих жен и детей на наше милосердие, не пожертвовав жизнью для их защиты. Ни одно существо мужского пола старше 14 лет не было пощажено, а некоторые солдаты стремились вымести свою злобу на женщинах... Картина грабежа была ужасна. Каждый дом был наполнен солдатами, как европейцами, так и туземными. Мебель, одежда, товары всех сортов летели через окна на улицы и сгребались теми, кто там находился... У богатых лавок оказывалась дюжина владельцев, которые спорили из-за раздела их содержимого... Уже захватившие свою добычу возвращались в лагерь, преграждая путь огромными тюками, которые они тащили, и были скорее похожи на барышников, чем на солдат... Кто брал оружие, кто драгоценности, а кто книги! Некоторые, опять-таки, предпочитали шелка и сатин, шали и т. д... Когда солдаты утолили аппетиты, грабить начала лагерная прислуга, и она продолжала дележ добычи. Найденные в Исталифе товары были оценены почти в 200 тыс. фунтов стерлингов.

...В большом доме мы обнаружили чрезвычайно ценные вещи, которые немедленно стали достоянием моих спутников

— пестрой банды, солдат всех полков и знамен — англичан, индусов, мусульман, гурков...»

На следующее утро Исталиф, по выражению Н. Чемберлена, представлял собой «картину опустошения». [58] «В одном месте мой взор был потрясен видом бедной женщины, лежавшей мертвой рядом с младенцем 3—4 месяцев, еще живым, но у которого обе малые берцовые кости были прострелены и искалечены мушкетной пулей... Поодаль лежала другая женщина, мучась от раны; она страдала от ночного холода, будучи совершенно раздетой, и сжимала дитя в своих руках; ее взгляд отражал испытываемую ею агонию.

...На улицах лежали трупы старых и молодых, богатых и бедных, которые погибли, защищая свой город. Эти ужасные сцены я видел лично; если бы я был в состоянии или желал осматривать дома, боюсь, что был бы очевидцем намного более жестоких поступков и ужасов войны... В действительности, мы не более чем патентованные убийцы. Весь день саперы были заняты тем, что жгли город, а солдаты и лагерная прислуга тащили все, что плохо лежало. Наш лагерь более походил на базар, чем на что-либо другое; его обитатели были заняты продажей и обменом своей добычей».

Перед уходом из Исталифа Н. Чемберлен снова посетил город. «Какие изменения внесли в него 28 часов! — восклицал он. — Осталось лишь десять домов, и не слышно было ни звука, кроме потрескивания огня и грохота обрушивающихся балок и столбов...»{124}

Вслед за Исталифом такая же участь постигла Чарикар, где были разрушены все дома и постройки.

Эти зверства с точки зрения их организаторов были призваны восстановить подорванный престиж английского военного могущества. Однако оставаться в Афганистане интервенты более не решались. Проведя кровавую карательную экспедицию, они поспешно покинули страну. В начале 1843 г. Дост Мухаммеду было позволено вернуться на родину, где он вскоре снова стал эмиром. Так бесславно окончилась для Англии эта агрессивная война. Провал захватнических планов британской буржуазии был обусловлен упорным сопротивлением афганского народа, единодушно поднявшегося на решительную вооруженную борьбу против

агрессоров. Именно этот народный характер освободительного движения, которое [59] получило подлинно массовые размеры, определил поражение несравненно лучше вооруженных и обученных английских войск и являлся важной отличительной особенностью антибританских выступлений в Афганистане. В борьбе с оккупантами приняли активное участие самые разнообразные слои афганского и других народов, населяющих Афганистан (таджики, узбеки, хазара). Племенные ополчения, обычно выступавшие в [60] качестве основной вооруженной силы афганцев, пользовались самой действенной поддержкой городского населения, героически и самоотверженно сражавшегося против интервентов.

Подлинную причину успеха освободительной борьбы Афганистана — ее народный характер, участие в ней широких слоев населения страны: крестьян, ремесленников, городской бедноты — подчеркнул великий русский революционный демократ Н. А. Добролюбов. Он имел в своем распоряжении не так уж много достоверных сведений о происшедших событиях, но с уверенностью отмечал эту особенность англо-афганской войны: «С 1838 г., со времени афганской войны, англичане встречают более противодействия на полуострове, и, что замечательно, противодействие это перестает уже быть делом личного произвола какого-нибудь властителя, а вызывает сильное участие в самом народонаселении страны. В афганской войне народ выказал сильное сопротивление возведению на престол шаха Шуджи, которого поддерживали англичане и который за свои неистовства три раза уже был прогоняем своими подданными. Европейская армия восторжествовала над упорным сопротивлением афганов, но все приобретения англичан вскоре должны были быть оставлены ими, по невозможности удержать их за собой. 20 тыс. человек и 16 млн. фунтов стерлингов были напрасно истрачены в этой войне»{125}.

Разгром британских агрессоров в Афганистане способствовал развитию антиколониальных тенденций и в других странах Востока, особенно в Индии. Не случайно в некоторых английских работах указывается, что это поражение «приблизило... ни с чем не сравнимое несчастье Индийского мятежа»{126}, т. е. массовое народно-

освободительное восстание 1857—1859 гг. в Индии. Из Герата тем временем был изгнан засевший там с 1839 г. майор Тодд, а в Бухарском ханстве в июле 1842 г. были публично казнены британские агенты полковник Стоддарт и капитан Конолли, прибывшие туда с разведывательными и диверсионными целями. [61]

В Англии в связи с крупнейшим военно-политическим поражением в Афганистане события, предшествовавшие войне и приведшие к ней, привлекли пристальное внимание. Они долго и оживленно обсуждались в печати и в политических кругах. В конечном итоге английское правительство было вынуждено выпустить в 1859 г. новое издание «Синей книги», поместив туда документы или те их части, какие раньше были опущены или извращены. Сопоставление публикаций — 1839 и 1859 гг. — чрезвычайно ярко показывает, на какие уловки и подтасовки фактов шли британские экспансионисты, развязывая преступную войну против народов Афганистана. Но о том, чтобы наказать виновников этого мошенничества международного масштаба, не было и речи: слишком высокие посты они занимали. Один из главных инициаторов нападения на Афганистан — лорд Пальмерстон, например, занимал пост премьер-министра Британской империи.

Во всяком случае результаты первой агрессивной войны против Афганистана были очень поучительны для английских колонизаторов. [62]

ГЛАВА III. ПОДГОТОВКА НОВОГО БРИТАНСКОГО ВТОРЖЕНИЯ В АФГАНИСТАН

Сокрушительное поражение, какое нанесли британским войскам народы Афганистана, вынудило правящие круги Англии серьезно пересмотреть методы и формы своей политики в отношении Афганистана. От прямого военного штурма, каким явилась развязанная английскими экспансионистами война 1838—1842 гг., они перешли к «политике дружественного сближения». Цели при этом не менялись: любой ценой, в любой форме британская буржуазия

стремилась установить свое господство, свой контроль над Афганским государством, лишить его независимости, превратить в вассальное владение. Стараясь обосновать внешние изменения в политике Англии по отношению к Афганистану, британский историк Д. Морисон писал: «...поражение 1841—1842 гг., возвращение Дост Мухаммеда к власти и горькие воспоминания ...о прошлых ошибках придали спокойствие отношениям с Афганистаном»{127}.

Конкретный анализ событий свидетельствует, однако, что за внешним «спокойствием» скрывались прежние агрессивные тенденции Британской империи. Границы захваченных ею в Индии земель постепенно и неуклонно приближались к Афганистану. В 1843 г. после непродолжительной, но упорной борьбы с народным ополчением синдцев и белуджей колонизаторы захватили Синд и часть Белуджистана. В 1845 г. они спровоцировали [63] войну с Пенджабом, в результате которой в 1846 г. аннексировали часть его территории и навязали этому государству договор, ограничивший его самостоятельность.

В ряде районов владения Англии находились в непосредственной близости от областей расселения афганских племен, и британская колониальная администрация получила значительно больше возможностей вести интриги и подрывную деятельность против Афганистана.

Обстановка в Афганистане в эти годы была очень сложной. Четырехлетние ожесточенные военные действия, охватившие важнейшие города и селения страны, а также карательная экспедиция английских войск нанесли серьезный урон экономике Афганистана. Многие населенные пункты были полностью или частично уничтожены, поля — вытоптаны. Редкая афганская семья не оплакивала кого-либо из своих членов, павших в борьбе против варварского нашествия.

Положение ухудшалось в связи с тем, что Афганистан не был объединен, а продолжал представлять собой несколько разрозненных феодальных уделов. Вернувшийся к власти Дост Мухаммед старался объединить все афганские земли в едином государстве.

Эмир и его окружение продолжали лелеять надежду на возвращение Пешаварской области. Они прекрасно понимали,

какую угрозу представляет для Афганистана британская экспансия в соседнем Пенджабе. В связи с этим были преданы забвению старые распри с Сикхским государством, раздувавшиеся колонизаторами. В 1848 г., когда Англия начала новую войну против Пенджаба, Дост Мухаммед по договоренности с сикхами занял Пешавар и Атток и выслал десятитысячный отряд конницы в помощь пенджабским войскам. Эта поддержка, однако, не могла иметь существенного значения. Во второй войне с Пенджабом колонизаторам также удалось одержать победу. Они полностью ликвидировали независимость Пенджабского государства и оккупировали всю его территорию, включая занятые ранее сикхами афганские области. Дост Мухаммед был вынужден оставить Пешаварский округ.

Центр тяжести внешней политики эмира ввиду сложившихся обстоятельств переместился на север страны. Афганские феодалы возобновили прерванное иностранным [64] вторжением завоевание узбекских и таджикских ханств левобережья Аму-Дарьи — Южного Туркестана. Занятые ими здесь территории стали в дальнейшем житницами горного Афганистана.

Эти действия вполне соответствовали планам и интересам британских экспансионистов, поскольку они отвлекали внимание правительства Дост Мухаммеда от восточных районов, которые постепенно попадали в зависимость от Англии. Кроме того, такая политика должна была неминуемо привести Афганистан к конфликту с Бухарским эмиратом, некогда владевшим Южным Туркестаном. Помимо прочего, колонизаторы вовсе не собирались отказываться от намерения захватить Афганистан, и поэтому, чем дальше он расширял свои пределы на север, тем выгоднее было для перспектив английской колониальной политики.

Проводившаяся британскими правящими кругами «политика спокойствия» должна была подготовить условия для поглощения Афганистана в подходящее для этого время или превращения его «мирным» путем в зависимое государство. В случае неудачи такой политики ей на смену могла прийти (и пришла на деле) новая военная агрессия. Именно по вопросу о методах утверждения английского

владычества в Афганистане сложились в основном две «школы» — «наступательной политики» («форвард полней») и «выжидательной», или «мастерского бездействия» («бэкворд полиси», или «мастерли инэktivити»). 50—60-е годы XIX в. — период, следовавший за афганской катастрофой, которая постигла английскую армию в 1841—1842 гг., — это период господства сторонников осторожной, выжидательной (но тем не менее — достаточно активной) тактики. Ее идеологом считался британский верховный комиссар в Пенджабе Джон Лоуренс.

После захвата Пенджаба английское правительство особенно настойчиво заигрывало с Афганистаном. Оно стремилось установить с ним более тесные связи и использовать его в интересах своей агрессивной политики на Востоке. Дост Мухаммед откликнулся на сделанное ему предложение о переговорах с могущественным соседом, рассчитывая получить поддержку в своих централизаторских действиях. Переговоры, которые вел в Пешаваре сын эмира Гулям Хайдар-хан с представителем [65] Ост-Индской компании, завершились заключением в марте 1855 г. англо-афганского договора. Этот договор включал пункт о мире и дружбе между обеими странами и о взаимном уважении владений. В соответствии с соглашением афганский эмир обязывался от своего имени и от имени своих наследников «быть другом друзей и врагом врагов достопочтенной Ост-Индской компании»{128}.

Иными словами, афганский эмир признавал захват англичанами Пешаварского округа и принимал на себя обязательство не претендовать на него. Договор вовлекал Афганистан в орбиту британской политики и, по справедливому замечанию С. К. Риштия, ликвидировал политическую независимость страны{129}.

Дост Мухаммед пошел на уступки англичанам, потому что ему удалось заручиться важными обещаниями со стороны Англии. Ему была обещана материальная поддержка и невмешательство во внутреннюю жизнь Афганистана. Подчеркивая особенности заключенного соглашения, видный английский политический деятель герцог Аргаиль, который в течение ряда лет занимал пост статс-секретаря по делам

Индии, писал: «Это был трактат, заставлявший эмира вступать в неприязненные отношения со всеми, кому мы объявляли войну, но не возлагавший на нас ничего подобного такому же обязательству. Со стороны Дост Мухаммеда это был в полном смысле слова наступательный и оборонительный союз, но с нашей стороны он не имел этого назначения. Он клонился, следовательно, исключительно в нашу пользу. Тем не менее эмир не задумался приложить к нему свою руку — единственно ради данного нами обещания, что мы не станем вмешиваться во внутренние дела его страны, и что он не будет лицеизреть в своей столице наших агентов»{130}.

Впрочем, несмотря на заключение договора, колонизаторы не обольщали себя по поводу чувств, испытываемых к ним в Афганистане. «Наши отношения с [66] афганцами как с народом являются непрочными и еще долго будут такими, — констатировал Н. Чемберлен, командовавший в то время пенджабским иррегулярным войском, — мы ничего не можем сделать, чтобы народ в массе пожелал нашей дружбы... Любое проявление доверия к нам или зависимости от нас скорее ослабит, чем укрепит положение какой бы то ни было группировки, ищущей нашу поддержку. Я считаю, что британские штыки еще в течение, многих, многих лет не смогут двинуться через Хайберский проход»{131}.

Со своей стороны и Дост Мухаммед, учитывая настроения в Афганистане, старался не афишировать установления более тесных отношений с Британской империей.

К 1855 г. Дост Мухаммед присоединил к своим владениям Кандагар и предпринял большое наступление против ханств левобережья Аму-Дарьи. В этом походе на север эмир, по словам очевидца, был «снабжен англичанами всем необходимым: оружием, боеприпасами и деньгами»{132}. Афганские феодалы укрепляли свою власть в Балхе, Хульме, Кундузе, расширяли занятые территории. Добившись на данном этапе своей цели — привлечения внимания Афганского государства к завоевательным действиям в Южном Туркестане, — британские колонизаторы тем временем огнем и мечом старались подавить освободительное движение афганских племен в захваченных ими землях Пешаварского округа. Здесь

велась упорная, не прекращавшаяся ни на один день борьба афганцев за свободу против чужеземного гнета.

Весной 1855 г. вспыхнуло восстание среди племени миранзаев в Кохатской долине, к югу от Пешавара. В течение нескольких месяцев полуторатысячный отряд афганских повстанцев героически сопротивлялся регулярным британским войскам. «Усмиренное» в одном пункте восстание немедленно вспыхивало в другом. К миранзаем вскоре присоединилось одно из крупнейших восточноафганских племен — оракзаи, населяющие [67] Кохатскую долину и соседний с ней горный район Тирах. Здесь и на обширной окрестной территории постепенно зарождалась и развивалась характерная для всего периода британского господства в Индии «постоянная пограничная война». Ее вели афганские племена, предпочитавшие смерть в бою подчинению иностранным интервентам.

Под предлогом борьбы с восставшими племенами английские войска продвигались все дальше и дальше на запад, расширяя свои колониальные владения. Они открыто нарушали границы Афганистана, вторгаясь в пределы владений эмира, с которым только что заключили договор о «дружбе и уважении территорий», «...Мы должны пересечь нашу границу, двинувшись по направлению к Кабулу, чтобы наказать племя, находившееся под властью Дост Мухаммеда... Мы должны заставить это племя возместить наши убытки или сжечь и уничтожить его селения и угнать весь скот, какой мы сможем захватить...»{133}, — так писал домой Н. Чемберлен, отправляясь в поход во главе пятитысячного отряда с 14 пушками против племени тури в Кохатской долине.

Освободительное движение афганских племен охватывало все новые и новые земли, вынуждая колонизаторов держать здесь под ружьем большую армию и придавать особую важность дальнейшему укреплению отношений с Дост Мухаммедом. Для этого имелись и другие, не менее серьезные основания. В 1856 г. назрел новый конфликт между Англией и Ираном{134}.

Воспользовавшись обострением положения на Среднем Востоке, британские власти в Индии под предлогом выработки единой политической линии с «другом и [68] союзником»

отправили к Дост Мухаммеду дипломатическую миссию во главе с майором Г. Лэмсденом. Эта миссия прибыла в Кандагар, и в начале 1857 г. между Англией и Афганистаном был заключен договор, который подтверждал и развивал договор 1855 г. Англия брала на себя обязательство выплачивать эмиру в течение всего периода ее войны с Ираном 12 лаков рупий{135} в год «на военные нужды» при условии, что британским офицерам будет разрешено находиться в Афга яистане для наблюдения за использованием этих денег и для сбора всевозможных военно-политических сведений. По словам английского автора Фишера, эта субсидия, носившая явный характер подкупа, должна была выплачиваться эмиру «в течение такого времени, какое его служба может быть для нас полезна»{136}. Дост Мухаммеду было подарено также несколько сот комплектов военного снаряжения для солдат.

В январе 1857 г. эмир встретился с верховным комиссаром Пенджаба Д. Лоуренсом близ форта Джамруд на индо-афганской границе для ратификации договора. Британские власти стремились придать этой встрече возможно более внушительный вид. Очевидец писал: «По случаю первого посещения эмиром английского лагеря в нем было сосредоточено более 7 тыс. человек войск, и в их состав входили три английских пехотных полка. Войска были расставлены шпалерами на протяжении целой мили, и вполне очевидно, что эта сила и воинственная выправка солдат произвели на эмира и его спутников весьма полезное впечатление причем чувство восхищения примешивалось к чувству страха»{137}. В дипломатическом арсенале Англии, таким образом, шантаж и запугивание занимали не менее видное место, чем подкупы.

Заключение договора с правителем Афганистана имело большое значение для британских колонизаторов, поскольку дало им возможность уделить все внимание борьбе с грандиозным восстанием народных масс, начавшимся в Индии в мае 1857 г. [69] Доведенные до нищеты и голодного вымирания, народы Индии поднялись на решительную борьбу против своих поработителей. Это было наиболее мощное народно-освободительное движение из всех, с какими

приходилось иметь дело английским колонизаторам в Индии. Оно потрясло основы британского господства в этой стране. Борьба с повстанцами длилась до 1859 г.

Индийское восстание нашло широкий отклик и в соседних странах. В Афганистане развивалось движение, протеста против какого бы то ни было сближения с Англией. Однако, несмотря на возмущение афганского народа зверствами колонизаторов, Дост Мухаммед был, верен условиям заключенного им договора и строго придерживался нейтралитета. «Во время тяжелых дней восстания, вспыхнувшего вскоре после состоявшегося с эмиром соглашения, — писал видный английский военно-политический деятель Ф. Робертс, — Дост Мухаммед благородно сдержал принятые им на себя обязательства, когда присоединением его к восставшим решила бы судьба Пенджаба, потеря коего в таком случае была бы несомненна. Нам не удалось бы взять Дели и трудно даже допустить возможность сохранения нами какой-либо части страны севернее Бенгала.

Сами афганцы не понимали роли Дост Мухаммеда, и многие из них, приходя к нему во время восстания, бросали свои чалмы к его ногам, призывая его ...воспользоваться случаем уничтожить «неверных». «Внемли известиям из Дели, — говорили они, — и убедись в трудном положении, в котором находятся «ференги»{138}. Зачем не ведешь ты нас против них и не пользуешься их слабостью, чтобы взять обратно Пешавар!»{139} — настаивали они.

Влиятельные афганские феодалы, как например, сводный брат эмира сардар Султан Мухаммед-хан Баракзай, указывали ему на возможность вернуть «не только Пешавар и Дераджат, но и все восточные афганские области»{140}. Однако Дост Мухаммед предпочитал придерживаться выгодной для колонизаторов политики невмешательства в индийские дела. Это позволило Англии перебросить против восставших свои войска из [70] Пенджаба и серьезно облегчило ей подавление восстания.

За эту благожелательную к Англии политику эмир вскоре был вознагражден. В 1858 г. при поддержке со стороны

англичан ему удалось занять часть Сеистана, а также Андхойскую область Южного Туркестана.

Длительная борьба с повстанцами в Индии потребовала больших материальных затрат со стороны Англии. Несмотря на подавление восстания, британские позиции в этой стране были серьезно подорваны. Волей-неволей колонизаторы оказались вынужденными ослабить на некоторое время давление на Афганистан. В основе этой тактики продолжали господствовать взгляды школы сторонников «выжидательной политики». Вплоть до 70-х годов XIX в. британские правящие круги вели на Среднем Востоке преимущественно так называемые малые войны против боровшихся за свободу восточноафганских племен, а в отношении Афганистана методам прямого вторжения предпочитали методы тайной подрывной деятельности.

В течение 1857—1860 гг. британские власти предприняли несколько крупных военных операций против племени махсудвазирова в долинах рек Точи и Гумал. В отдельных случаях на подавление освободительного движения населения Вазиристана отправлялись значительные военные отряды (свыше 5 тыс. человек с артиллерией){141}.

Большой размах приняла борьба между английскими агрессорами и афганским племенем юсуфзаев в горной области Ситана, на границах Пешаварского округа. В 1858 г. в эту область был направлен с карательными целями военный отряд генерала Коттона для подавления антиколониальных выступлений. Несмотря на это, ситанцы продолжали игнорировать законы, которые пыталась навязать им колониальная администрация. Тогда английские войска летом 1863 г. блокировали опорный пункт повстанцев — гору Махабун, куда прибыло много афганцев «с намерением помочь единоплеменникам изгнать родной край от нашего ненавистного [71] присутствия»{142}, — как писал участник событий английский полковник Д. Эдай.

Повстанцы обратились к жителям соседних районов с воззванием не верить обещаниям англичан, «иначе они, — гласил текст воззвания, — при первом же случае дотла разорят вас, замучат, предадут всяческим поруганиям,

присвоят себе все ваше имущество и надругаются над вашей верой. Тогда о вас можно будет только сожалеть»{143}.

Этот призыв нашел единодушную поддержку среди афганцев Бунера, Свата и других горных районов. Когда против Ситаны выступило снабженное 19 пушками 6-тысячное английское войско во главе с бригадным генералом Н. Чемберленом{144}, оно столкнулось уже не с небольшой горсточкой осажденных на горе Махабун повстанцев, а со сплоченными афганскими отрядами, численность которых достигала 15 тыс. человек. Колонна генерала Чемберлена была остановлена в Амбейлахском ущелье, на подступах к горе Махабун, и понесла крупные потери от смелых атак горцев. Интервенты были вынуждены перейти к обороне.

«Простая военная прогулка в горы приняла грозные размеры пограничной войны», — писал Эдай и приводил паническую телеграмму Н. Чемберлена командованию от 27 октября 1863 г.: «Советую отправить за Инд все войска, без которых можно обойтись на юге. Всякое промедление теперь может принести большие несчастья...»{145}

Опасения агрессоров были обоснованными. К сражавшимся патриотам вскоре присоединились племена Баджаурской области; волнения все более распространялись и охватили племена момандов в Пешаварском округе, вазиров и утманхелей в Кохатской долине.

В район боев срочно перебрасывались все новые и новые английские войска. К началу декабря 1863 г. здесь было сосредоточено уже 25 тыс. человек. Бои [72] приняли ожесточенный характер. Только за два дня — 15—16 декабря, например, интервенты потеряли около 200 человек убитыми и ранеными. Чрезвычайно активную деятельность развили британские политические агенты. Они сеяли рознь и раздоры между представителями различных племен, подкупали неустойчивых старшин и вождей племен.

Сочетая военный нажим и подрывную деятельность, колонизаторы смогли ослабить выступавшие против них силы и добились компромиссного соглашения с руководителями повстанцев. Интервенты заявили, что выведут свои войска, если будет разрушено (под наблюдением английских офицеров) основное пристанище ситанцев — село Мульки. Это

было сделано, но, хотя первоначальная цель экспедиции казалась достигнутой, весь ход событий свидетельствовал о крупнейшем военно-политическом поражении агрессоров. Сделав хорошую мину при плохой игре, они были вынуждены «добровольно» покинуть Амбейлахское ущелье. Фактически же колонизаторы оказались перед необходимостью отступить, столкнувшись с мощным единоклассным отпором со стороны афганских крестьян и ремесленников. За отходившими английскими войсками по пятам следовали горцы, уничтожавшие созданные интервентами укрепления и дороги, чтобы помешать новому «визиту» непрошенных гостей.

Полковник Эдай писал в связи с этим: «...Наши соседи подозрительно... относятся к нашим действиям и сомневаются в наших заявлениях о миролюбии и невмешательстве... Народ, живущий в горных твердынях, рядом с нашей границей, полагает свою безопасность больше в собственной храбрости, нежели в нашем бескорыстии»{146}.

С этими словами можно полностью согласиться. Восточноафганские племена, силой отделенные от Афганского государства, имели достаточно веские причины сомневаться в «миролюбивых» заявлениях и «бескорыстии» британских властей.

По отношению к собственно Афганистану английское правительство занимало выжидательную позицию. Оно внимательно наблюдало за тем, как Дост Мухаммед расширял пределы своих владений, рассчитывая в [73] дальнейшем воспользоваться этими приобретениями. После овладения Кандагаром и большинством узбекских и таджикских ханств левобережья Аму-Дарьи Дост Мухаммед стал готовиться к походу на Герат. Этим городом на правах самостоятельного владельца управлял племянник и зять эмира сардар Султан Ахмад-хан. Весной 1861 г. Дост Мухаммед во главе своего войска выступил против Герата. Борьба за город длилась свыше года : в июне 1862 г.{147} эмир овладел им. Дост Мухаммед завершил, таким образом, ликвидацию феодальной раздробленности и объединение Афганистана. Через несколько дней после взятия Герата Дост Мухаммед умер, а объединенное государство недолго пережило эмира.

Созданная в период второго правления Дост Мухаммеда абсолютная монархия экономически не представляла собой цельного государства. В стране продолжали господствовать феодальные отношения и еще не сложился единый внутренний рынок. Сепаратистские тенденции феодальной верхушки были ослаблены, но не сломлены. Наряду с армией эмира в Афганистане продолжали существовать войска племенной знати и правителей отдельных областей.

После смерти Дост Мухаммеда в стране снова начались междоусобные раздоры. Борьба развернулась между назначенным эмиром наследником престола Шер Али-ханом и его сводными братьями Мухаммед Афзал-ханом и Мухаммед Азам-ханом.

Межфеодальные войны предоставляли британским правящим кругам широкие возможности для закулисных интриг в Афганистане. В целях оказания нажима на Шер Али-хана британские власти прекратили на неопределенный срок выплату ему субсидий, хотя официально были поставлены в известность о том, что он стал эмиром. Вместе с тем они оказали поддержку бежавшему в Индию Мухаммед Азам-хану. По распоряжению британского политического агента в Пешаваре Азам-хану выдавалось специальное пособие в размере 3 тыс. рупий в месяц{148}. Это дало ему возможность [74] набрать военный отряд и вступить в открытую борьбу против законного правителя.

В дальнейшем колонизаторы также охотно и активно поддерживали различных претендентов на престол. Подобная тактика способствовала развитию междоусобных распрей. Более того, английские представители фактически провоцировали междоусобицы, чрезвычайно ослаблявшие Афганское государство. Эта тактика являлась составной частью британской политики «мастерского бездействия». Заметим кстати, что в течение всего периода внутренней борьбы в Афганистане (с января 1864 по январь 1869 гг.) вице-королем Индии, т. е. лицом, несшим главную ответственность за англо-афганские отношения, был Д. Лоуренс, руководитель сторонников «бэкворд полиси». Постороннее вмешательство надолго затянуло разрешение конфликта: лишь в конце 1868 г. Шер Али-хану удалось

закрепить за собой эмирский престол. К 1869 г. Шер Али-хан полностью овладел положением в стране. Укрепление центральной власти должно было благотворно сказаться на жизни афганского народа, разоренного частыми войнами и междоусобными распрями. Перед Афганистаном открылись некоторые перспективы в области экономического и политического развития. Вскоре, однако, это мирное развитие было снова прервано. Народам Афганистана пришлось отражать новое нападение британских агрессоров.

* * *

В последней трети XIX в. в связи с постепенным переходом Англии на империалистическую стадию развития и резким обострением захватнических тенденций в ее политике, английские экспансионисты снова выдвинули планы полного закабаления Афганистана. Они стремились к созданию на его землях плацдарма для возможного нападения на русские владения в Средней Азии, а также для продвижения в Западный Китай и Восточный Иран. На смену исторически обусловленной более осторожной (но от этого не терявшей своей опасности для Афганского государства), «выжидательной политики» приходила открыто агрессивная, «наступательная политика» — «форвард полиси»; в этот момент она лучше отвечала интересам и нуждам английских правящих кругов. [75] В качестве основного дипломатического «довода» Англии в отношении Афганистана снос выдвигался штык...

В Кабуле в это время Шер Али стремился ликвидировать последствия междоусобной борьбы, которая почти 6 лет истощала и ослабляла Афганистан, а также предотвратить новые вспышки феодальных раздоров и распрей. Впервые после длительного, почти столетнего, перерыва под контролем эмира была объединена столь большая территория. Перед афганским правительством стояла все та же сложная и трудная задача, что и раньше, — ослабление позиций племенных вождей и феодальных владетелей, укрепление силы и авторитета центральной власти. Разрешение этой задачи было немисливо без ликвидации прав и привилегий

феодальной верхушки, особенно по сбору налогов. Осуществление этой задачи было немисливо также без наличия у правительства хорошо оснащенной и обученной регулярной армии.

Пока основной военной силой Афганистана являлись отряды феодалов, эмир продолжал зависеть от той или другой феодальной группировки.

Шер Али энергично принялся за создание государственного аппарата и правительственного войска. Он не прочь был опереться в своей деятельности на помощь со стороны иностранной державы. Вице-король Индии лорд Майо, который, как и сменивший его лорд Норсбрук, продолжал придерживаться тактики «выжидательной политики», пригласил Шер Али на совместные переговоры. Встреча между ними состоялась в марте 1869 г. в индийском городе Амбале. В ходе переговоров британские власти в Индии обещали эмиру материальную поддержку, а также взяли на себя обязательство не вмешиваться во внутренние дела Афганистана и не добиваться от эмира принятия в своей стране английских представителей{149}.

Переговоры в Амбале расценивались как действия, направленные непосредственно против России. Туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман в письме к директору Азиатского департамента министерства иностранных дел России П. С. Стремоухову от 21 мая [76] 1869 г. писал, что английское правительство, оказывая эмиру «особое внимание, давая материальную помощь, обещая помощь против будущих врагов, как будто приглашает Шер Али попытаться расширить пределы Афганистана за счет соседей»{150}.

Все же Шер Али не был удовлетворен результатами амбальской конференции, он настаивал перед Майо на заключении договора о дружбе и союзе и требовал принятия английскими властями обязательства «не признавать в Афганистане друзьями» никого, кроме эмира и его наследников.

Однако вице-король отклонил предложения Шер Али. Английские колонизаторы предпочитали не связывать себя дополнительными обещаниями, чтобы оставить для себя

возможность проводить политику интриг в отношении Афганистана.

Вернувшись в Кабул, эмир принялся за реализацию планов укрепления центральной власти. Он стремился прежде всего преобразовать существовавшую систему сбора налогов. «По этой системе, — гласило интересное донесение русского посла в Иране И. А. Зиновьева в министерство иностранных дел от 14 августа 1869 г., — вся страна разделена между сардарами, которые взимают все налоги и только весьма незначительную часть оных вносят правительству, обязуясь за то содержать на свой счет нужное государству войско.

Шер Али-хан нетерпеливо желает покончить с этим порядком вещей, который, с одной стороны, ставит его в прямую зависимость от сардаров, к верности которых он имеет ограниченное доверие, и, с другой стороны, лишает правительство возможностей, которыми правители весьма часто пользуются в удовлетворении своего хищничества. Чтобы ослабить влияние своих крупных вассалов, эмир решил взять из их управления источники финансов страны и образовать одну постоянную армию, которая была бы подчинена офицерам, им самим назначенным, и достигла бы численности 26 тыс. человек». Зиновьев отмечал далее, что эта реформа «не совершится без упорной борьбы со стороны сардаров, которые будут отстаивать свои бывшие привилегии»{151}. [77]

Укрепляя позиции центрального правительства, Шер Али организовал в Кабуле государственную полицию. Был издан правительственный указ об обязательной сдаче оружия, которым эмир рассчитывал вооружить создаваемую армию. Эта мера вызвала большое недовольство в стране, перешедшее в ряде случаев в открытое возмущение (в первую очередь в Кабуле и Кухистане). Распоряжение о сдаче оружия на деле не было выполнено.

Афганцы с недоверием относились к переговорам с Англией и выражали протест против политики сближения с британскими колонизаторами, память о зверствах которых была еще слишком свежа в Афганистане. Они связывали распоряжение об изъятии оружия с переговорами в Амбале. Афганец Рахматулла, прибывший в августе 1869 г. по

торговым делам из Кабула в Ташкент, сообщил: «Народ кричит повсюду, что эмир продался англичанам; это заставило эмира публиковать повсюду фирман, в котором он объявлял, что не продался англичанам, а что ему платят деньги англичане, как и отцу его платили, для того чтобы он не беспокоил английских владений в Индии...»{152}

Несмотря на серьезное недовольство в стране. Шер Али продолжал настойчиво проводить административную и военную реформы. Он обложил чрезвычайным военным налогом население Кабула, Кухистана и Джелалабадского округа, что еще более обострило положение. «Так как, однако, взимание этой подати предназначено на жалование войска.., то Шер Али мало заботится о дурном впечатлении, которое производит эта мера», — сообщалось в депеше русского дипломата в Тегеране Бегера от 9 октября 1869 г. — Стремление эмира поставить всю армию в прямую от себя зависимость и ослабить влияние сардаров вызывает также большие затруднения, но и в этом случае он решился так же мало уступить, как и в вопросе о налогах»{153}. Централизаторская деятельность Шер Али встречала ожесточенное сопротивление представителей феодальной знати. Одним из первых поднял восстание против эмира его племянник Исмаил-хан, который способствовал [78] победе Шер Али в междоусобной борьбе 1863—1869 гг. Находившийся в Южном Туркестане с отрядом правительственных войск, Исмаил-хан бросил это войско, «когда узнал об обнаруженных стеснительных, для сардаров мерах»{154}, вернулся в столицу и пытался организовать открытое выступление против эмира. Шеру Али, однако, удалось при помощи верной ему армии быстро подавить этот мятеж, как и другие проявления недовольства феодальной верхушки.

В результате длительной борьбы эмир, опиравшийся на поддержку наиболее дальновидных сановников (в частности, авторитетного государственного деятеля Нур Мухаммед-хана, который исполнял функции главного визиря), смог все же создать довольно большое войско; до 40 батальонов пехоты и 16 полков регулярной кавалерии. Но средств на их содержание, как и на расходы в связи с увеличившимся государственным аппаратом, постоянно не хватало. Солдаты

нередко искали дополнительного приработка, а чиновники занимались взяточничеством и казнокрадством. Эмир старался расширить поступление денежных средств и вводил новые налоги.

В результате этого в начале 70-х годов в Афганистане росло недовольство как среди народных масс, измученных непосильными налогами, так и среди феодалов, опасавшихся ослабления своих позиций в стране. Сложившаяся в Афганистане обстановка была как нельзя более на руку британским империалистам, стремившимся к подчинению Афганского государства. Для быстреего достижения поставленной цели английские правящие круги прибегли к энергичному нажиму на эмира. Еще в июле 1868 г. Г. Раулинсон отправил правительству Англии «Меморандум по среднеазиатскому вопросу», с которым были ознакомлены британские власти в Индии. В своем меморандуме этот активный и влиятельный глава школы «наступательной политики» указывал на расширение владений России в Средней Азии и призывал к решительной экспансии на Востоке. Он предлагал, в частности, добиться господствующего положения в Кабуле, улучшить и расширить военные коммуникации Англии на границах Афганистана и [79] проложить железную дорогу из Лахора в Пешавар, а также создать укрепленный пункт и военный плацдарм в Кветте, у Боланского прохода{155}.

Эти же взгляды Раулинсон развивал на заседании Королевского Географического общества в Лондоне, где призывал к максимальному развитию торговли в лежащих за Индией странах и к размещению британских консулов и различных агентов в городах Афганистана (в первую очередь в Балхе и Герате){156}.

Предложения Раулинсона легли в основу разрабатывавшейся британскими правящими кругами политики на Востоке.

Через несколько месяцев после встречи в Амбале, 28 августа 1869 г., в городе Симле, где находился штаб английских войск в Индии и летняя резиденция вице-короля, состоялось заседание совета при вице-короле «без участия членов совета туземного происхождения». Здесь обсуждался

представленный генералом Лэмсденом [80] план активизации британской экспансии в Афганистане. Один из выступавших считал необходимым назначить в Кабул облеченного большими правами и полномочиями представителя, ввести в афганскую столицу английские войска «для обеспечения выполнения договоров с Англией», овладеть Джелалабадом и Курамской долиной, по которой пролегал один из путей в Афганистан. «Имея в наших руках Джелалабад и Пешавар — подступы к Кабулу, мы получим господство над Хайбер-ским и соседними проходами, над прилегающими горами и откроем их для нашей торговли»{157}.

Подготавливая прямое вторжение в Афганистан, британские империалисты стремились отрезать его от возможной помощи с севера, из-за Аму-Дарьи, где в это время укреплялось влияние России. Уже в 1869 г. Англия поставила перед царским правительством вопрос об установлении «нейтральной зоны» между британскими владениями в Индии и контролируемые Россией областями Средней Азии. Представители Министерства иностранных дел России предложили считать такой нейтральной зоной территорию Афганского государства в составе Кабульской, Кандагарской и Гератской областей. Подобное решение проблемы было отвергнуто англичанами. Они желали создать многонациональное государство, ослабляемое внутренними раздорами, и расширить его пределы как можно дальше на север, чтобы затем утвердить здесь свое господство.

В октябре 1869 г. для переговоров по этим вопросам в Петербург прибыл представитель английского правительства Дуглас Форсайт. Было обусловлено, что в состав Афганистана войдут земли, на которые распространяется «действительная власть» эмира Шер Али, а Англия будет выступать гарантом его миролюбивой политики. Тем самым британским дипломатам удалось добиться согласия царизма на признание Афганистана английской «сферой влияния». Местным властям — вице-королю Индии и туркестанскому генерал-губернатору было поручено выяснить, какие территории находятся в «действительном владении» Шер Али-хана. Не дожидаясь, [81] пока Россия представит свои соображения, министр иностранных дел Англии прислал в Петербург депешу, в

которой настаивал на включении в Афганистан следующих земель: «1. Бадахшана с зависящим от него Ваханом, начиная от озера Зоркуль на востоке до слияния Кокчи с Аму-Дарьей (Пянджем), образующей северную границу этой афганской провинции на всем ее протяжении; 2. Афганского Туркестана (округа Кундуз, Хульм и Балх), северной границей которого служило бы течение Аму-Дарьи от впадения в нее Кокчи до поста Ходжа-Сале включительно..; 3. Внутренних округов: Ахчи, Сарыпуль, Меймене, Шибирган и Андхой...»{158}

Выразив сомнение в том, что «эмир Кабула действительно владеет городами Ахча, Сарыпуль, Меймене, Шибирган и Андхой, которые предполагается включить в границы Афганистана», министр иностранных дел России Горчаков все же согласился с предложениями Англии, возражая лишь против того, чтобы считать афганскими владениями Бадахшан и Вахан{159}. В январе 1873 г. и по этому вопросу была достигнута договоренность. Готовясь к походу против Хивинского ханства, царское правительство согласилось на «зачисление» и Бадахшана под власть Шер Али.

Обеспечив себе нейтралитет царской России, правящие круги Англии предприняли дипломатическое наступление на Афганистан. В сентябре 1873 г. на конференции в Симле с участием делегатов Афганистана вице-король Индии потребовал допуска английских резидентов в различные афганские города для создания британских опорных пунктов на северных границах страны и установления контроля над ее внутренней жизнью.

Выполнение этого требования должно было фактически лишить Афганистан независимости, и Шер Али-хан отклонил его. Сразу же после этого началась кампания против эмира. Англичане стремились подорвать его авторитет в стране, заменить более удобной для себя фигурой. С этой целью они решили использовать в своих интересах старшего сына Шер Али — тщеславного и [82] близорукого в политическом отношении Якуб-хана, бывшего тогда правителем Герата. Якуб-хан был недоволен назначением наследником престола младшего сына эмира — Абдулла-Джана. Английские империалисты стремились использовать раздоры в семье Шер

Али, тем более что Якуб-хан был известен им как властолюбивый карьерист, неоднократно выступавший против своего отца. Еще в мае 1870 г. он организовал восстание против эмира{160}. Подстрекаемый англичанами, Якуб-хан надеялся на содействие населения Кандагара, но кандагарцы выступили в поддержку Шер Али. Их ополчение разбило отряды Якуб-хана; он прекратил борьбу и лишь по прямому ходатайству лорда Майо был оставлен правителем Герата{161}. Англичане продолжали считать, что на него можно сделать ставку. Британские агенты, посещавшие Герат под разнообразными предлогами, подстрекали Якуб-хана к выступлению против эмира.

Непосредственный контакт с Якуб-ханом был установлен английскими империалистами в ноябре 1872 г. К нему прибыл в качестве представителя английской политической службы капитан Х. Марч. Во время переговоров с Якуб-ханом Марч выяснил, что тот не прочь опереться на помощь Англии в борьбе за власть. Узнав об интригах, которые плелись вокруг Якуб-хана, Шер Али в ноябре 1874 г. вызвал его в Кабул и заключил в тюрьму. Тогда за Якуб-хана снова вступилось британское правительство. Вице-король лорд Норсбрук выразил эмиру недовольство по этому поводу и потребовал освобождения мятежного сардара «во имя дружбы британского правительства»{162}. Этот нажим вызвал возмущение в Афганистане и остался безрезультатным.

Британские империалисты проявляли значительную активность не только в Герате, а и в юго-западной части Афганистана. В 1872 г. под руководством англичан между Ираном и Афганистаном было осуществлено так называемое «сеистанское разграничение». Оно касалось области Сеистан, расположенной на юго-востоке Ирана и юго-западе Афганистана. Это разграничение было проведено таким образом, что ирано-афганский конфликт [83] не только не утих, а разгорелся с особенной силой, ослабляя обе страны. Выиграли от этого лишь британские арбитры.

Потерпев неудачу с Якуб-ханом, империалисты попытались оказать воздействие на самого эмира. В 1873 г. британские власти предъявили Шер Али требование о допуске английских офицеров в важнейшие города Афганистана{163}.

Это требование было отклонено. Представители крайних агрессивных кругов Великобритании призывали к открытому вторжению в Афганистан. Один из них — член совета при вице-короле Индии Бартль Фрер в середине 1874 г. обратился к вице-королю Индии Норсбруку, а затем к статс-секретарю по делам Индии лорду Солсбери, настаивая на активизации политики по отношению к Афганистану.

Предложения Бартль Фрера встретили полное сочувствие правящих кругов, и в начале 1875 г. Норсбрук получил из Лондона предписание любым путем добиться создания английских агентств в Герате и Кандагаре{164}. Норсбрук — сторонник тактики «выжидательной политики» — понимал, что такая постановка вопроса может обострить англо-афганские отношения, и после консультации со своими советниками отметил, что считает посылку английских офицеров в Герат и Кандагар несвоевременной и ненужной мерой. Он рекомендовал «политику миролюбия и расположения».

Разногласия среди британских властей сводились к методам, но не к сущности действий. Об этом свидетельствует секретная депеша члена кабинета Биконсфильда Крэнбрука вице-королю Индии: «Хотя между властями существовало и до сих пор еще существует различие в мнениях относительно того, какой именно пограничной: политики следует придерживаться индийскому правительству, но это различие во мнениях касается скорее способов действий, чем самой сути. Главной целью британского правительства в продолжение многих лет было устроить на своих северо-западных окраинах сильное дружественное и независимое государство, интересы [84] которого были бы вполне солидарны с интересами индийского правительства»{165}. Насколько верна первая часть депеши Крэнбрука, настолько лжива вторая: британские империалисты не только не стремились к укреплению независимости Афганистана, а наоборот, прилагали все силы к тому, чтобы превратить его в свою колонию или полуколонию. Методы достижения этого были самыми разнообразными. В ноябре 1875 г. Норсбрук получил из Англии второе предписание с требованием немедленно отправить в Кабул специальную миссию для переговоров о посылке английских офицеров в Афганистан.

Истинные цели и причины этого мероприятия маскировались мотивировкой о продвижении России в Средней Азии и угрозой, якобы возникающей в связи с этим для британских владений в Азии. Норсбруку категорически предлагалось изыскать, «а если нужно, то создать предлог», как гласило полученное им предписание, для посылки агентов в Афганистан.

Снова британские власти в Индии в своем ответе указали имперскому правительству на нежелательность оказания давления на Шер Али и отметили, что его отрицательное отношение к открытию британских резидентств вовсе не говорит о его «нелояльности». Они указывали также на отсутствие у России стремления установить свое влияние в Афганистане.

Шер Али, видимо, догадывался о закулисной деятельности английских империалистов. В январе 1876 г. он отправил турецкому султану любопытное послание. «Ваше величество... не одобряли сказанное в последнем моем письме, что дружба англичан — слово, написанное на льду, но теперь Ваше величество могли на собственном опыте убедиться, как мало надо верить в их дружбу, и Вы видите, что англичане постоянно оставляют своих друзей в их несчастье на произвол судьбы»{166}, — писал Шер Али.

Деятельность Норсбрука вызвала недовольство английского правительства. В апреле 1876 г. он был заменен на посту вице-короля Индии лордом Литтоном — [85] личным ставленником премьер-министра Биконсфильда, агрессивные взгляды которого Литтон всецело разделял.

Солсбери снабдил нового вице-короля специальной инструкцией, в которой требовал принятия быстрых и эффективных мер для укрепления английского влияния в Афганистане. «Британские власти, — писал Солсбери, — должны получить санкцию эмира на немедленное создание постоянных английских резидентств в Афганистане»{167}.

После получения такой инструкции Литтону стало ясно, как нужно действовать. В личном письме от 27 августа 1876 г. одному из колониальных деятелей он писал, что, если Шер Али «не докажет, что он наш лояльный друг, мы вынуждены

будем считать его нашим врагом и обращаться с ним соответствующим образом{168}.

Следуя полученным указаниям, Литтон в мае 1876 г. предложил Шер Али-хану принять британское посольство, передать англичанам контроль над Гиндукушскими проходами и допустить в страну их агентов. Несмотря на угрозы и враждебные демонстрации, эти требования были отклонены Афганистаном. Эмир выдвинул контрпредложение об отправке в Индию своей миссии для того, чтобы выяснить, какие «благородные стремления зародились снова в благородном сердце английского правительства»{169}, как с горькой иронией и сарказмом писал Шер Али.

Наряду с этим эмир стремился заручиться поддержкой России в борьбе против британских притязаний и в начале июня 1876 г. направил письмо в Ташкент, в котором уверял, что «дружба афганского владетеля с могущественной и сильной Россией никогда не разъединится»{170}. Налаживание русско-афганских отношений имело большое моральное значение для Шер Али и стимулировало его сопротивление настойчивым попыткам Великобритании подчинить Афганистан своему господству. [86] «Что Шер Али согласен был дать в 1873 г., он уже не дал бы в 1876 г., когда его отношения с Кауфманом стали тесными и более близкими»{171}, — писал английский историк Додуэлл.

Отклонение эмиром британских требований вызвало поток брани по его адресу в английской прессе. Правящие круги Англии грозили эмиру оставить его без денежной помощи и оказать максимальную поддержку оппозиционным элементам. Срочно вызванный в Симлу для инструктажа английский вакиль{172} в Кабуле получил указание подтвердить требования о допуске британских резидентов в Афганистан. Литтон с явно провокационной и демагогической целью подчеркнул, что в случае отказа «ничто не помешает Англии объединиться с Россией для того, чтобы совместными силами совершенно стереть Афганистан с лица земли». Он грозил эмиру, что в случае отклонения предъявленных требований «британское правительство сломит его, как тростинку»{173}. Эти угрозы не были простой декларацией. Англичане продолжали укрепляться на границах Афганистана.

Особое внимание было обращено при этом на Читрал и Кветту, имевшие большое значение при подготовке войны против афганского народа.

Княжество Читрал, примыкавшее с северо-запада к Афганистану, владело горным перевалом Дора, через который проходили пути в Бадахшан. Из долины Кунар создавалась угроза Джелалабаду. Географическое положение Читрала имело большое значение для развития экспансии против Афганистана. В результате интриг британской агентуры правитель Читрала Аман уль-Мульк в 1876 г. объявил о своем вступлении в вассальную зависимость от кашмирского махараджи. Это означало, что Читрал поступал в полное распоряжение британских властей, под контролем которых находился махараджа. В этот же период по настоянию англичан Аман уль-Мульк завоевал Гильгит. В этом важном военном пункте был построен английский форт. В 1877 г., также по директиве англичан, махараджа «разрешил» [87] Аман уль-Мульку присоединить к Читралу княжества Пуниал и Гизр, отделявшие Читрал от Гильгита.

Таким образом, англичане при помощи марионеточных правителей Кашмира и Читрала захватили важную территорию у границ Афганистана. Захват Читрала облегчал английское проникновение в Бадахшан. Стремясь, по своему обыкновению, вести войну чужими руками, англичане намеревались возбудить против Шер Али неафганское население северных областей страны. Под нажимом Англии мехтар (правитель Читрала) обратился к правителям соседних владений — Свата, Баджаура и Дира с призывом перейти под суверенитет Кашмира, но те отказались последовать его примеру.

Одновременно с захватом Читрала британские империалисты утвердились в Кветте. До 70-х годов XIX в. индо-афганская граница проходила в основном по горным хребтам и пустынным местностям. Дороги из Индии в Афганистан шли горными тропами через три главных прохода: Хайберский и Пейвар-Котальский, ведущие к Кабулу, и Боланский, ведущий к Кандагару и в Южный Афганистан. Эти пути представляли неодинаковую ценность с точки зрения военно-стратегических планов англичан. Район Хайберских

гор был заселен воинственными и многочисленными (до 200 тыс. человек) афганскими племенами: афридиями, хугиани, шинвари и др. Эти племена неоднократно давали вооруженный отпор британским захватчикам, поэтому использование Хайберского и Пейвар-Котальского проходов для военных целей было нелегким делом.

С тем большим интересом относились англичане к Боланскому проходу, находившемуся на менее заселенной территории, по соседству с Келатским ханством (Белуджистан). Еще в 1847 г. один из лидеров «наступательной политики» — генерал Джекоб основал на границе Белуджистана укрепление, названное Джекобабадом. Отсюда в дальнейшем велось наступление англичан в Келатском ханстве. Используя стремление келатской феодальной верхушки опереться на Англию в борьбе против народных масс, Джекоб подчинил это ханство английскому влиянию. Правителю Келата была предоставлена ежегодная субсидия в размере 5 тыс. фунтов стерлингов в год в качестве «вознаграждения за содержание в хорошем виде» дороги к Боланскому проходу и для того, [88] чтобы он вступил в сделку с феодальными кругами жившего в районе Болана афганского племени какари. Хану была обещана военная помощь Англии в случае народных волнений. Постепенно над Белуджистаном был установлен английский контроль. Но достигнутого казалось недостаточным генералу Джекобу, и в 1856 г. он обратился к генерал-губернатору Индии Каннингу с предложением продвинуть вперед пограничную линию, занять Боланский проход и перенести пограничный военный пост из Джекобабада в город Кветту, по другую сторону гор{174}.

По мнению Джекоба, этим достигались важные результаты. Ликвидация независимости Келатского ханства, военнополитический «переход» через горы и занятие Кветты, утверждение английского господства в районе Кветто-Пишинского нагорья — все это открывало перед британскими империалистами широкий оперативный простор: хорошая дорога к Кандагару, а оттуда к Герату. Англичане рассчитывали установить контакт с феодальными ханами и вождями племен Кандагарской провинции и Газнийской области, среди которых были сильны сепаратистские

тенденции, и поднять их на борьбу против Шер Али. Здесь также широко практиковались подкупы феодальной верхушки, недовольной централизаторской деятельностью эмира. Занятие Кветты облегчало для империалистов захват Кандагара, а это в свою очередь давало возможность отрезать Кабул с запада, отделив его от остальной части страны, чтобы легче было подчинить Афганское государство и превратить его в британскую колонию.

Правящие круги Англии одобрили предложения Джекоба, но проведению их в жизнь помешало начавшееся вскоре мощное национально-освободительное восстание 1857—1859 гг. в Индии. Многообещающий проект был на время отложен. После подавления восстания британские власти приступили к его осуществлению. Английская печать стала все чаще публиковать материалы о затруднениях, якобы испытываемых английскими караванами при переезде через Боланский проход, о неудобствах от пребывания этого прохода в «чужих руках», о «нелояльности и тревожном состоянии» Келата и т. п. [89]

Стиль подобных сообщений характеризует корреспонденция, опубликованная в газете «Таймс оф Индия» 11 ноября 1869 г: «...Рассказывают, что между хищническими племенами на границах Синда царствуют далеко не миролюбивые настроения, что Келат находится в тревожном состоянии вследствие интриг разных предводителей, будто бы подготовивших заговор против жизни хана, что наш политический агент капитан Гаррисон и лекарский помощник Роберт Бауман вынуждены были удалиться по эту сторону Боланского прохода и что эскадрон синдской кавалерии... выслан полковником Фаир на помощь капитану Гаррисону. Надо надеяться, что дела скоро поправятся и будут приведены в удовлетворительное состояние».

Подобные сообщения, основанные на «рассказывают» и «будто бы», завершающиеся выражениями надежды на урегулирование положения, были частью кампании, направленной на политическую подготовку захвата Келата Англией.

Шер Али пытался укрепить связи с Келатским ханством, которое ранее находилось в вассальной зависимости от

Афганистана. Он указывал на опасность, грозившую Келату со стороны англичан. Но управлявшая ханством феодальная верхушка предпочла сговор с колонизаторами. Британские власти действовали энергично. Они напомнили келатскому хану о навязанном ему в 1854 г. «дружественном договоре», возбуждали и раздували междоусобную борьбу в Келате, подкупали и переманивали на свою сторону влиятельных лиц. В декабре 1875 г. для переговоров с ханом был отправлен майор Роберт Сандеман. Переговоры длились свыше года. Еще до их завершения — в ноябре 1876 г. в Кветту прибыл капитан Скотт. Ему поручалось провести подготовку к занятию Кветты и организовать строительство барачных частей для воинских частей, которые должны были оккупировать этот город.

15 ноября 1876 г. Литтон писал в Лондон, что цель достигнута: «...хан Келата согласился подписать со мной договор, который сделает нас фактическими хозяевами Келата; без аннексии страны мы восстановим власть хана на условиях, гарантирующих его полную преданность». Этот договор «навсегда обеспечивает британскому правительству право и власть размещать британские войска [90] в любое время в любой части ханства... Я уже направил небольшой британский отряд в Кветту, пункт большой стратегической важности в случае войны»{175}. В действительности договор был подписан через 20 дней, 8 декабря 1876 г.

По условиям этого кабального договора Келатское ханство потеряло последние остатки независимости, а Кветта становилась важнейшим опорным пунктом британских империалистов в их наступательной политике против Афганистана и Восточного Ирана. «Англия берет Кветту (1876)»{176}, — особо подчеркивал В. И. Ленин. В обмен на ежегодную подачку в размере 12 тыс. фунтов стерлингов хан разрешал Англии воздвигать укрепления, проводить железные дороги, линии телеграфа и др. на территории Келата и вассального княжества Харран, а также соглашался на пропуск через Келат британских войск, что давало им возможность овладеть всем районом Кветто-Пишинского нагорья.

В поздравительном письме от 9 декабря 1876 г. майору Сандеману, назначенному британским представителем при

хане Келата, Литтон писал: «...Я полагаю, что в дальнейшем Кветта будет местом нашего наиболее важного разведывательного отдела в отношении внешней политики; и действительно, как только усмирение Келата будет полностью гарантировано, вашей главной дипломатической задачей в этом ханстве будет расширение и распространение нашего влияния... в направлении Кандагара»{177}.

Захват Кветты означал, что англичане, уже начавшие фактически новое наступление на Афганистан занятием Кветто-Пишинского нагорья, укрепили свой левый фланг, подготавливая открытую войну непосредственно против Афганского государства.

Таким образом, британские империалисты упрочили свое положение на правом фланге (Читрал) и на левом — (Кветта), что должно было облегчить нанесение лобового удара по Афганистану и расширить возможности ведения [91] войны чужими руками: при помощи подкупа противников Шер Али.

Утверждение английского господства в Читрале и Кветте должно было оказать также моральное воздействие на афганское правительство, заставить его быть уступчивее по отношению к требованиям Англии. Однако эти действия, особенно оккупация Кветты, возымели обратный эффект и вызвали бурный протест в Афганистане.

В конце января 1877 г. в Пешаваре начались переговоры представителя Шер Али афганского сановника Нур Мухаммед-хана с уполномоченным вице-короля Индии Льюисом Пелли, которого его соотечественник характеризовал как «настоящий тип всего того, что делает британских резидентов наиболее страшными для азиатских владетелей, желающих удержать за собой хоть тень независимости»{178}. Льюис Пелли прибыл на конференцию в Пешавар с проектом кабального договора, [92] разработанного советниками Литтона, и заявил, что единственной базой, на которой могут вестись какие-либо переговоры, является принятие афганским правительством требования о размещении британских офицеров в Афганистане и на его границах. Отклоняя это требование, Нур Мухаммед напомнил, что Афганскому государству было твердо обещано невмешательство в его внутреннюю жизнь, и просил о соблюдении ранее заключенных соглашений. Он передал

слова эмира, что тот скорее погибнет, чем уступит несправедливым настояниям.

В неофициальной беседе с секретарем английской делегации Беллью Нур Мухаммед-хан подчеркнул, что стремление Англии во что бы то ни стало отправить своих офицеров в Афганистан возбудило подозрения эмира, который убежден, что их пребывание в стране подорвет его власть. «Британская нация великая и могучая, — передавал Нур Мухаммед слова Шер Али, — и афганский народ не может сопротивляться ее силе, но народ имеет свою волю, независим и ценит свою честь выше жизни»{179}. Под предлогом неуступчивости афганского делегата англичане затягивали конференцию. Вскоре Нур Мухаммед скончался в Пешаваре, и дальнейшие переговоры были прекращены.

Настойчивость Шер Али в борьбе против создания в Афганистане английских резидентств, объясняется тем, что он понимал, к каким тяжелым последствиям приведет принятие требований британских империалистов. Сами англичане достаточно откровенно указывали на роль их «резидентов» в странах Востока.

«Правительство наше, — писал герцог Аргаиль, — тщательно заботилось о том, чтобы иметь своих агентов, политических и военных, в тех странах, которые еще не подпали под его власть. Обязанности этих агентов были самые скромные: поддерживать правильные сношения, содействовать развитию торговли, но мало-помалу они начинали вмешиваться во внутренние дела того государства, в котором находились, а подобное вмешательство оканчивалось обыкновенно тем, что в одно прекрасное утро это государство переходило под власть Англии. Даже [93] относительно тех областей, которые, по-видимому, сохраняли независимость, следует заметить, что присутствие в них наших так называемых «резидентов» приводило к тому, что они делались там средоточием власти»{180}.

Автор этих строк, являвшийся в 1869—1876 гг. статс-секретарем британского правительства по делам Индии, хорошо знал об истинном назначении английских резидентов.

Характерно заявление Льюиса Пелли после Пешаварской конференции, в котором признавалось, что в случае принятия

эмиром предъявленных ему требований в Кабуле вспыхнуло бы восстание, и он был бы свергнут с трона{181}.

После смерти Нур Мухаммеда Шер Али сообщил о посылке другого уполномоченного для продолжения переговоров, но Литтон телеграфировал Льюису Пелли, предлагая не вступать ни в какие переговоры, даже если афганский представитель прибудет в Пешавар. Подобные действия можно объяснить лишь стремлением любым путем спровоцировать конфликт с Афганистаном. Об этом наглядно свидетельствовали дальнейшие события.

После прекращения переговоров в Пешаваре подготовка британских правящих кругов к войне еще более активизировалась. Офицерам и генералам англо-индийской армии, находившимся в отпуске, было предложено вернуться в свои части. Крупный отряд войск под начальством Дональда Стюарта начал операцию против племени афридиев у афганских границ. Это была одновременно тренировка перед «большой войной» и «предупредительная мера», предпринятая с целью помешать афридиям оказать содействие Афганистану в борьбе против англичан. Главнокомандующий английской армией в Индии объехал сосредоточенные в пограничной полосе войска, проверяя их готовность. Инспектируя воинские части в районе Боланского прохода, он обратился к ним с речью, в которой заявил, что считает их авангардом всей армии{182}. [94]

В конце февраля 1877 г. майор Сандеман во главе крупного военного отряда окончательно занял Кветту. Это был прямой и открытый вызов Афганскому государству, у границ которого появился опорный пункт для британского вторжения. Шер Али заметил по данному поводу турецкому послу: «Англичане поставили караул у задней двери моего собственного дома, чтобы ворваться во время моего сна»{183}.

В северном Пенджабе продолжалась концентрация английских войск и велась подготовка к строительству мостов через реку Инд. Все это были признаки приближавшейся войны. Враждебность Англии к Афганистану непрестанно усиливалась. 30 марта 1877 г. Литтон отозвал из Кабула

английского представителя. Сношения между Англией и Афганистаном с этого времени были прерваны.

В письме статс-секретарю по делам Индии от 2 июля 1877 г. вице-король подчеркивал: «...Может наступить время (и не в далеком будущем), когда для укрепления британского господства в Индии будет абсолютно необходимо предпринять военную оккупацию Западного Афганистана (с согласия правителя этой страны или без него), включая важную Гератскую крепость. Положение нынешнего эмира, очевидно, очень непрочное, и возможно, что ход событий приведет к расчленению его королевства и созданию отдельного ханства в Западном Афганистане, которое можно будет вполне реально поставить под британское влияние и протекторат»{184}.

Таким образом, планы расчленения Афганистана вынашивались английскими империалистами задолго до открытого нападения на эту страну. Они не прекращали своих попыток подорвать изнутри и ослабить стойкость афганского народа и его волю к борьбе против порабощения. В связи с этим они привлекли к себе на помощь правящую верхушку Османской империи. Турецкий султан отправил к Шер Али несколько писем, приглашая его «соединиться с англичанами для общих военных действий против русских»{185}. [95]

Султан рекомендовал эмиру укреплять отношения с Англией и разрешить ей «строить крепости» в Афганистане{186}. В Кабул прибыло турецкое посольство, пытавшееся добиться от Шер Али согласия на совместное выступление против России. Все расходы по разъездам турецких послов оплачивали английские власти{187}.

Этот всесторонний нажим оказал определенное воздействие на Шер Али. Он готов был пойти на некоторые уступки империалистам, но против этого начали протестовать широкие народные массы. Как стало известно туркестанскому генерал-губернатору, «под давлением народного движения... Шер Али должен был покориться воле населения, не желавшего допустить английского вмешательства в дела Афганистана»{188}. Эмир отклонил все притязания Англии.

Дальнейший ход событий был predetermined. Не добившись результатов «мирным», дипломатическим путем, британское правительство решило вести политику иными

средствами. К середине 1877 г. были завершены все приготовления к войне с Афганистаном, и британские империалисты выжидали удобного предложения для начала военных действий. Таким предложением послужило посещение Кабула летом 1878 г. русской дипломатической миссией во главе с генералом Н. Столетовым.

Миссия должна была подчеркнуть дружественное расположение России к Афганистану. В обстановке неуклонно возраставшей открытой враждебности Англии к Афганскому государству посланцы северного соседа были встречены исключительно торжественно и тепло. В Кабуле начались переговоры о заключении русско-афганского договора. Этого, однако, не произошло в связи с тем, что на Берлинском конгрессе (13 июня — 13 июля 1878 гг.) было достигнуто временное соглашение по вопросам европейской политики, и развитие русско-афганских отношений могло привести к новому конфликту между Англией и Россией.

Несмотря на мирные цели, посольство Столетова вызвало бурную реакцию британских империалистов, в основе своей не соответствовавшую истинному положению [96] дел. Английские политики, буржуазная пресса, даже ученые историки утверждали (и утверждают), что ухудшение англо-афганских отношений и последовавшая за этим война были вызваны «интригами России», что целью войны являлась «ликвидация русского влияния в Афганистане». Эмиру Шер Али приписывалось намерение провозгласить религиозную войну против британской власти в Индии, встревожившее якобы Англию{189}. Парламенту была представлена «Переписка об отношениях между британским правительством и правительством Афганистана со времени вступления на престол эмира Шер Али-хана». Эта «Синяя книга», как и аналогичное издание, выпущенное за 40 лет до того, в 1839 г., основывалась на подтасованных документах, искажавших истинный ход событий.

Утверждения экспансионистов о причинах войны Англии против Афганистана полностью опровергались заявлениями некоторых представителей авторитетных кругов Британской империи. Так, лорд Лоуренс 28 октября 1878 г. поместил в газете «Дейли ньюс» статью, в которой обосновывал

проводившуюся им на посту вице-короля Индии политику по отношению к Афганистану. В полемическом пылу Лоуренс дал относительно правильное освещение вопроса. Он писал, что «недовольство эмира возникло по ряду обстоятельств.., таких, как оккупация Кветты, как давление на него по поводу принятия посольства в Кабуле.., вооружение кашмирских войск... и директивы, данные их вождям, об охране проходов, ведущих к Читралу, эмбарго, наложенное на экспорт оружия и др. из Индии в Кабул.., ущемление интересов Афганистана в разрешении сеистанского вопроса» и т. д.

Бывший вице-король Индии сознательно умалчал о многих других факторах, но даже отмеченные им причины ухудшения англо-афганских отношений очень показательны; среди них нет и упоминания об «интригах России».

Империалистическую Англию интересовала не столько ликвидация призрачного «русского влияния» в Афганистане, сколько закабаление этой страны и превращение [97] ее в военно-политический плацдарм на Востоке. Орган британской военщины газета «Пайонир» в статье, опубликованной 4 сентября 1878 г., откровенно писала, что во время борьбы России за освобождение Болгарии лорд Литтон предпринял настойчивую попытку принудить афганское правительство заключить с Англией наступательный союз. При этом в Афганистане предполагалось разместить 30-тысячное английское войско, предназначенное для военных операций против России в Средней Азии.

Агрессивные планы британского правительства характеризует письмо премьер-министра Биконсфильда королеве Виктории, написанное еще 22 июня 1877 г.: «Лорд Биконсфильд считает, что если Россия должна быть атакована из Азии, то войска должны быть отправлены в Персидский залив, и императрица Индии должна приказать своим армиям очистить Среднюю Азию от московитов и загнать их в Каспий. Мы имеем хороший инструмент для осуществления этого в лице лорда Литтона, который и послан туда с этой целью»{190}.

Почти в тот же день «инструмент» английских экспансионистов — лорд Литтон предложил статс-секретарю по делам Индии три способа решения «афганской проблемы»:

«1. Обеспечить посредством страха или надежды такой союз с нынешним эмиром, который эффективно и навсегда устранил русское влияние из Афганистана. 2. Если это не удастся, следует быстро и публично лишить нынешнего эмира всякой поддержки, разгромить Афганское государство... и на место его теперешнего правителя посадить властителя, более дружественно настроенного к нашим интересам и более зависящего от нашей поддержки. 3. Захватить и удержать такую часть афганской территории, какая в случае провала обеих изложенных выше мер предосторожности будет совершенно необходима для постоянного сохранения нашей северо-западной границы»{191}. В том же документе Литтон писал, что считает «хорошей границей» для британских владений — хребет Гиндукуш{192}. [98]

Как видно, ни одна из предложенных им «мер предосторожности» не сулила ничего хорошего Афганскому государству.

От слов британское правительство перешло к делу и в конце лета 1878 г. стало особенно настойчиво добиваться приема Афганистаном военно-политической миссии, которая должна была потребовать от эмира разрешения «спорных вопросов» в желательном для Англии духе. 17 августа 1878 г. Шер Али получил письмо Литтона о подготовке к отправке такого посольства. В этот день умер наследник престола Абдулла Джан — сын эмира, и Шер Али просил отсрочить выезд миссии. Эта просьба не была принята во внимание. Во главе посольства был поставлен генерал Невиль Чемберлен — активный участник первой войны против Афганистана и руководитель многих карательных экспедиций в земли афганских племен.

7 сентября 1878 г. Чемберлен получил инструкции, связанные с отправкой посольства в Афганистан. Попирая элементарные принципы международного права, британские империалисты совершенно не интересовались, желает ли афганское правительство принять миссию и разрешить въезд в независимую страну непрошенным и неожиданным послом. Чемберлену предлагалось выехать еще до получения формального ответа эмира на письмо вице-короля об отправке миссии и направиться в Кабул, игнорируя какие бы то ни было

требования афганских властей. Предписание, врученное послу секретарем английского правительства А. Ляйолем, гласило: «...Если местными офицерами или начальством дороги будут сделаны попытки замедлить или приостановить ваш проезд, вы будете совершенно оправданы при невнимании к требованиям афганских властей, даже если они будут ссылаться на отсутствие приказаний или на отказ правительства Кабула принять миссию». Чемберлену предоставлялось право продолжать путь, невзирая на запрет афганских властей. Только вооруженное сопротивление продвижению миссии должно было считаться серьезным фактором, могущим помешать ее дальнейшей поездке.

Перед Чемберленом были поставлены две задачи: добиться обязательства эмира о разрыве отношений с Россией и высылке членов русского посольства, а также [99] получить разрешение на пребывание в Кабуле, Балхе и Герате английских офицеров с правом выезда в любой пункт афганской границы, «где их пребывание может быть полезным».

Со своей стороны Англия готова была предоставить эмиру субсидию в 12 лаков рупий и признать назначенного им наследника престола. Британские правящие круги стремились навязать Афганистану и «военную помощь», что должно было сопровождаться усилением контроля над его внешней политикой. В случае, если бы эмир настаивал на увеличении субсидии, Чемберлену поручалось выдвинуть дополнительное требование о полном открытии для англичан доступа в Афганистан. Послу надлежало отклонять всякие претензии афганского правительства по поводу захвата Кветты под тем предлогом, что «время для обсуждения этих дел уже прошло». Таковы были формальные установки, на которых базировалось посольство Чемберлена{193}. Они в свою очередь опирались на политическую программу британского правительства.

8 апреля 1878 г. Литтон излагал наметки своих планов в письме статс-секретарю по делам Индии Крэнбруку. Он писал, что оружие, которым Англия более сильна, — это меч. «Пока продолжается мир, мы не можем пользоваться мечом, а наша дипломатия несостоятельна. Поэтому объявление войны явилось бы случаем, который может никогда не повториться,

если мы его упустим... Я убежден, что политика создания в Афганистане сильного и независимого государства, над которым мы не можем осуществлять никакого контроля, является ошибкой. Если вследствие войны или смерти нынешнего эмира, которая, конечно, явится сигналом для конфликта между соперничающими кандидатами на престол, мы будем иметь возможность (а она может внезапно возникнуть в любую минуту) разделить или сломать кабульскую державу, я искренне надеюсь, что мы не упустим такую возможность. Я полагаю, что это также мнение лорда Солсбери. В интересах Индии лучше всего было бы создание западно-афганского, ханства, включающего Мерв, [100] Меймене, Балх, Кандагар и Герат, под властью какого-нибудь избранного нами правителя, который зависел бы от нашей поддержки. При наличии созданного таким образом западно-афганского ханства и нашей небольшой базы подле границы в Курамской долине судьбы самого Кабула были бы для нас вопросом, не имеющим значения»{194}.

Эти экспансионистские. взгляды Литтон развивал в специальном меморандуме от 4 сентября 1878 г., предлагая занять новую границу, которая должна была идти от Памира по Гиндукушу и Паропамизу на Герат, а затем вдоль западной границы Афганистана и Белуджистана к Аравийскому морю{195}. Иными словами, Литтон предлагал захватить весь Афганистан.

Наиболее действенным путем для осуществления этого вице-король считал сговор с правящими кругами Афганистана, предоставление эмиру личных выгод — денежных средств, территориальных и других льгот. В случае отказа Шер Али принять английские требования вице-король предлагал лишить его престола и заменить английским ставленником. Наиболее подходящим лицом в этом отношении Литтон считал находившегося под арестом в Кабуле Якуб-хана.

В случае неудачи миссии Чемберлена вице-король намеревался аннексировать Курамскую долину, сосредоточить в Кветте крупную армию для угрозы Кандагару и установить связи с пограничными племенами, чтобы поссорить их с кабульским правительством. Занятие долины Курама должно было дать возможность угрожать Кабулу, Газни и Джелалабаду

и содействовать появлению на эмирском престоле английского ставленника. Это могло избавить от необходимости прямых военных действий: хотя Литтон неустанно призывал готовиться к войне, англичанам был памятен печальный опыт 1838—1842 гг.

При отклонении эмиром требований Англии и после захвата Курамской долины меморандум предусматривал подготовку восстания в Кабуле для свержения Шер Али. Британские власти считали, что занявший престол [101] эмира в данной обстановке не сможет удержаться на нем без их поддержки.

Одной из важных целей войны с точки зрения Литтона должно было явиться создание в Герате британского резидентства, поддерживаемого крупным военным отрядом{196}.

Меморандум Литтона, как видно из изложенного, представлял собой детально разработанную программу захвата Афганистана и превращения его в вассальное княжество. Сопоставление инструкции, данной Чемберлену, и меморандума Литтона убедительно доказывает провокационный характер планировавшегося посольства. Этому посольству было поручено идти напролом, не считаясь ни с чем, выдвинуть перед независимым правительством позорные требования ликвидации суверенитета Афганистана. Правящие круги Англии почти не сомневались в том, что посольство Чемберлена обречено на неуспех, и были готовы использовать это обстоятельство в качестве предлога для начала военных действий.

Общее число участников посольства достигало тысячи человек, среди которых было полтора десятка офицеров и несколько сот вооруженных солдат. Это был своеобразный экспедиционный корпус.

20 сентября 1878 г. отряд генерала Чемберлена прибыл к форту Джамруд, за которым начиналась территория Афганистана. Не решаясь вступить в узкое ущелье, где гарнизон небольшого афганского укрепления Али-Масджид легко мог задержать дальнейшее продвижение миссии, Чемберлен отправил своего ближайшего сотрудника майора Л. Каваньяри на переговоры с комендантом укрепления Файз

Мухаммед-ханом. Комендант отказался пропустить англичан без прямого приказа из Кабула и просил их подождать. «Это не только невозможно, но и не нужно, — настаивал Каваньяри, — так как кабульские власти давно осведомлены о приближении миссии». На реплику Каваньяри, утверждавшего, что миссия имеет дружественный характер, Файз Мухаммед-хан гневно возразил, намекая на обещанные англичанами взятки вождям хайберских племен [102] за содействие миссии: «Дружба ли это — возбуждать разногласия среди подданных эмира и путем их подкупа добиваться пропуска в его владения?!» Файз Мухаммед-хан категорически заявил, что применит оружие, если англичане без разрешения перейдут границу.

Чемберлен отдал приказ о возвращении в Индию{197}. Британские империалисты получили желанный предлог для начала войны.

Подлинный смысл происшедшего как нельзя лучше вскрыл сам Литтон. В телеграмме Чемберлену от 23 сентября 1878 г. он подчеркивал: «Оскорбление, которое не было непредвиденным, не останется безнаказанным. Я считаю, что полученный результат значительно более удовлетворителен, чем кто-либо мог ожидать от переговоров с Кабулом...»{198}

«Английское правительство воспользовалось этим для действия, которое оно долго обдумывало и готовило не столько для безопасности своей индийской границы, сколько для поднятия одним ударом своего престижа»{199}, — писал А. М. Горчаков послу России в Лондоне П. Шувалову.

Провокационный характер возни, поднятой агрессивными кругами Англии вокруг «афганского вопроса», нашел отражение в британской прессе. Газета «Индия трибюн» 19 октября 1878 г. опубликовала статью с недвусмысленным заголовком «Предстоящая война». Эта статья лишней раз свидетельствует о лживости заявлений, будто война Англии против Афганистана была вызвана посольством Столетова.

«Корреспондент газеты «Пайонир» в Симле, телеграфируя о кабульских делах, сообщает, что нет «никого, кто бы полагал возможным мирное решение дел». Это не новость для нас, уверенных в неизбежной войне с Афганистаном с той минуты, когда было оглашено намерение

индийского правительства отправить посольство ко двору Шер Али. И в самом деле, война эта [103] началась бы 18 месяцев назад, т. е. тотчас после провала пешаварской конференции, если бы тогда в Европе не началась война между Россией и Турцией». Войскам, сосредоточенным в Кохате весной 1877 г., не было приказано двинуться на Кабул только потому, что осложнилась европейская обстановка, как утверждала газета.

«Люди, которые знали, зачем лорд Литтон был назначен вице-королем Индии, были убеждены, что осуществлением политики, продиктованной пешаварской конференцией, серьезно займется вскоре после установления мира в Европе. И едва были окончены заседания Берлинского конгресса, как министерство ино-странных дел объявило, что к кабульскому двору будет отправлено посольство».

Это заявление ясно показывало, продолжала «Индия трибюн», что британское правительство «считало совершенно безразличным, согласен ли эмир принять это посольство или нет. Его не спрашивали, примет ли он миссию, но гонец был послан, чтобы уведомить о ее приближении и просить правителя Кабула сделать немедленное распоряжение о безопасном проезде по его территории.

Посольству было предложено перейти границу, не дожидаясь ответа эмира на письмо вице-короля; конечно, ему не было дозволено продолжать свой путь. Правительство получило главный повод, и война будет объявлена, как только будут закончены необходимые приготовления».

Литтон потребовал от Шер Али присылки письменных объяснений по поводу отказа принять английское посольство{200}. Игнорируя провокационную сущность этого требования, Шер Али с достоинством ответил, что отказ в приеме Чемберлена был вызван серьезными опасениями афганского народа по поводу целей английской политики. «Если бы это опасение не было обоснованным, британское посольство было дружественным и не проявляло насильственных действий и угроз, то в его приеме не было бы отказано, как этого не бывает между дружественными соседними государствами... Представителям британского правительства... необходимо [104] не вредить своему дружественному соседу и не обременять его тяжестью таких

требований, исполнение которых превышает всякую возможность»{201}.

9 ноября 1878 г. премьер-министр Англии лорд Биконсфильд заявил в палате общин, что северо-западная граница Индии «случайна и ненаучна», что в связи с этим проводятся мероприятия «по ликвидации подобных недостатков», после чего она не будет внушать никаких опасений. Одновременно с этой многозначительной речью Афганистану был предъявлен ультиматум с требованием удовлетворить все английские претензии. Выступление Биконсфильда и посланный ультиматум были последним актом дипломатической войны. Ответ на него задержался из-за трудностей доставки. Письмом от 21 ноября 1878 г. Литтон сообщил Крэнбуруку, что жребий брошен и войскам дан приказ наступать{202}. [105]

ГЛАВА IV. ВТОРАЯ АНГЛО-АФГАНСКАЯ ВОЙНА (1878—1881 ГГ.)

В ноябре 1878 г. 35-тысячная британская армия вторглась в Афганистан. По предварительно разработанному плану военных действий войска двинулись по трем операционным направлениям:

1. Из Пешавара через Хайберский проход на Кабул.
2. Из Кохата по Курамской долине на Газни и Кабул.
3. Из Кветты на Кандагар.

Так началась вторая агрессивная война Англии против Афганистана. Шер Али заявил по поводу начала военных действий: «...Я вовсе не хочу воевать с ними — ни теперь, ни после, но что же я буду делать, когда англичане сами врываются ко мне; не могу же согласиться добровольно, чтобы они надели мне петлю рабства на шею»{203}.

Лорд Литтон издал декларацию, напоминавшую своей лживостью манифест генерал-губернатора Индии лорда

Окленда, опубликованный в 1838 г. В ней утверждалось, что Шер Али ответил «черной неблагодарностью» на дружеское отношение Англии: закрыл горные проходы, разрешил грабить английских торговцев и возбуждал против Англии религиозные страсти.

Эти заявления не имели под собой никакой почвы и встретили возражения в самой Англии. Находившиеся в оппозиции сторонники «бэкворд полиси» создали специальный «Афганский комитет» под председательством [107] лорда Лоуренса для изучения обстоятельств приведших к вторжению в Афганистан. Комитет издал книгу «Причины афганской войны», где была показана подоплека подготовки этой войны, и отмечалось: «Важные сношения с Афганистаном были столь действительно скрыты, что не последовало никакого запроса (в парламенте — Н. Х.) по этому поводу»{204}. «Мы считаем эту войну несправедливой, а политику, приведшую к ней, — неумной и опасной для нашего владычества в Индии»{205}, — гласило заключение этого комитета, члены которого отнюдь не были склонны отказываться вообще от империалистической политики.

Еще более резкую оценку событию дал английский журналист М. Макколл, назвавший военные действия Англии в Афганистане «войной бандитов против правителя и народов, которые не сделали нам ничего плохого»{206}.

Декларация Лигтона, стремившегося пожать победные лавры в борьбе против слабой страны, заканчивалась утверждением, что действия Британской империи направлены не против афганского народа, а только против эмира Шер Али. Не успели, однако, афганцы ознакомиться с составленным в торжественных тонах манифестом Литтона, как запылали их деревни и началась жестокая расправа над мирным населением.

Незадолго до этого Ф. Энгельс, описывая английскую колониальную армию, назвал ее «убежищем для грешников» в котором собрана большая часть «авантюристических элементов народа». Он особо подчеркивал, что в английской казарме задает тон «грубый распущенный парень из отбросов больших городов...»{207} Не прошло и недели с начала военных действий, как афганскому населению пришлось

узнать эти характерные черты британских «воинов». Из подвергшихся вторжению районов хлынули потоки беженцев. Дороги на север были заполнены многочисленными обозами, перевозившими семейства афганцев и остатки их имущества{208}. [108]

В начале декабря 1878 г. курамская колонна британских войск под командой генерал-майора Ф. Робертса после упорной борьбы овладела Пейвар-Котальским перевалом, который защищали части афганской армии и отряды народного ополчения. Солдаты генерал-лейтенанта С. Броуна в это же время заняли Джелалабад.

В связи с этой неспровоцированной агрессией Шер Али пытался возбудить против Англии мировое общественное мнение. 1 октября 1878 г. он обратился к «английским сановникам» с заявлением, в котором осуждал вторжение в Афганистан и заявлял о своем отъезде в Петербург, чтобы созвать международный конгресс для обсуждения и прекращения британской агрессии{209}. В тот же день эмир покинул Кабул и двинулся на север. Перед отъездом он освободил из заключения своего сына Якуб-хана.

Правительство России предприняло попытку прекратить войну и через своего посла в Лондоне Шувалова обратилось к английскому кабинету с несколькими нотами, в которых высказывались пожелания о приостановлении военных действий. Однако все эти ноты были отклонены{210}.

Британские войска, не встречая на первых порах серьезного, организованного сопротивления, продолжали продвигаться вперед. Не желавшие войны афганцы не были готовы к ней. Застигнутые врасплох, они не смогли быстро оказать должного отпора. Но и на этом этапе войны отдельные небольшие группы афганских воинов нападали на агрессоров и наносили им серьезный урон. Как и раньше, на активную борьбу против англичан поднималось население захваченных территорий. Среди солдат британской армии, завербованных в Северной Индии, началось дезертирство. В колонне Робертса были созданы военные суды, которые сурово расправлялись с дезертирами. Роберте писал, что это было крайне необходимо, так как покидавшие [109] армию, как правило, уносили с

собой оружие и снаряжение{211} и присоединялись к афганцам.

Оккупанты назначали на ответственные посты в занятых городах преданных им представителей феодальной знати, но население отказывалось подчиняться ставленникам агрессоров. Это отчетливо проявилось, например, в Хостской долине, правителем которой Роберте назначил «садозайского джентльмена благородного происхождения Шахзаде Султан-Джана»{212}.

В начале января 1879 г. южная колонна британских войск под командованием Д. Стюарта после небольшого боя овладела Кандагаром, а в феврале торжествовавший Биконсфильд самодовольно, хотя и преждевременно, заявил в парламенте: «В настоящее время мы обладаем тремя великими путями, связывающими Афганистан и Индию. Мы обеспечили достижение цели, для которой была предпринята экспедиция»{213}.

Тем временем Шер Али на своем пути в Россию серьезно заболел и в феврале 1879 г. умер. Престол эмира занял слабый и недалекосидящий политик Якуб-хан, известный своими проанглийскими симпатиями. Он полностью капитулировал перед оккупантами и 26 мая 1879 г. в местечке Гандамак, неподалеку от Кабула, подписал мирный договор с Англией. Гандамакский трактат представлял собой типичный неравноправный, кабальный договор. Он устанавливал зависимое положение Афганского государства, внешняя политика которого должна была согласовываться с мнениями и желаниями британского правительства; только с разрешения Англии Афганистан имел право вступать в переговоры с другими странами. В Кабуле размещалось английское посольство, и агенты Англии могли в любое время отправиться в интересовавший их пункт афганской границы. Рынки Афганистана открывались для английской торговли.

Гандамакский договор предусматривал также отторжение от Афганистана ряда земель — британские империалисты захватили важные стратегические районы — округа Курамский, Сиби и Пишин и, кроме того, [110] Хайберский и Мичнийский перевалы. В результате аннексий британские войска приобрели широкий доступ к важнейшим политическим

центрам Афганистана — Кабулу, Кандагару и Газни. Кабул, например, отстоял теперь от английских владений менее чем в 100 километрах.

«Чтение текста Гандамакского договора, — обоснованно указывал русский дореволюционный исследователь Л. Н. Соболев, — совершенно ясно указывает на желание англичан прочно установить свою власть в пределах всего Афганистана, вплоть до правого берега Аму-Дарьи и до Герата включительно. О независимости Афганистана... после Гандамакского мира не могло быть и речи»{214}.

В вознаграждение за уступчивость британское правительство выделило Якуб-хану подачку в виде 6 лаков рупий ежегодной субсидии. В июле 1879 г. в Кабул приехал в качестве английского посла один из авторов Гандамакского договора, майор Каваньяри. Очевидец привел характерное описание прибытия Каваньяри в афганскую столицу:

«Народ, собравшийся посмотреть на въезд английского резидента, встречал его крайне неприветливо; повсюду были слышны брань и возгласы: «Снимите голову с этого прохвоста!» Угрожающие крики и всеобщее крайне неприязненное настроение толпы заставили Якуб-хана, смотревшего издали на церемонию въезда, послать своих людей разогнать толпу»{215}.

Не теряя времени и стремясь использовать создающуюся обстановку, британские власти отправили в Герат крупную партию оружия для английского гарнизона, который должен был вскоре занять город. Здесь планировалось создать опорный пункт, который должен был служить базой для дальнейшего наступления английских войск.

В августе 1879 г. в журнале «Найнтинс сенчури» появилась статья Г. Раулинсона «Результаты афганской войны», в которой несколько преждевременно подводились итоги войны. Характеризуя личность автора, [111] слывшего крупным знатоком Востока, военный агент{216} России в Лондоне Горлов отмечал, что Раулинсон «считается великим ориенталистом... и принадлежит к сенсационной группе тугоумных политиков, воображающих, что интересы Англии есть что-то сверхъестественное и священное, пред чем все прочие соображения, должны падать; что все действия Англии

суть всегда возвышенны и велики; что всякое сопротивление ей есть дело, не сообразное ни с моральным чувством, ни с рассудком»{217}. Раулинсон, пояснял Горлов, как правило, отражает официальную точку зрения.

В своей статье этот апологет британских экспансионистов заявлял, что война с Афганистаном была предпринята исключительно для уничтожения влияния России в Азии. По его мнению, Гандамакский мир представлял недостаточно выгод для Англии. Раулинсон предлагал систему мероприятий для дальнейшего укрепления британских позиций на Среднем Востоке. В частности, предлагалось «заставить Персию» занять враждебную позицию в отношении России; продлить на неопределенное время английскую оккупацию Кандагара; направить британскую армию в Северный Афганистан, чтобы занять Герат и т. д.{218}

В основе этой программы лежало представление, что «афганский вопрос» решен полностью и бесповоротно, что Афганистан находится под полным контролем Британской империи.

Такое представление, однако, было ложным. Интервенты могли рассчитывать на содействие лишь со стороны небольшой кучки феодальной знати — Якуб-хана и его приближенных, соперничавшей с ними группировки во главе с сардаром Вали Мухаммед-ханом, крупного кандагарского феодала Шер Али-хана{219}, а также на предводителей некоторых племен.

Трудящиеся массы, на плечи которых ложился весь гнет британской оккупации, готовились к решительной борьбе. Подавляющее большинство населения Афганистана [112] выступило против капитулянтской политики. К активной борьбе против врага стремились также патриотически настроенные представители правящих кругов страны. Глубокое возмущение в Афганистане вызвал кабальный договор, заключенный в Гандамаке. Афганский торговец Насыр-хан, приехавший в Ташкент, рассказывал: «Когда слух об условиях мира дошел до народа, то он был крайне недоволен и громко высказывал, что змир в Гандамаке продал англичанам родину. «Приедет Каваньяри, — говорили в народе, — и будет выплачивать жалование чиновникам и

войску за измену родине...» Недовольство проявилось особенно сильно при въезде Мухаммед Якуб-хана в Кабул; народ кричал ему: «Продал нас англичанам за одну арабскую лошадь», и вообще выражал крайнее возмущение»{220}.

Насыр-хан передавал также, что еще перед поездкой в Гандамак Якуб-хан, выступая на одной из площадей в Кабуле, обосновывал необходимость заключения мира неподготовленностью страны к сопротивлению и отсутствием денег. В ответ на это со стороны собравшихся афганцев раздались возгласы: «Хотим драться! Если денег нет, то снимем последнюю рубашку, продадим, и деньги будут!»{221} Понятно, что о «последней рубашке» могли говорить лишь трудовые низы, полуголодные ремесленники, беднейшее афганское крестьянство.

Народные массы Афганистана не желали признавать позорный Гандамакский договор и вели широкую подготовку к оказанию решительного отпора вторгшимся агрессорам. «Массовое восстание, революционная война, партизанские отряды повсюду — вот единственный способ, при помощи которого малый народ может одолеть большой, при помощи которого менее сильная армия может противостоять более сильной и лучше организованной»{222}, — указывал Ф. Энгельс. Не располагая современным вооружением и не имея достаточно хорошо обученного и подготовленного войска, народ боролся против оккупантов методами «массового восстания, революционной войны, партизанских действий». [113] Повсеместно создавались отряды народного ополчения, с оружием в руках выступавшие на борьбу; они стягивались к столице. Партизанское движение расширялось с каждым днем, охватывая в первую очередь крестьян, ремесленников, патриотически настроенных представителей сардарства; это движение приобретало все более организованный характер.

Народно-освободительная борьба развивалась под лозунгами отмены Гандамакского трактата, изгнания из Афганистана или истребления британских интервентов и их ставленников. В столице и на улицах захваченных англичанами городов систематически происходили стычки и столкновения между афганцами и британскими солдатами.

Члены английской миссии во главе с Каваньяри, игнорировали настроение народных масс Афганистана, не понимали смысла и значения происходивших в стране процессов. Л. Н. Соболев объяснял это ослепление, ставшее роковым для миссии, ее изолированностью от действительной жизни Кабула, вызванной «с одной стороны, глубокой ненавистью и брезгливостью афганцев к англичанам, с другой же стороны, гордостью и самонадеянностью англичан. Совершенно пренебрегая интересами [114] афганцев и преследуя лишь свои собственные, англичане были в полном неведении того, что творилось вокруг них»{223}.

Между тем, 6 августа 1879 г. в Кабуле произошла массовая демонстрация, в которой участвовали афганские солдаты и горожане. Демонстранты, как гласила запись Каваньяри в дневнике, «шли по городу с обнаженными саблями и возбужденно высказывались об эмире и его английских гостях...»{224} На следующий день афганские солдаты во главе со своими офицерами под звуки оркестров снова устроили шествие по улицам столицы. За ними следовали жители города. Из толпы доносились угрозы и оскорбления в адрес английского посла, протесты против его прибытия в Афганистан. Каваньяри, которому сообщили об антибританских демонстрациях, с презрением отозвался об афганских патриотах{225}.

Вскоре после этого, 3 сентября 1879 г., Каваньяри отправил Литтону телеграмму о том, что в Афганистане «все в порядке». Это сообщение из Кабула еще не успело дойти до Индии, как связь с афганской столицей была прервана. В городе вспыхнуло восстание против интервентов. Поводом послужило грубое отношение англичан к афганским солдатам. Когда солдаты стали открыто проявлять недовольство положением в стране, перед ними выступил один из высших афганских офицеров с патриотической речью, которая завершилась словами: «Если бы вы были молодцами и храбрыми мужчинами, то англичане не сидели бы у нас и не командовали бы нами»{226}. В ответ раздались возгласы: «Убьем посла, а за ним и эмира!» Отряды солдат с криками протеста двинулись к зданию британской миссии. По идущим был открыт огонь. Первым выстрелил Каваньяри. Он стрелял с

крыши посольства и убил одного из афганцев{227}. Тогда солдаты, не имевшие до того оружия, бросились в казармы за своим вооружением и начали штурм [115] посольского дома. Их единодушно поддержали горожане и крестьяне, стекавшиеся к Кабулу из соседних районов. До наступления темноты продолжалась упорная борьба между восставшими и сильным отрядом английских войск, охранявших посольство. Якуб-хан безрезультатно высылал своих приближенных, чтобы уговорить повстанцев прекратить атаки. Посланный им военный министр Дауд-хан был сброшен с коня, забросан камнями и вернулся ни с чем. Та же участь постигла и сына Якуб-хана. Эмир не решался отправить на выручку Каваньяри находившийся при нем небольшой отряд солдат, вполне резонно опасаясь за собственную судьбу. К концу дня восставшие одержали полную победу: все находившиеся в столице англичане были истреблены{228}.

Народное восстание в Кабуле вызвало чрезвычайное беспокойство среди английских правящих кругов. Происшедшие события как бы воскресили эпизоды позорно провалившейся первой войны британских экспансионистов против афганского народа. Империалистическая пресса, отражавшая взгляды правящих кругов Англии, призывала к кровавой расправе над афганскими патриотами, к полному захвату Афганистана. Этими призывами были заполнены многие номера различных английских газет. Так, например, орган британских консерваторов и военных кругов «Арми энд нэви газетт» писал: «Первая наша обязанность ныне — идти прямо на Кабул и утвердить там наше господство. Вторая — примерно наказать афганцев... Афганская армия должна быть распущена, и все солдаты полков, участвовавших в избиении, должны быть преданы смерти — до единого человека. Кабул должен быть сметен с лица земли... Если мы уничтожим Кабул, присоединим Кандагар, займем Джелалабад и позволим северной части государства разделиться на сотню небольших округов, то нам нечего будет опасаться»{229}.

Вся английская печать выдвигала один и тот же план «наказания» афганского народа. Он предусматривал жестокую расправу над участниками освободительного восстания в Кабуле и уничтожение этого города, перенос [116] столицы в

Кандагар и утверждение британского господства над всем Восточным и Юго-Восточным Афганистаном. Остальная часть страны должна была быть разделена на мелкие ханства и княжества, между которыми надлежало поддерживать состояние непрерывной вражды. Этот же план предусматривал приведение в боевую готовность английского флота в Индийском океане.

Кабульское восстание 3 сентября 1879 г. имело большое значение. Оно свидетельствовало о полном провале надежд агрессоров на то, что войну удастся успешно завершить посредством сговора с феодальной правящей верхушкой Афганистана. В освободительную борьбу против интервентов вовлекались все более широкие слои афганского народа — ремесленников и городской бедноты, крестьянства и даже кочевников. Смысл происшедших в Кабуле событий, так напоминавших события 1838—1842 гг., становился ясным даже и некоторым кругам в Англии. «...Нам приходится сталкиваться с чем-то более серьезным, нежели взрыв бешенства диких солдат, выместивших свою злобу на нашем посланнике, — писала газета «Мэйфэ» — орган находившейся в оппозиции либеральной партии. — Очевидно, мы имеем дело с восстанием народа, раздраженного присутствием англичан и воспламененного ненавистью к ним». Эта же газета отмечала далее, что британским войскам недостаточно будет разбить афганскую армию, ибо война принимает общенародный характер. «Очевидно, мы должны будем удерживать силой то, что заберем себе. Пройдет много времени, прежде чем покоренные примирятся с покорением»{230}.

Аналогичные мысли высказывал и глава неудавшегося посольства в Кабул генерал Н. Чемберлен, хорошо помнивший восстание 1841 г. в афганской столице и истребление миссии А. Бернса: «Плохо вооруженные и неорганизованные племена не могут сопротивляться дисциплинированным войскам на поле боя, но когда народные чувства в стране решительно противятся вмешательству чужестранцев, они всегда могут причинить интервентам много хлопот, особенно в такой горной и бедной стране, как Афганистан»{231}. [117]

Война вступила в новый этап. Британское правительство создало специальный «Кабульский полевой отряд», состоявший вначале из 7500 человек при 22 орудиях, но затем увеличенный до 26 тыс. человек при 26 орудиях. Перед ним поставили задачу захватить столицу Афганистана. Командиром отряда был назначен генерал Робертс, отличавшийся своей жестокостью, которая не раз проявлялась во время карательных походов английских войск против афганских племен.

В сентябре 1879 г. «Кабульский полевой отряд» двинулся по Курамской долине к столице Афганистана. Литтон поручил Робертсу заявить, что англичане больше никогда не уйдут из Афганистана и окажут поддержку и защиту каждому, кто будет им содействовать{232}. Во время похода отряда на Кабул к Робертсу явился в сопровождении многочисленной свиты Якуб-хан, который еще до этого присылал в Индию письма и послы с заверениями в своей преданности Англии. Эти действия Якуб-хана являлись убедительным свидетельством того, что его власть и авторитет опирались лишь на штыки оккупантов. Вместе с Робертсом эмир отправился в Кабул.

Афганские партизанские отряды непрерывно нападали на агрессоров во время движения английских войск к Кабулу. Энергично сражались с интервентами крестьяне деревень, мимо которых пролегал путь Робертса. Жители селения Катихель и соседних пунктов, крайне плохо вооруженные, в начале октября 1879 г. напали на арьергард войск Робертса. Искусно скрываясь в горных ущельях, они постоянно нападали на противника, затрудняя его переправу через реку Логар. Столкновения переходили подчас в ожесточенные рукопашные схватки{233}.

Жители селения Зерганшах снабдили англичан некоторым количеством продовольствия и фуража только после того, как на их дома были наведены стволы пушек{234}. Сопровождавший Робертса английский корреспондент Хенсмен сообщал о «значительном возмущении» среди племени мангал «по всей линии от Тала до Шутургардана»{235}. Отдельные стычки в конце концов вылились [118] в упорное сражение между афганским народным ополчением и агрессорами при Чор-Асиабе, на

подступах к Кабулу. Крестьянские отряды и солдаты бывшей армии Шер Али, возглавляемые сыном умершего эмира Нейк Мухаммед-ханом, преградили путь интервентам. Сюда стекались воины-гильзаи Тезина и Хисарака, предпринимавшие набеги на фланги англичан. Афганцы, многие из которых были вооружены лишь топорами, оказали героическое сопротивление империалистам. Английские войска одержали победу с большим трудом, после напряженных боев. Спустя два дня, 8 октября 1879 г., англичане взяли Ширпурскую цитадель, к северу от города, беспощадно расстреливая захваченных в плен и раненых афганцев. Характеризуя действия британской военщины, Л. Н. Соболев отмечал: «Никому пощады!» — вот лозунг, который был произнесен генералом Робертсом. Английские интересы требовали жестокости, а эти интересы, по понятиям англичан, выше всяких других интересов... Справедливость, человеколюбие, милосердие к врагу — все эти жалкие слова дико звучат в ушах англичан, когда вопрос заключается в том, что для них выгодно и что для них не выгодно»{236}. Хенсмен писал: «Мы являемся армией мщения, и всякие угрызения совести должны быть отброшены»{237}.

12 октября 1879 г. отряд Робертса вступил в Кабул. Собравшееся на улицах население встречало войска интервентов взглядами, полными вражды и ненависти. В городе было введено военное положение, жители обложены контрибуцией. Оккупанты готовились к суровой расправе над афганскими патриотами. Несмотря на «успехи» агрессоров, обстановка на захваченной ими территории была исключительно напряженной. Некоторое представление о ней давали корреспонденции Хенсмена, писавшего, что «влияние» Англии в Афганистане основано исключительно на беспощадном терроре и насилии. «Население выдает продовольствие только тогда, — отмечал он, — когда каждая деревня посещается группой фуражиров, сопровождаемой сильной кавалерийской охраной, в противном случае они скорее с удовольствием оставили бы нас умирать с голода, чем [119] открыли бы для нас свои запасы зерна... Таковы отношения между нашей армией и народом: единственный признак нашего господства заключается в том, что мы держим

Кабул в ежовых рукавицах и вешаем тех из наших пленников, которые участвовали в преступлении»{238}.

В тылу английских войск шла упорная борьба. После ожесточенных атак партизаны овладели Шутургарданским перевалом и перерезали линии связи отряда Робертса с Индией. 16 октября 1879 г. в занятой оккупантами кабульской крепости Бала-Гиссар патриоты взорвали арсенал и уничтожили большое количество вооружения и боеприпасов; за этим взрывом последовали другие. Борьба только начиналась. С громадным трудом британскому командованию удалось восстановить связь с отрядом Робертса через Пешавар и Хайберский проход.

Захватив Кабул, агрессоры стремились укрепить здесь свое положение кровавым террором. Они сравнивали с землей дома, окружавшие английское посольство. За хранение и ношение оружия афганцев расстреливали на месте. Роберте обещал выплачивать по 50 рупий за выдачу участников нападения на Каваньяри или за предоставление сведений о них. «Цена крови» увеличивалась до 75—100 рупий, если это были афганские офицеры. Однако предателей среди населения столицы не оказалось. Тогда началось «расследование» обстоятельств уничтожения миссии Каваньяри и расправа над «виновными». «Англичане прибегли к страшному зверству: на площади в Бала-Гиссаре они устроили круглую виселицу громадных размеров и одновременно вешали на ней за подмышки на железных цепях по 15—20 человек, обмазав их предварительно горючей жидкостью и разложив под ними костер.

Таким образом они соединили два рода казни: повешение и медленное сожжение живьем. Всего ими было замучено более двухсот человек»{239}, — сообщал очевидец.

Но британская военщина настойчиво призывала к еще более суровой расправе над жителями Кабула. [120] Именно эти взгляды отражала газета «Пайонир», которая писала: «Армия действовала слишком вяло в своем деле мести и не, исполнила своей миссии настолько кровавым образом, как того можно было ожидать»{240}.

Вместе с тем британское командование нашло, что Якуб-хан, скомпрометировавший себя перед афганцами

предательской политикой, не может более выполнять функции английской марионетки. Якуб-хана заставили отречься от престола, он был обвинен в том, что не оказал надлежащей помощи Каваньяри, и отправлен в ссылку в Индию. Однако ни зверская расправа над населением Кабула, ни всевозможные политические маневры оккупантов не разрядили обстановки. Англичане пытались пустить в ход свое испытанное средство — золото. На оккупированной территории распространялись специальные листовки. Одна из них, обращенная «к афганским сардарам, ханам и маликам», гласила: «У вас существует поговорка, что в Афганистане золото сильнее оружия, — это зависит вполне от вашего выбора, что из них желаете — выберете! Правительство наше распределило: оружие — врагам, а золото — друзьям. Если вы с умом, то должны причислить себя к числу друзей»{241}.

Отдельные представители феодальной верхушки пошли на службу к интервентам, но попытки Робертса использовать их в интересах Англии, как правило, кончались крахом: назначенные им в различные округа правители из афганского сардарства были либо убиты, либо оказались вынужденными бежать под защиту английских войск. Так, например, в конце 1879 г. Робертс отправил к боровшимся с агрессорами в районе Джелалабада гильзаям сановника Вали Мухаммед-хана с предложением денег в случае «установления спокойствия». Патриоты с негодованием отвергли британские посулы, а Вали Мухаммед-хана убили{242}.

В конце ноября 1879 г. вспыхнуло освободительное восстание в Кухистане. Находившийся в городе Майдане [121] отряд генерала Бейкера подвергся нападению и был вынужден отступить в Кабул. После его ухода повстанцы убили назначенного англичанами губернатором Майдана сардара Мухаммед Хусейн-хана. «Губернатор» Логарской долины сардар Абдулла-хан был осажден афганцами в небольшом форте, где он едва успел укрыться{243}. В дальнейшем Абдулла-хан, как и назначенный британским командованием правитель Кухистана Шахбаз-хан, был вынужден бежать в Ширпур под защиту английских войск.

К концу 1879 г. произошло объединение афганских партизанских отрядов; они начали действовать более

решительно, согласованно и целеустремленно. Стремясь помешать установлению непосредственного контакта между наступавшими из Кухистана повстанцами во главе с генералом афганской армии Мухаммед Джан-ханом к жителями Кабула, Роберте дал указание разбить войска на 2 колонны, которые пытались оттеснить афганцев. Однако армия Мухаммед Джан-хана совершила обходное движение и 11 декабря 1879 г. атаковала первую колонну генерала Масси. Народное ополчение прижала войско Масси к селению Бхагвана. Жители деревни стреляли по оккупантам из своих домов, а староста с ножом в руках прыгнул на прибывшего сюда Робертса, которому с трудом удалось спастись{244}. Отряд Масси был разгромлен.

Интервенты постепенно оказались окруженными и осажденными в районе Кабула, население которого сопротивлялось всем попыткам установить над ним британское господство. Вокруг города шли напряженные бои. Особенно упорный характер носила борьба на Асмайских высотах. 14 декабря 1879 г. англичане потерпели здесь решительное поражение{245}. Опасаясь нового массового восстания в столице, они были вынуждены оставить Кабул и укрыться в Ширпурской цитадели. Над агрессорами нависла угроза повторения судьбы Эльфинстона и Макнотена, Бернса и Каваньяри и многих [122] других их соотечественников, уничтоженных афганскими патриотами. Видный индийский ученый К. М. Паниккар писал, характеризуя сложившуюся в то время обстановку: «Известный генерал Роберте снова двинулся во главе армии, захватил Кабул, начал, не разбираясь, вешать людей и сжигать деревни, чтобы афганцы могли узнать, чего стоит сопротивление англичанам. Но афганцы отказались усвоить урок. Они сражались и сделали невыносимым положение британских интервентов...»{246} Повстанцы беспощадно расправлялись с теми афганскими феодалами, какие были уличены в связях с врагом. После изгнания из Кабула английских войск здесь подверглись разгрому дома сардаров, проявлявших дружественные чувства к оккупантам{247}.

Заняв столицу и окрестные районы, Мухаммед Джан-хан, к которому присоединились тысячи афганцев из Логара и

Вардака, 22 декабря 1879 г. начал штурм Ширпурского укрепленного лагеря. Английское правительство было чрезвычайно встревожено событиями в Афганистане. Раулинсон считал, например, что для Англии наступило время, имеющее «великое национальное значение... Никто не мог сомневаться, не исключая и крайних оптимистов, — продолжал он, — что мы были предметом ненависти для всех обитателей Восточного Афганистана»{248}. Как показали факты, население Западного Афганистана питало к интервентам такие же чувства.

На выручку армии Робертса были спешно двинуты войска из ближайших местностей. С огромным трудом к Ширпуру пробился отряд генерала Гофа из пешаварской группы. Это несколько облегчило положение осажденных и дало возможность англичанам снова занять столицу страны.

Решительная борьба афганского народа против интервентов во второй половине 1879 г. сковала их силы и заставила отказаться от намеченного ранее похода на Герат с выходом в долину Аму-Дарьи. Южная (кандагарская) группа британских войск, готовившаяся к движению на Герат, была вместо этого направлена по [123] маршруту Келати — Гильзай — Газни — Кабул, чтобы провести «демонстрацию силы», по выражению Литтона{249}.

Основной целью этого наступления был захват города Газни, вокруг которого сосредоточились партизанские отряды. Афганские патриоты оказали упорное сопротивление наступавшим войскам противника и только вследствие военного и технического превосходства последнего, после напряженных боев, вынуждены были отступить. В начале апреля 1880 г. англичане захватили Газни. В конце этого месяца части кандагарской группы прибыли в Кабул. Их командующий генерал-лейтенант Дональд Стюарт возглавил все оккупационные войска и немедленно организовал карательные экспедиции в Кухистан, к Исталифу и в другие районы, находившиеся под контролем повстанцев. Считая, что им легче будет справиться с раздробленной страной, английские правящие круги предложили Стюарту «поддерживать и закреплять сепаратное состояние областей Афганистана». Интервенты надеялись ослабить, а затем и

подавить упорное сопротивление афганских патриотов британской агрессии при помощи раздела страны на мелкие, разрозненные ханства и бекства во главе с предателями из числа подкупленной феодальной знати.

Английская пресса публиковала разнообразные проекты расчленения Афганского государства. Один из них был помещен в «Сивил энд милитари газетт» — влиятельном полуофициальном органе британских военных властей в Индии. По этому проекту Ирану передавались Герат и афганская часть Сеистана, Келатскому ханству — юго-восточные, а Кашмиру — северо-восточные районы Афганистана. Курамская и Хостская долины, как и долина реки Кабул до Джелалабада, должны были войти в состав английских владений в Индии. Кроме того, предусматривалось создание вассальных от Англии ханств — Южноафганского с центром в Кандагаре и Восточноафганского с центром в Кабуле, где планировалось расположить гарнизоны из неафганских народностей под начальством английских офицеров.

«План этот, — писал Л. Н. Соболев, — составлял часть общей программы... захватить в свои руки все государства Южной Азии, начиная от азиатской Турции и до [124] непосредственных владений Великобритании, с устройством ряда прочно укрепленных пунктов»{250}.

Британское правительство предпринимало практические шаги к осуществлению этих проектов расчленения Афганистана. В частности, в конце 1879 — начале 1880 г. английский посол в Тегеране Томсон вел переговоры с иранским правительством о передаче Ирану Гератского оазиса.

Тем временем афганский народ продолжал героическое сопротивление интервентам. Британские оккупационные войска, засевшие в Кабуле, Кандагаре и некоторых других городах, подвергались непрерывным нападениям афганских партизан. Война против интервентов приняла характер подлинно народной борьбы. Наряду с генералом Мухаммед Джан-ханом видную роль в этой борьбе играл верховный мулла Афганистана девяностолетний Мушки Алим. В интересной книге Л. Н. Соболева приводится мнение видного

афганского офицера Гулям Хусейн-хана о том, что за всю историю Афганского государства не наблюдалось создания такого сплоченного и многочисленного союза племен и народностей Афганистана, как в декабре 1879 г. «Союз этот носил характер строго демократический. Почти все сардары и представители афганской аристократии состояли при генерале Робертсе и не принимали участия в деле Мушки Алима и Мухаммед Джана... В числе состоявших при генерале Робертсе — наиболее выдающиеся аристократы Афганистана — Вали Мухаммед, сводный брат покойного эмира Шер Али-хана, Гассан-хан — двоюродный брат Якуб-хана., Абдулла-хан. Англичане пользовались услугами сардаров и награждали их, чем и возбуждали против них всеобщую народную ненависть...

Дело Мухаммед Джана и муллы Мушки Алима не только ничего не проиграло от того, что от него отреклись сардары, но положительно выиграло. Отсутствие сардаров дозволило союзу сплотиться и придало ему вполне народный характер»{251}.

Захватническая война в Афганистане вызывала огромные расходы и сопровождалась крупными потерями английских войск. Между тем, несмотря на то, что военные действия длились уже почти два года, эта война, по [125] сути дела, не дала английским империалистам желаемых результатов. Цель войны — полная аннексия Афганистана — была почти так же далека от агрессоров, как и в самом начале. Это сознавали даже наиболее экспансионистски настроенные английские политические деятели. Г. Раулинсон, например, писал: «Если мы решим присоединить страну и держать ее силой, как держали ее могольские императоры Индии в течение двух столетий, мы должны решиться на многие жертвы. Расходы, связанные с такой аннексией, будут серьезны, ибо годовой доход Кабула мал, не превышает 80 лаков рупий, и в течение долгих лет мы не будем в состоянии собрать большой его части; даже то, что мы получим, будет стоить нам крови; наше гражданское управление в течение многих лет будет встречать затруднения со всех сторон. Мы не будем иметь сил для того, чтобы обезоружить всю страну, зато будем иметь бесконечные хлопоты по подавлению беспорядков и созданию надежной позиции».

Он предлагал «обратиться к известному образцу протектората над индийскими государствами и оставить туземному правителю столько свободы действий, сколько допускает зависимость Афганистана от Великобритании». Разъясняя смысл своего предложения, Раулинсон отмечал, что «для того, чтобы утвердить наше господство и обеспечить нам исключительный политический контроль над афганским народом, необходимо установить в столице прочную власть и сохранить в наших руках всестороннее командование военными силами провинции. Несомненно, если бы мы могли содержать в Кабуле постоянный гарнизон в 2 тыс. человек британских войск всех родов оружия и, кроме того, сформировали армию в 20 тыс. человек из хазарейцев, кизыл-башей и парсиван{252}, вооружив их нарезным оружием и поставив под начальство британских офицеров, то мы смогли бы тогда без опасений поручить местным сардарам взимать пошлины и вообще выполнять обязанности исполнительной власти; наш резидент, оставаясь в британской цитадели, защищенной от всякой личной опасности, мог бы управлять афганскими советниками, наблюдать за северной границей и действовать как [126] посредник между соперничающими группировками». Раулинсон настаивал на передаче Герата Ирану и отправке туда английского гарнизона «в помощь иранскому», на создании в Фарахе британского аванпоста и на утверждении влияния Англии над северо-восточным Афганистаном{253}.

Основной смысл предложений Раулинсона, отражавшего взгляды консервативного кабинета, сводился, таким образом, к превращению Афганистана в вассальное, полностью зависящее от Англии княжество. Однако к этому времени в значительной степени изменилась политическая обстановка в самой Англии. Положение кабинета Биконсфильда было серьезно подорвано неудачными военными действиями, какие вело британское правительство в Афганистане и против племени зулу в Африке. В апреле 1880 г. кабинет консервативной партии был вынужден уйти в отставку и уступить место либеральному правительству В. Гладстона. Принципиальной разницы между ними не было. Новое правительство также являлось правительством английской

буржуазии и отражало ее интересы. Его важной целью также являлось расширение колониальных владений, источников сырья и рынков сбыта товаров. Либералы, точно также, как и консерваторы, стремились к усилению эксплуатации народов зависимых и колониальных стран, и не случайно период правления Гладстона был ознаменован крупными колониальными захватами.

Вместе с тем это правительство стремилось маскировать политику грубой силы различными политическими интригами. Оно было вынуждено ликвидировать затянувшуюся и бесперспективную войну против народов Афганистана. «Инструмент войны» — лорд Литтон был заменен на посту вице-короля Индии представителем либеральной партии лордом Рипоном. Английским правящим кругам необходимо было найти какого-нибудь авторитетного представителя афганской феодальной верхушки, чтобы передать ему власть на выгодных для империалистов условиях. Командование английских войск в Афганистане на первых порах пыталось подкупить руководителей афганских патриотов, чтобы обезглавить партизанское движение. С этой целью один из [127] бывших министров эмира Шер Али — Мустафа Хабибулла был отправлен Робертсом для переговоров к генералу Мухаммед Джан-хану. Однако попытки привлечь его на сторону агрессоров даже ценой предоставления верховной власти в стране ни к чему не привели. Мухаммед Джан-хан отклонил все предложения интервентов и потребовал немедленной эвакуации британских войск из Афганистана. В этих условиях английские власти приняли решение об установлении связи с внуком Дост Мухаммед-хана и племянником Шер Али — Абдуррахман-ханом, находившимся в политическом изгнании в русском Туркестане. Еще в марте 1879 г. посол России в Тегеране Зиновьев сообщал в Петербург, что прибывший в столицу Ирана английский капитан Чарльз Нэпир проговорился о желании своего правительства вызвать Абдуррахман-хана в Афганистан{255}.

Это происходило еще тогда, когда обстановка в Афганистане была очень сложной. Царское правительство, желавшее поражения своего соперника в войне, надеялось, что в Афганистане будет оказан организованный отпор

вторгшимся английским войскам. Прибытие нового претендента на престол могло усилить междоусобную борьбу и ослабить сопротивление интервентам. В министерстве иностранных дел было принято решение предложить Кауфману усилить надзор за Абдуррахман-ханом. Это вполне отвечало взглядам и самого туркестанского генерал-губернатора. Однако вскоре после получения этих указаний министерства Кауфману была доставлена телеграмма начальника главного штаба Гейдена с намеком на целесообразность отправки Абдуррахман-хана на родину. Кауфман отклонил это предложение, указав, что в Афганистане ведется борьба против оккупантов и прибытие туда нового претендента на престол внесет разлад в эту борьбу. Как выяснилось вскоре, депеша Гейдена была инспирирована русским послом в Лондоне П. Шуваловым, который был известен под кличкой «друг Англии»{256}. Эта депеша свидетельствовала [128] о стремлении британских правящих кругов добиться своей цели обходным путем.

Однако на рубеже 1879 и 1880 гг., когда Якуб-хан был выслан в Индию и оккупанты непосредственно контролировали некоторые территории восточного и юго-восточного Афганистана, точка зрения царских властей по вопросу о возвращении Абдуррахман-хана на родину изменилась. Как Кауфман, так и центральное правительство сочли возможным дать санкцию на отъезд Абдуррахман-хана, рассчитывая, что он утвердится в Южном Туркестане, куда агрессорам так и не удалось проникнуть, и создаст здесь самостоятельное владение.

В то же время русская дипломатия, учитывая печальный опыт с посольством Столетова, старалась не давать британским империалистам поводов для новых нападков на политику России и обвинений во вмешательстве в афганские дела. По сути дела, Абдуррахман-хану было лишь разрешено «бежать» в Афганистан{257}.

В начале 1880 г. Абдуррахман-хан переправился через Аму-Дарью и прибыл в Южный Туркестан. Он управлял некогда этой областью и имел здесь сторонников. Пользуясь их поддержкой, Абдуррахман-хан довольно быстро подчинил Южный Туркестан своей власти. Его публичные выступления

были направлены против английской интервенции, против пребывания в стране оккупационных войск. Однако никаких конкретных мер для борьбы с агрессорами Абдуррахман-хан не намечал и не предпринимал.

Британские правящие круги решили воспользоваться прибытием Абдуррахман-хана в Афганистан для того, чтобы привлечь его на свою сторону. Как сообщал военному министру Милютину военный агент России в Лондоне Горлов, правительство Гладстона, стремившееся поскорее покончить с войной в Афганистане, возлагало большие надежды «на возможность возвести на престол в Кабуле Абдуррахман-хана»{258}.

Суть дела заключалась в том, что освободительное движение народов Афганистана приобретало все больший [129] размах. Нараставшая сила сопротивления афганских патриотов вынуждала британских интервентов признаться в несостоятельности своих попыток подавить это сопротивление военным путем. Лишним доказательством этого явились попытки агрессоров вступить в контакт с представителями афганских феодальных верхов для достижения договоренности о прекращении военных действий. Обстановка в стране продолжала диктовать империалистам настоятельную необходимость прекращения дорогостоящей войны, в которой они так и не смогли одержать победу.

В мае 1880 г. английские представители вступили в переговоры с Абдуррахман-ханом, предложив ему принять на себя верховную власть в Афганистане. В конечном итоге в июне 1880 г. Англия признала Абдуррахман-хана афганским эмиром. Это признание было обусловлено требованием подчинения британскому контролю внешней политики Афганистана. Абдуррахман-хан был вынужден принять также некоторые условия Гандамакского трактата, а именно: отторжение от Афганского государства областей Сиби, Пишин и Курам, установление английского контроля над Хайберским и Мичнийским [130] проходами. Эти захваты имели большое значение для английских колонизаторов, поскольку создавали постоянную угрозу новой военной агрессии против Афганистана.

Помимо этого, английское правительство отделило Кандагарскую область и превратило ее в «независимое владение», во главе которого поставило перешедшего на службу к оккупантам сардара Шер Али-хана. Этот правитель, который находился в полной зависимости от Англии, получил титул «вали». Все его права ограничились возможностью иметь собственный дурбар («совет») и чеканить монету со своим именем{259}.

Британские политики обосновывали отторжение Кандагарской области лживыми разговорами о тяготении ее населения к Англии. Подлинные причины этого отторжения выболтала английская пресса. Как писала одна из лондонских газет, «стратегическое значение Кандагара... признано всеми. Торговое значение Кандагара немалое, так как даже при самой скромной смете торговля велась на 1 млн. фунтов стерлингов ежегодно. Железная дорога и таможенная система значительно увеличили бы торговые обороты, распространив рынки далеко за Герат, и таким образом подорвали бы господство русской торговли во всей Восточной Персии и в Центральной Азии...»{260}

Английское казначейство выделило специальные средства для организации войска нового «кандагарского государства», британские офицеры обучали солдат этого войска. Кандагарское государство должно было играть роль важного британского военно-политического плацдарма для наступления против остального Афганистана, Ирана и Средней Азии. Вскоре, однако, произошли события, в которых проявилось подлинное отношение населения Кандагарской области к интервентам и их местной агентуре.

Еще во время переговоров англичан с Абдуррахман-ханом и упорной борьбы против афганских партизанских отрядов, в первой половине 1880 г., особую активность в освободительном движении начал проявлять сын эмира [131] Шер Али Аюб-хан, который управлял Гератом. Летом 1880 г. Аюб-хан во главе крупного военного отряда выступил в поход против англичан. В июле 1880 г. он занял последний крупный пункт по дороге к Кандагару — город Фарах.

По мере приближения войска Аюб-хана в «кандагарском государстве» усиливалась борьба за изгнание англичан и их

ставленников и за сплочение с остальным Афганистаном. В армии Шер Али-хана вспыхнуло восстание. Большая ее часть покинула город, захватив вооружение и боеприпасы. Шер Али-хан бежал под защиту англичан. Британское командование срочно перебросило в район Кандагара армейскую бригаду генерала Берроуза, которая начала военные действия против повстанцев. Отбив атаки преследовавших их войск Берроуза, восставшие присоединились к наступавшей на Кандагар армии Аюб-хана. 15(27) июля 1880 г. неподалеку от города, в районе Мейванда, произошло сражение между британской бригадой и афганскими патриотами. В этом сражении повстанцы и армия Аюб-хана разбили наголову войска оккупантов. Из 2446 англичан было убито и ранено 1109 (среди них 29 офицеров), а 338 человек — пленено{261}. Отборный 66-й Беркширский полк лишился двух третей своего состава. Около 800 человек было убито, а большая часть пропала без вести, причем английское командование полагало, что многие из них перешли на сторону противника{262}. Отряды Аюб-хана были поддержаны многочисленными группами афганского народного ополчения. Британский гарнизон Кандагара спешно укрылся в городской цитадели; значительная его часть разбежалась по соседним лесам.

Сражение под Мейвандом является одной из самых славных страниц истории Афганистана. О нем слагались и слагаются песни в афганском народе, оно и поныне вдохновляет поэтов и писателей, воспевающих героическую доблесть патриотов, самоотверженно боровшихся против иностранных поработителей. [132]

«В битве у Мейванда за свободу родины

Мы видели много голов у ног афганца», —

писал выдающийся афганский поэт и ученый Гуль Пача Ульфат{263}.

После мейвандского боя английское правительство получило паническую телеграмму об уничтожении войск Берроуза и осаде кандагарского гарнизона. Из Бомбея и Симлы в район Кандагара срочно были отправлены свежие английские войска для того, чтобы восстановить положение и несколько сгладить впечатление от мейвандского разгрома.

Между тем известия о поражении интервентов с огромной быстротой распространились как по всему Афганистану, так и в соседних с ним странах, стимулируя развитие освободительной борьбы против колонизаторов. Описывая реакцию народов Востока на поражение британских войск под Кандагаром, Горлов сообщал Милютину:

«Лишь только известие о нем стало двигаться на юг от Кандагара до Белуджистана, а оттуда до границ Индии, оно стало вызывать по всей этой дороге и в окрестностях враждебные движения против Англии в народах, которые считались вполне дружественными Англии: племена у Чамана на плато Тоба, в долине Пишина, горцы в Мури и Какара, сипаи келатского хана и, наконец, патаны южнобелуджистанской границы. Волнение дошло до города Суккура, где призвали милицию, и значительное беспокойство распространилось даже в самом Бомбее...»{264}

В Южном Афганистане развернулась упорная борьба между оккупантами и афганскими патриотами. В течение всего лета 1880 г. интервенты отражали настойчивые атаки отрядов Аюб-хана, поддерживаемых всем населением Кандагарской области. Стало очевидным, что попытка создания здесь вассального английского владения под управлением ставленника оккупантов обречена на полный провал, и газета «Тайме» была вынуждена констатировать: «Никто из афганцев, на которых пал [133] выбор британского правительства, не был принят народными массами, а независимый правитель Кандагара, назначенный лишь благодаря британскому влиянию, должен был пасть, как только это влияние прекратилось»{265}.

Острая ситуация, возникшая на юге страны, вынудила правящие круги Англии поторопиться и завершить урегулирование отношений с Абдуррахман-ханом. Агрессоры оказались вынужденными признать власть Абдуррахман-хана над всей страной, включая и Кандагарский оазис, отказаться от контрибуции, наложенной на жителей Кабула Робертсом в качестве репрессии за истребление миссии Каваньяри, выплатить новому эмиру 10 лаков рупий в «залог британской дружбы», а также возместить стоимость материальных

ценностей, разграбленных в афганской столице английскими войсками.

После урегулирования отношений с Абдуррахман-ханом британское правительство двинуло из Кабула в Кандагар армию под командованием Робертса. В конце августа 1880 г. между отрядами Аюб-хана и интервенционистскими войсками произошло сражение. Афганские патриоты мужественно и стойко боролись, хотя на стороне империалистов было крупное численное и техническое превосходство. Лишь после длительных и кровопролитных боев афганцы в конце концов должны были отступить. Аюб-хан со своими солдатами возвратился в Герат.

Вопреки договоренности с Абдуррахман-ханом, в английских правящих кругах продолжалась длительная дискуссия по вопросу о Кандагаре. Представители наиболее агрессивных кругов, призывали к сохранению над этим городом британского господства. Утверждение английского владычества в Кандагаре, по их мнению, усиливало зависимость кабульского правительства от Англии и должно было предоставить англичанам также крупные торгово-экономические выгоды. Глашатаям этих кругов являлся бывший вице-король Индии лорд Литтон. Выступая 3 марта 1881 г. в палате лордов, он заявил: «Если вы соедините Кандагар железной дорогой с долиной Инда, вы сможете устремить всю торговлю [134] Средней Азии... в порты Карачи и Калькутту, а отсюда в порты Ливерпуль и Лондон»{266}.

Решающим фактором в данном случае явилось, однако, не то или иное решение английского парламента, а упорная и героическая борьба афганского народа против британских оккупантов и их ставленников. Потеряв надежду подавить сопротивление афганских патриотов, английское правительство было вынуждено дать приказ своим войскам оставить Кандагар. Управление областью было передано представителям Абдуррахман-хана.

В середине 1881 г. войска агрессоров были выведены также и из остальных районов Афганистана, какие они еще занимали. Таким образом, новая попытка британских империалистов вооруженным путем захватить Афганистан, поработить афганский народ и установить над ним

колониальное господство провалилась. Осуществлению захватнических планов Англии помешала снова развернувшаяся в стране мощная народно-освободительная борьба, в которой приняли активное участие самые широкие массы населения, в первую очередь — народные низы. Как писал английский исследователь Д. Дакоста, новое нападение на Афганистан в 1878 г. «кончилось, подобно предыдущей войне, поражением и унижением» Англии{267}. В результате войны 1878—1880 гг. британские агрессоры отторгли от Афганского государства новые земли, важные в военно-стратегическом отношении, и установили контроль над внешней политикой Афганистана, поставив страну в зависимое положение. Но основная цель — превращение Афганистана в колонию, а афганцев в колониальных рабов — не была достигнута благодаря решительному отпору, оказанному интервентам афганскими народными массами. [135]

ГЛАВА V. БРИТАНСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В АФГАНИСТАНЕ В КОНЦЕ XIX И НАЧАЛЕ XX В.

В сентябре 1881 г. Абдуррахман-хан, завершая объединение Афганистана под своей властью, предпринял наступление на Герат. Он разбил войска Аюб-хана, эмигрировавшего затем в Иран, и присоединил Гератский оазис к остальной части страны. Снова афганские земли, хотя и в урезанном виде, были сплочены в единое государство. Период правления эмира Абдуррахман-хана (1880—1901 гг.) был временем укрепления центральной власти и настойчивой борьбы эмира против мятежных феодалов и проявлявшихся с их стороны сепаратистских тенденций. Абдуррахман-хан жестоко расправлялся с феодалами, не желавшими подчиняться центральной власти, отправлял их в изгнание, конфисковывал принадлежавшие им земли. Он сурово преследовал и тех, кто мешал нормальному развитию торговли в стране: взяточников и казнокрадов на таможенных заставах, участников грабежей на торговых путях. Правительство провело важнейшие административные и военные реформы,

постепенно заменяло старые, феодальные дружины хорошо подготовленной и обученной армией; сбор податей и налогов во все больших масштабах контролировался правительственными чиновниками. Основная цель, которую преследовал Абдуррахман-хан (и добился в определенной степени) было упрочение центральной власти.

Реформаторская деятельность Абдуррахман-хана фактически содействовала прекращению межфеодальных раздоров и распрей, тяжело отражавшихся на развитии [136] экономики страны и ее производительных сил. В Афганистане началось формирование элементов капиталистического уклада.

В целом, однако, Афганистан конца XIX в. был одним из самых отсталых государств. Сказывалась потеря большого числа человеческих жизней и огромных материальных ресурсов в борьбе против английских колонизаторов. Империалистические действия Англии, стремившейся законсервировать Афганистан как свою колонию, проявлялись, в частности, в политике внешней изоляции и военных провокаций, какую проводили в отношении афганского народа британские правящие круги. Отгородив Афганское государство глухой стеной от остального мира, они решительно препятствовали не только развитию каких-либо политических связей его с другими странами, но и торговле с соседними народами. Торговые отношения с Россией, например, приносившие пользу обоим государствам, осуществлялись лишь через Бухарское ханство и могли бы в других условиях достичь значительно больших размеров.

Английские империалисты прилагали вместе с тем настойчивые усилия для того, чтобы втянуть Афганистан в военные столкновения, а то и вызвать войну с Россией. Как и в прошлые годы, британские агенты старались активизировать действия Афганистана в долине Аму-Дарьи против узбекских, таджикских и туркменских областей. Эта политика была призвана создать на русско-афганской границе состояние постоянной и острой напряженности, давая возможность Англии отвлекать внимание Афганского государства от своей грабительской деятельности среди захваченных ею афганских

племен, а также вести подрывные действия в русском Туркестане и среднеазиатских ханствах.

Уже в конце 1880 г. эмиру Абдуррахман-хану по указанию вице-короля Индии лорда Рипона было отправлено письмо, гласившее, что британское правительство будет всемерно поддерживать внешнюю политику Афганистана, если «эмир будет неуклонно следовать советам правительства Британской империи в своих внешних сношениях»{268}. Выплачивая «субсидию» эмиру, империалисты добивались того, чтобы она расходовалась [137] всецело на военные нужды. Они надеялись широко использовать афганскую армию в войне против России по своему излюбленному рецепту борьбы «чужими руками».

Территория Афганистана рассматривалась ими как опорная база, военно-политический плацдарм для подготавливавшейся агрессии против России. Маскируя эти цели «оборонительной» терминологией, Рипон летом 1883 г. в новом послании писал Абдуррахман-хану: «Я решил предложить вашему высочеству персонально субсидию в 10 лаков рупий в год., предназначенную для содержания ваших войск и для оплаты других мероприятий, связанных с обороной северо-западных границ»{269}. Конкретизируя это послание, англичане требовали превращения Герата и его окрестностей в укрепленный район.

Этим дело не ограничилось. В том же 1883 г. Абдуррахман-хан двинул свои войска против небольших припамирских княжеств: Рушана, Шугнана и Вахана. Эти княжества некогда подчинялись Кокандскому ханству, вошедшему в 1875—1876 гг. в состав владений России в Средней Азии, и были расположены (в большей своей части) на правом берегу Аму-Дарьи. Ввод афганских войск в эти княжества являлся нарушением англо-русской договоренности 1869—1873 гг. о принятии реки Аму-Дарьи в качестве границы Афганистана и не мог быть предпринят без полного согласия Англии — «гаранта» афганских границ.

Дело было, однако, не в простом «согласии» британских империалистов с тем, что контролировавшееся ими государство нарушило международное соглашение, принятое в значительной степени по инициативе и на условиях,

предложенных представителями Англии. Британские агенты потребовали от эмира Абдуррахман-хана действий, связанных с нарушением договоренности 1869—1873 гг. Их закулисная роль подтверждается документальными данными. В качестве примера можно привести рапорт управляющего нагорными тюменями Зеравшанского округа туркестанскому генерал-губернатору от 13 апреля 1884 г. В нем сообщалось о прибытии к афганскому эмиру английских посланцев «с предложением покорить самостоятельные ханства и города, [138] граничащие с Ферганской областью и Кашгаром. Абдуррахман-хан для этой цели командировал своего шурина Абдулладжана, которым и был взят Шугнан, откуда он перешел к городу Рушан, занял его и двинулся в Сарыкуль»{270}.

Участник многих аналогичных действий британский бригадный генерал П. Сайкс откровенно признавал, что «...в интересах... Индийской империи (т. е. британских колонизаторов. — Н. Х.) было желательно не оставлять промежутка между владениями Китая и Афганистана»{271}. А это могло быть осуществлено лишь посредством раздела перешедших к России земель на Памире между указанными государствами, за спиной которых стояла в то время Британская империя. На дипломатические протесты России правящие круги Англии отвечали отписками. Они старались спровоцировать столкновение между Россией и Афганистаном к северо-западу от Герата, в туркменских степях.

Под предлогом уточнения северных границ Афганистана сюда прибыла британская военно-дипломатическая миссия во главе с генералом П. Лэмсденом. Топографические партии англичан под ширмой изучения направления афганской границы исследовали переправы через Аму-Дарью{272}.

«Дипломатическая» миссия Лэмсдена, которую сопровождал конвой, насчитывавший около 5 тыс. вооруженных солдат, еще до начала переговоров объехала многие города и селения Северного Афганистана. Англичане вели здесь политическую пропаганду, проводили осмотр местных укреплений. Лэмсден приглашал к себе феодалов и старшин, раздавал им деньги и подарки. По настоянию Лэмсдена в район Кушки были стянуты афганские войска.

Англичане хотели явочным порядком захватить Пендинский оазис, из-за которого велись споры в комиссии по разграничению. В конечном итоге провокаторам удалось добиться своего: они вызвали вооруженное столкновение с русскими отрядами, в ходе которого афганские войска, несмотря на свой численный [139] перевес, были вынуждены покинуть занятый ими район и отступить. Обгоняя отступавшие афганские войска, в паническом страхе бежали их британские «советники». Поведение британских офицеров и солдат в этом бою позднее было описано эмиром Абдуррахман-ханом: «Англичане бежали к Герату, не выждав ни одного момента... Английские войска и офицеры были до такой степени испуганы и нервозны, что бежали в диком замешательстве, не будучи в состоянии отличить друзей от врагов... некоторые английские офицеры были сброшены с лошадей во время бегства»{273}.

Неудача в оазисе Пенде имела для Англии значительно большие последствия, чем этого можно было ожидать вначале. Дело было не только в том, что британским империалистам не удалось отторгнуть у России важную в военно-стратегическом отношении территорию, но и в том, что, несмотря на все их усилия, столкновение в районе Кушки не получило никакого дальнейшего развития.

Правда, оно послужило предлогом для раздувания в Англии воинственных настроений. Британская печать и парламентарии в один голос заявляли, что только победоносная война против России может явиться удовлетворением и возмещением за урон, нанесенный престижу Британской империи в глазах народов Востока. Раздувая военный психоз, премьер-министр Англии Гладстон требовал выделить 11 млн. фунтов стерлингов на военные расходы.

Основные усилия английских правящих кругов были направлены на то, чтобы возбудить в Афганистане вражду к России. Но именно этого британской агентуре не удалось добиться. Сообщение о конфликте в Пендинском оазисе застало эмира Абдуррахман-хана в индийском городе Равалпинди, куда он был приглашен для встречи с новым вице-королем — лордом Дафферингом. Здесь во время

переговоров английское правительство все с той же провокационной целью подарило эмиру 10 лаков рупий, 20 тыс. ружей, 3 артиллерийских батареи и различное военное снаряжение. Оно всячески старалось втянуть Афганское государство в войну против [140] России. Эмиру представляли искаженные и извращенные сведения о столкновении в районе Кушки, требовали его согласия на немедленный ввод в Афганистан британских войск.

Однако Абдуррахман-хан категорически отказался от каких-либо действий, которые могли привести к обострению отношений с Россией. Более того, к досаде вице-короля и его окружения, он заявил о полном отсутствии у Афганистана притязаний на спорные территории. Один из членов английской комиссии по установлению северозападных границ Афганистана — полковник Риджуэй объяснял отказ эмира от притязаний на спорные земли тем, что, по мнению Абдуррахман-хана, весь Пендинский оазис не стоил войны, а собираемые там подати не окупят расходов по его управлению{274}.

Между тем главное было далеко не в этом. Эмир понимал, что при любом исходе подобной войны она могла дать британским империалистам основания и поводы для усиления их позиций в Афганистане и усиления его зависимости от Англии. С этой точки зрения чрезвычайный интерес представляет опубликованное в Афганистане описание переговоров Дафферина с Абдуррахман-ханом:

«Вице-король. Теперь уже вполне и достоверно известно, что Россия приготавливает войска на Кавказе и в Мерве; но весь мир хочет вести с ней войну. Необходимо, чтобы вы питали доверие к нашему государству.

Эмир. Лично я отношусь к нему с полным доверием, но этого доверия нет у населения Афганистана. Может быть, оно и явится, когда страх исчезнет из их сердец... Вице-король. Если вы примете от нас помощь войсками, то они будут даны.

Эмир. Я не советовался об этом с моим народом, а потому не знаю, даст он свое согласие или нет.

Вице-король. Из вашего ответа видно, что вы отказываетесь от помощи наших войск.

Эмир. Я не отказываюсь от вашей помощи войсками, но я не могу дать вам ответ на предложение, которое не довел до сведения своего народа... [141]

Вице-король. Можете ли вы поручиться, что население Афганистана примет помощь наших войск для защиты от России?

Эмир. Требование, которое я сегодня обещаю исполнить, не предупредив о нем население Афганистана, может быть не принято им завтра»{275}.

Далее из этого документа явствует, что Дафферин продолжал снова и снова настойчиво добиваться согласия Абдуррахман-хана на оказание Афганистану «помощи» британскими войсками, хотя никто не просил о подобной «помощи» и никто в ней не нуждался в Афганистане. Вице-король детально интересовался герат-скими укреплениями и вооружением афганских войск. Эмир все так же мягко, но решительно отклонял эти энергичные предложения «поддержки».

В заключение Абдуррахман-хан заявил: «...афганский народ не питает доверия к вам... Необходимо сообщить членам вашей комиссии, чтобы они уступили России те части границ Афганистана, которые ныне являются предметом распри между нами и русскими. Я считаю необходимым поступить так потому, что земли и жилища туркмен-сарыков{276} моими владениями, а они сами моими подданными в действительности никогда не были; и их делами я также не ведал... Та часть границы, которая теперь должна отойти к России, не принадлежит к территории Афганистана...»{277}

Так кончились крахом попытки английского правительства толкнуть Афганское государство на военный конфликт с Россией. Твердая позиция, занятая эмиром Абдуррахман-ханом, в немалой степени способствовала тому, что в сентябре 1885 г. была достигнута договоренность об определении направления северо-западной границы Афганистана. Через два года, в 1887 г., был подписан окончательный протокол, по которому определялась русско-афганская граница от реки Герируд до Аму-Дарьи.

Поставленный Англией в условия внешней изоляции, эмир Абдуррахман-хан упорно стремился сохранить свою [142]

самостоятельность в вопросах внутренней политики. Он старательно оберегал свою самостоятельность в управлении страной, крайне редко и неохотно выдавал англичанам разрешения на проезд в Афганистан. Представитель британских властей в Кабуле, которым продолжал быть, как правило, не англичанин, а кто-либо из индийских мусульман, находился под особым наблюдением: полиция внимательно следила за всеми, кто с ним общался, ограничивала его в передвижениях по Афганистану.

Стремление английского правительства добиться санкции эмира на проведение железной дороги из Индии в какой-либо из афганских городов (в первую очередь имелся в виду Кандагар) встречало неизменный протест Абдурахман-хана. Он прекрасно понимал, что с прокладкой железнодорожного пути в Афганистан влияние Англии значительно усилится, а в случае нового британского нашествия усовершенствованный путь сообщения сможет сыграть роковую роль для афганского народа. Абдурахман-хан испытывал серьезные опасения в связи с тем, что англичане полным ходом вели прокладку железнодорожной магистрали к Кветте, а оттуда к афганским границам. Любопытно, что когда эмира спросили по поводу пробитого в горах Ходжа-Амранского туннеля (Кветто-Сеистанская железная дорога), не удивляется ли он такому сложному инженерному сооружению, Абдурахман-хан ответил: «Если я проткну острым кинжалом изумительно правильную дыру в вашей спине, то вряд ли это вызовет у вас изумление моему искусству»{278}.

Борьба эмира против проникновения в Афганистан английского влияния вызывала враждебное отношение к нему британских правящих кругов. Они внимательно наблюдали за положением в стране и были готовы вмешаться — прямо или косвенно — в ее жизнь при первой удобной возможности. Так, когда в 1888 г. в Северном Афганистане вспыхнуло восстание против власти Абдурахман-хана, известное под названием «восстания Исхак-хана», британское правительство подготовило крупный военный отряд для вторжения в Афганистан [143] «в случае необходимости». Претендент на кабульский престол, соперник Абдурахман-хана — Аюб-хан, переехавший перед этим в Индию в качестве гостя-пленника

Англии, был поселен близ афганской границы, в Пешаваре. По выражению военного губернатора Самаркандской области Яфимовича, Аюб-хану было поручено «мутить народ» против Абдурахман-хана{279}.

Эмир не питал особых иллюзий по поводу замыслов британских империалистов в отношении Афганистана. Он, естественно, не мог должным образом осознать корни и причины агрессивности английской политики и порой относил ее за счет личных качеств тех или иных политических деятелей Британской империи. Так, посетивший Бухару весной 1892 г. по торговым делам один из приближенных эмира — Гуль Мухаммед-хан рассказывал, что Абдурахман-хан, «крайне раздраженный настойчивыми требованиями вице-короля Индии о продлении железной дороги до Герата и о допущении англичан в Кандагар, Кабул и Герат, решил отправиться в Лондон для личного объяснения с королевой с намерением добиться, чтобы вице-королю было запрещено беспокоить его, а в случае отказа в этом — обратиться к посредничеству русского посла и представителей других держав в Лондоне»{280}.

Вместе с тем эмир по мере возможности придерживался самостоятельного политического курса. Это проявилось не только во время Пендинского конфликта, что уже было отмечено, но и в отношении искусственно созданной британскими империалистами «памирской проблемы».

В конце 80-х годов XIX в. английские агенты развили значительную активность в районе Памира. Сюда направлялись британские разведчики, стремившиеся проникнуть в Ферганскую долину и в Кашгар. Желая положить конец хозяйничанью иностранцев на перешедшей к России территории, царское правительство направило в этот район военный отряд под командованием полковника Ионова. [144]

Эти действия показали, что Россия готова на решительные меры для ликвидации враждебной деятельности в своих землях. Англичане снова попытались использовать создавшуюся обстановку для того, чтобы столкнуть Афганистан с Россией, но, как и пять лет назад, встретили категорический отказ со стороны Абдурахман-хана вступить в войну против своего северного соседа.

«Англичане, — говорил упомянутый выше Гуль Мухаммед-хан, — всячески стараются понудить эмира отправить экспедицию на Памир и вовлечь его в ссору с Россией, но эмир наотрез отказался от этого, говоря, что он ни в коем случае не двинет войск против русских, в особенности из-за такой отдаленной и бесплодной горной местности, как Памир»{281}.

Позиция, занятая Абдуррахман-ханом, пользовалась поддержкой подавляющего большинства населения страны, смотревшего с большой подозрительностью на соглашения с Англией, заключенные эмиром в первые годы своего правления. Во второй половине царствования Абдуррахман-хана антианглийские тенденции в его политике усилились еще более. Все большее число афганцев начинало понимать, какой огромный вред причинили и продолжали причинять экономическому, политическому и культурному развитию народов Афганистана британские агрессоры. Эти чувства крепили, в частности, в связи с тем, что на захваченной Англией территории афганских племен велась упорная борьба против господства колонизаторов.

В то же время представители английских экспансионистских кругов продолжали настаивать на полном поглощении Афганистана или, по крайней мере, на подавлении противодействия афганского правительства планам и замыслам Англии. Лепель Гриффин, участвовавший со стороны британского военного командования в переговорах с Абдуррахман-ханом в 1880 г., через 13 лет писал: «Афганистан представляет собой самый важный внешний оплот нашей Индийской империи, и мы не можем допустить, чтобы он оставался для нас закрытым, как в настоящее время. На первое место следует выдвинуть допуск британского министра-резидента [146] в Кабул с английскими офицерами в качестве агентов в Кандагаре и Герате. При сильном эмире положение их будет совершенно безопасным; повторения эпизода с Каваньяри опасаться нечего. Во-вторых, мы требуем продолжения железной дороги до Кандагара и устройства телеграфного сообщения между Кабулом, Гератом и Британской Индией. Наконец, последнее, что для нас необходимо, — это уничтожение запретительных пошлин на

английские товары. Хотя ни одно из этих требований не придется по вкусу эмиру, тем не менее переговорами можно добиться их выполнения»{282}.

В 1893 г. британское правительство направило в Кабул для переговоров с Абдуррахман-ханом специальную миссию, во главе которой был поставлен секретарь вице-короля Индии по иностранным делам Мортимер Дюранд. Перед посольством были выдвинуты важные задачи: урегулирование англо-афганских отношений, достижение договоренности по «памирскому вопросу» и разрешение искусственно создававшейся колонизаторами «проблемы» афганских пограничных племен, которые населяли земли в районе Сулеймановых гор. По осторожной формулировке британского официального археографа Эйчисона, Дюранду поручалось «прийти к дружественному соглашению по поводу индо-афганской границы»{283}.

В самом начале переговоров проявились резкие разногласия между афганским правительством и британскими империалистами. При обсуждении памирского вопроса эти расхождения были вызваны парадоксальной, с точки зрения английских правящих кругов, причиной. Эмир Абдуррахман-хан не имел никаких возражений против передачи России занятых им под нажимом Англии районов на Памире, тем более что получал в обмен Запаянджский Дарваз — участок бухарских владений, расположенный к югу от реки Аму-Дарья. Однако, к удивлению и недовольству Дюранда, возражения эмира вызвали разрешение вопроса об одном из памирских бекств — Вахане. Дело было в том, что в процессе переговоров с представителями России [147] английские дипломаты, настаивая на необходимости создания «прокладки» между русскими землями в Средней Азии и британскими в Индии, добились расчленения этого бекства и передачи его южной части Афганистану. Абдуррахман-хан, однако, категорически отказался принять под свою юрисдикцию этот район, известный в качестве «Ваханского языка»{284}. Он не желал создавать новых возможностей для английских провокаций, направленных на ухудшение русско-афганских отношений. Абдуррахман-хан подчеркивал при этом, что его, как и весь афганский народ, вовсе не

интересуют какие-либо захваты на Памире, зато много беспокойства причиняют взаимоотношения с Англией.

Дюранду стоило огромных трудов убедить эмира включить эту часть Вахана в состав Афганистана.

Но значительно более сложным оказалось для миссии Дюранда разрешение вопроса о восточноафганских племенах, расположенных в районе индо-афганской границы. Британские империалисты стремились отторгнуть обширную и очень важную территорию, населенную афганскими племенами. Овладение этой территорией передавало бы в руки Англии полный контроль над горными проходами, ведущими в Афганистан. Тем самым колонизаторы получали бы еще больше возможностей диктовать свою волю этому государству.

Естественно, что правительство Абдуррахман-хана, поддержанное широкими кругами афганского народа, оказало упорное сопротивление требованиям империалистов. Переговоры зашли в тупик. Дюранд убеждал и настаивал перенести пограничную черту на запад, обуславливая этим урегулирование взаимоотношений между обеими странами. Следуя своей обычной политике кнута и пряника, империалисты грозили Афганистану немедленной войной в случае отклонения их претензий. В Северной Индии происходила концентрация британских войск, и английские газеты публиковали множество статей о необходимости «воздействия» на несговорчивого эмира. В то же время британские власти обещали увеличить ежегодную субсидию Абдуррахман-хану. [148]

После долгих споров, находясь перед угрозой войны, эмир Абдуррахман-хан был вынужден согласиться на новое направление границы между британскими владениями в Индии и Афганистаном. Британская империя овладела важнейшей частью территории восточноафганских племен.

В ноябре 1893 г. Абдуррахман-хан и Мортимер Дюранд подписали соглашение о «достижении взаимопонимания» по поводу индо-афганской границы. По его условиям, Афганистан должен был «отказаться от каких бы то ни было претензий на Сват, Баджаур и Чит-рал, а также от прав на Вазиристан и Чагай»{285}.

Новая граница, обеспечивавшая свободный доступ британским вооруженным силам в Афганистан, проходила в основном по Сулеймановым горам и получила название «линии Дюранда».

Эмир Абдуррахман-хан и после отъезда миссии Дюранда пытался исправить положение. В отправленном им письме вице-королю Индии он призывал признать его власть над восточноафганскими племенами. Эмир старался убедить англичан доводами, какие, по его мнению, должны были подействовать на них. «Если вы отсечете их (пограничные племена. — Н. Х.) от моих владений, — аргументировал Абдуррахман-хан, — они никогда не будут полезны ни вам, ни мне... Пока ваше правительство в силах и ни с кем не воюет, вы сможете крепкой рукой держать их в узде, но если какой-нибудь чужеземный враг появится на границах Индии, эти пограничные племена будут вашими злейшими врагами. Вы должны помнить, что они, подобно слабому противнику, могут находиться под ногами более мощного врага, пока он силен; когда же он перестанет быть достаточно сильным, чтобы удерживать слабого, тот восстает против его ига и в свою очередь нападает на него.

Отрезая от меня эти пограничные племена — народ моей национальности и моей религии, вы подорвете мой престиж в их глазах и сделаете меня слабым, а моя слабость вредна для вашего правительства»{286}. [149]

Но и этот, наиболее убедительный, как казалось эмиру, довод не произвел впечатления на империалистов. Восточноафганские племена, общая численность которых достигала примерно 4—5 млн. человек, (т. е. столько же, сколько афганцев находилось и в самом Афганистане), были отрезаны от остальной части афганского народа и поставлены под английский контроль. Проведение государственной границы между Индией и Афганистаном по «линии Дюранда» явилось новым, особенно серьезным актом политики расчленения афганского народа, планомерно проводившейся британскими колонизаторами на протяжении многих десятилетий.

Афганский историк С. К. Риштия отмечал, что отторжение Англией восточно-афганских земель «до сих пор остается незаживающей раной на теле Афганского государства»{287}.

Основное значение этого империалистического акта заключалось в том, что он наносил серьезный удар делу национальной консолидации и сплочения афганского народа, препятствовал укреплению, а также экономическому, политическому и культурному развитию афганского государства{288}.

В том же 1893 г., когда было подписано соглашение с Дюрандом, английское правительство для «поощрения» эмира в связи с его вынужденной уступчивостью повысило выдававшуюся ему «субсидию» с 12 до 18 лаков рупий. Эта подачка, однако, не сгладила у Абдурахман-хана чувства обиды от того совершенно неприкрытого грабежа, которому подвергся Афганистан со стороны выдававшей себя за его покровительницу Британской империи. До конца своей жизни, по словам другого афганского историка Мухаммеда Али, эмир «негодовал в связи с этим своеволием англичан, которые лишили Афганистан более трети его населения»{289}. [150]

Впрочем, об этом с достаточной выразительностью свидетельствует сам эмир. В своей автобиографии, написанной в последние годы жизни, он дает любопытную оценку захватнической политики Англии: «При моем деде Дост Мухаммед-хане, — писал Абдурахман-хан, — в минуты слабости государства англичане постарались извлечь выгоду из этих обстоятельств и отрезали некоторые страны от моих владений и подчинили их своему протекторату. При эмирах Шер Али-хане и Якубе англичане опять отняли от Афганистана долину Курама, Хайберский проход, часть Пишина и многие другие местности. Во время даже моего царствования, несмотря на мое горячее сопротивление, во время правления лорда Ленсдоуна англичане прогнали моих чиновников из Булундкеля, Вазиристана и многих других мест; сделали они это при помощи английских пушек, которые обращены были и против меня; затем они построили на моей территории железнодорожную станцию Новый Чаман, вопреки моему запрещению и не имея также разрешения моего народа... Англия никогда не упускала случая урезать что-либо от

Афганистана. В этом отношении наши друзья-англичане отняли от нас больше, чем отняла Россия!»{290}, — иронизировал эмир, учитывая, что Россия фактически не овладела ни пядью афганской территории.

Заслуживает внимания оценка «линии Дюранда» в английской историографии. Так, преемник Дюранда на поприще проведения колониальной политики британский полковник Фрэзер-Тайтлер в сделанном им в 1948 г. докладе на заседании Имперского королевского общества в Лондоне утверждал, что установленная в 1893 г. пограничная черта не была удовлетворительной для Британской империи. Он подчеркивал, что северо-западная граница Индии никогда не проходила так, как об этом «договорился» Дюранд. «...Границы великих империй Индии были на Гиндукуше или за ним, — декларировал Фрэзер-Тайтлер, — и это был барьер, который охранял Индию от орд кочевников севера».

Фрэзер-Тайтлер, таким образом, предпочел бы провести границу по Гиндукушскому хребту или по реке [151] Аму-Дарье, чтобы Афганистан оказался полностью поглощенным колонизаторами. Стараясь замаскировать подлинную сущность агрессивной колониальной политики Англии, он приписывал ей «оборонительные» цели, стремление к «безопасности для себя и для своих владений».

Именно эти поиски безопасности, по утверждению Фрэзера-Тайтлера, «вынудили англичан дважды опустошать Афганистан, оставив Афганское королевство нетронутым, распространить свое влияние за Аму-Дарью и как раз вовремя, чтобы помешать русским перебраться через реку и достичь северного барьера Гиндукуша»{291}. Объяснялось все очень просто! «Стремящиеся к безопасности» колонизаторы «едва-едва успели» захватить всю Индию и установить свой контроль над Афганистаном, как стали уверять, что это сделано ими исключительно «в целях обороны». «Никто добровольно не согласился бы принять «линию Дюранда» в качестве международной границы, — писал Фрэзер-Тайтлер, — она являлась компромиссом между продвижением к Гиндукушу и отступлением к Инду»{292}. Упоминание об отсутствии «доброй воли» в принятии Англией этой «линии» звучит весьма иронически: Афганскому государству она была

навязана вооруженной силой, но британских империалистов никто не вынуждал настойчиво добиваться этой границы. Здесь упоминание о «доброй воле» следует понимать только как сожаление, что колонизаторы не смогли провести пограничную черту по Гиндукушу или Аму-Дарье.

Более прямолинеен был генерал П. Сайкс, который отмечал, что миссия Дюранда «обеспечила для Индийской империи (т. е. для британских империалистов. — Н. Х.) наиболее важное достижение ее внешней политики в течение XIX века»{293}.

Откровенно захватническая политика английских правящих кругов в вопросе об установлении афгано-индийской границы встретила решительное сопротивление со стороны населения земель, отрезанных от Афганистана «линией Дюранда». Восточноафганские племена начали [152] открытую вооруженную борьбу против попыток колонизаторов установить в этом районе свой контроль. Здесь начались массовые освободительные восстания, не прекращавшиеся ни на один день и получившие у англичан официальное наименование «постоянной пограничной войны». Важнейшей причиной восстаний являлось, в частности, то, что «политические рубежи здесь отнюдь не совпадали с этническими»{294}, как писал участник английской разграничительной комиссии Т. Хольдич.

Уже в 1894 г., через год после установления новой границы, на активную вооруженную борьбу против империалистов выступили афганские племена момандов, вазиров и афридиев. Русский военный агент в Лондоне полковник Ермолов, внимательно следивший за высказываниями британской печати по поводу англо-афганских взаимоотношений, подчеркивал особое значение захвата Англией «всей долины Курама с Пейвар-Коталом, командующим путями на Кабул и Газни, и всего Вазиристана». Он отмечал, что предлог для посылки британской военной экспедиции в Вазиристан был найден «в результате деятельности местных английских агентов-провокаторов»{295}. Борьба в Вазиристане приняла затяжной характер, а в 1895 г. подавление восстания афганских племен было осложнено тем, что началось антиимпериалистическое

движение в примыкавшем с севера к афганским землям княжестве Читрал. Находившийся здесь английский гарнизон был окружен. Колонизаторы направили против читральцев карательную экспедицию. Однако продвижение британских войск в Читрал оказалось невозможным, ибо в княжестве Сват, лежавшем на пути английской армии, также началось народно-освободительное восстание против поработителей.

С огромным трудом колонизаторам удалось подавить восстание в пограничной полосе. Однако в 1897 г. она снова явилась ареной ожесточенной борьбы афганских племен против империалистов. Восстание в Вазиристане началось нападением на британский вооруженный отряд{296}. Оно быстро распространилось на север и юг от [153] Вазиристана, охватило Пешаварский и Кохатский округа, Курамскую долину и другие земли, вплоть до Белуджистана{297}. В народно-освободительное движение было вовлечено население огромного района. Для подавления восстания британские правящие круги снарядили специальную карательную экспедицию — «Малакандский полевой отряд».

Британских карательных сил, направленных против афганских патриотов, оказалось, однако, недостаточно. Английские власти были вынуждены двинуть 70-тысячное войско для подавления сопротивления афганских племен{298}. Лишь к концу 1898 г. колонизаторам удалось справиться с восставшими, да и то ненадолго. Восточно-афганские племена продолжали вести упорную борьбу за свою свободу. По далеко неполным данным английских официальных источников, только в конце XIX в. против пуштунских племен было предпринято до 20 крупных военных экспедиций, в которых участвовало свыше 100 тыс. солдат британских войск.

Патриотическое движение восточноафганских племен пользовалось широкой симпатией и поддержкой со стороны всех афганцев. Британские власти прилагали все усилия для подавления восстаний, но эти усилия были безуспешны: освободительное движение приобретало все больший размах. Ряд районов постоянно находился на военном положении. Английское командование оказалось перед необходимостью перебросить сюда целую армию и держало в землях,

отошедших к Англии по соглашению Дюранда, свыше 40 тыс. отборных солдат.

Выжигая целые селения, истребляя беспощадно не только мужчин, но и женщин, стариков и детей, подкупая и переманивая на свою сторону феодальную верхушку, британские колонизаторы стремились задушить народно-освободительное движение на захваченной ими территории.

Острая и упорная борьба в районе расселения восточноафганских племен приковывала крупные военные силы Британской империи и вызывала огромные денежные [154] расходы. В начале марта 1898 г. сложившаяся здесь обстановка явилась предметом обсуждения в палате лордов. Выступивший с большой речью специалист по карательным операциям против афганского народа лорд Робертс призывал к решительным мерам для «полного умиротворения» племен в пограничной полосе{299}.

Комментируя взгляды английского правительства по этому вопросу, военный представитель России в Лондоне полковник Ермолов писал, что «оно намерено осуществлять бессмысленные.., ни к чему не приводящие пограничные экспедиции, во время которых сжигаются деревни, уничтожаются посевы, рубятся фруктовые деревья, гибнут невоенные, женщины и дети, и только еще более разгорается вражда и ненависть к англичанам и падает их престиж»{300}.

Одним из важнейших очагов освободительного движения восточноафганских племен являлся Вазиристан. Колонизаторы применяли здесь разнообразные методы для подавления выступления вазиров, вплоть до вооруженной блокады населенной ими территории. В 1900 г. на границе Вазиристана была сосредоточена крупная армия. Британское командование не решалось двинуть свои войска в глубь этой горной страны и ограничивалось организацией набегов на окраинные селения. Русский консул в Бомбее В. Клемм сообщал о том, что в начале декабря 1901 г. английские отряды вторглись с разных сторон в Вазиристан, «провели там довольно значительное опустошение и, захватив некоторое количество скота и пленных, быстро вернулись на свои пограничные посты...»{301}

Следует при этом подчеркнуть, что жертвами этого бандитского нападения были как раз те кланы племени вазиров, которые менее других участвовали в борьбе против империалистов. Британская печать, по словам Клемма, объясняла это тем, что «до настоящих виновников грабежей (по терминологии английских официальных газет. — Н. Х.) добраться трудно, поэтому остается надеяться, что миролюбивая и разумная часть населения, пострадавшая ныне из-за непримиримых, сама [155] восстанет против последних и заставит их смириться»{302}.

Однако эти провокационные, чисто колонизаторские приемы на практике давали противоположный результат: в активное сопротивление агрессорам вовлекались все более широкие слои населения, возмущенного грабежами и зверствами оккупантов.

Афганские патриоты готовы были заплатить любую цену за оружие, которое дало бы им возможность оказывать должный отпор интервентам. Они согласны были жить впроголодь в течение длительного времени, но не быть безоружными перед лицом жестокого врага. По свидетельству английского генерала Бартона, одного из организаторов нападений на афганские селения Северо-Западной Индии, патаны платили за хорошие винтовки огромные суммы, доходившие до 80 фунтов стерлингов. Этих средств, скопленных за долгое время, по мнению Бартона, могло хватить на безбедное существование афганского крестьянина в течение 4 лет{303}.

Британские правящие круги оказывались вынужденными продолжать переброску своих вооруженных сил в район афганских племен. Численность английских войск в Вазиристане возросла с 12 тыс. человек в 1900 г. до 20 тыс. в 1901 г.{304} Вазирьы облагались огромными штрафами. Стремясь расколоть ряды повстанцев, английские колониальные власти стали создавать специальную местную «милицию», подкупая и привлекая на свою сторону феодальные элементы. Однако основная часть пуштунов продолжала вести непримиримую борьбу против британского господства.

В конце концов колонизаторам пришлось отказаться ют намерения подчинить восточноафганские племена своему контролю. В 1901 г. они объявили о создании особой Северо-Западной пограничной провинции с центром в городе Пешаваре. Эта провинция была отделена административной чертой от так называемой «полосы независимых племен», примыкавшей с востока к индо-афганской границе — «линии Дюранда». Этот акт являлся убедительным признанием колониальных властей [156] в своей неспособности справиться с упорным и самоотверженным сопротивлением афганских патриотов.

К началу XX в. Афганистан продолжал оставаться отсталой, слабо развитой в экономическом отношении страной. Это было обусловлено ослаблением его производительных сил в ходе упорной борьбы с британскими агрессорами, длившейся, как мы видели, на протяжении почти всего истекшего века, а также в результате полуколониальной эксплуатации, которой он подвергался со стороны империалистов.

Не добившись успеха в попытках полного захвата этой страны, английские колонизаторы смогли все же расчлнить афганский народ, изолировать его от внешнего мира и установить над Афганистаном свой контроль. Они и в дальнейшем продолжали стремиться к полному уничтожению Афганистана как самостоятельного государства. Однако на пути к этому на рубеже XIX и XX вв. имелись серьезные препятствия. Наряду с ожесточенным сопротивлением афганского народа для Англии в этот период серьезно ухудшилась международная обстановка. В Южной Африке она вела тяжелую и бесславную войну с бурами. В Европе выросал грозный соперник — «молодой» хищный германский империализм. Для борьбы с этим врагом, которая постепенно принимала все более решающее значение в мировой политике, британские правящие круги искали сильных союзников и не прочь были использовать в своих интересах царизм, особенно после того как русское самодержавие потерпело поражение в войне с Японией.

Новая попытка захвата Афганистана могла серьезнейшим образом обострить отношения между Англией и Россией,

нарушить определенную стабилизацию положения на Среднем Востоке и в Центральной Азии, в чем не были заинтересованы руководящие круги Британской империи.

Все это определило «афганскую» политику Англии в начале XX в. Она сводилась к политическому и экономическому закабалению Афганистана «мирными» методами: дипломатическими интригами, сопровождавшимися военным нажимом, навязыванием кабальных договоров, усилением британского влияния в господствующих кругах страны, наводнением афганского рынка английскими товарами. Афганистан втягивался в мировой [157] капиталистический рынок в качестве зависимой сферы сбыта и источника колониального сырья.

В самом Афганистане к этому времени также произошли определенные изменения. Хотя и крайне медленно, что было вызвано изолированностью страны от внешнего мира, в ней росло производство товаров, расширялся товарооборот, появлялись ростки капиталистических отношений.

Большой вес, по сравнению с предшествующим периодом, начали приобретать представители торговой буржуазии. Национальная буржуазия только зарождалась и была пока менее сильна, чем компрадорская буржуазия, представленная выходцами из Индии, но она все более решительно заявляла о своем праве на существование. Наряду с разбогатевшими помещиками, связанными с развивавшимися рыночными отношениями и заинтересованными в укреплении и развитии экономики страны, вместе с передовыми кругами офицерства и чиновничества афганская национальная буржуазия стремилась к ликвидации политической зависимости, в которую попал Афганистан.

Эти стремления, однако, не встречали поддержки в эмирском дворце. После смерти в 1901 г. Абдуррахман-хана на престол вступил его сын Хабибулла-хан. Слабовольный человек и недалекий политик, Хабибулла-хан окружил себя корыстолюбивыми и продажными дельцами, опирался на реакционное духовенство и всячески сопротивлялся прогрессивным политическим преобразованиям.

Правда, в первые годы после прихода к власти Хабибулла-хан занял выжидательную позицию в своих

отношениях с Англией и некоторое время отказывался от получения «субсидии», предоставленной Абдурахман-хану. Когда англо-бурская война была завершена, британские империалисты предприняли ряд дипломатических маневров, чтобы восстановить свои позиции на Востоке, ослабевшие в годы этой не совсем удачной для Англии войны. В связи с этим английские власти в Индии, которые возглавлял один из наиболее активных лидеров британских империалистических кругов — лорд Керзон, осенью 1904 г. отправили в Кабул новое посольство. Его руководителю Льюису Дэну было поручено добиться принятия эмиром ряда требований. Среди них [158] были — передача афганской армии под британский контроль, маскировавшаяся планами реорганизации этой армии под наблюдением британских офицеров, проведение английской железной дороги из Пешавара до Дакки, а телеграфной линии — до Кабула, а также ограничение ввоза в Афганистан оружия, которое было заказано эмиром Хабибуллой в Германии{305}.

В ноябре 1904 г. миссия Дэна двинулась через Пешавар в Кабул. Одновременно с этим на границах Афганистана были сосредоточены английские войска, «если понадобится поддержать требования посольства силой»{306}, — как сообщал В. Клемм из Бомбея.

Гарнизоны индийских пограничных городов были расширены, в английской прессе мелькали многочисленные сообщения о переброске на северо-запад Индии военного снаряжения, боеприпасов и продовольствия, о строительстве сети дорог, ведущих через горные перевалы Гиндукуша. Для инспектирования войск сюда направился сам главнокомандующий английской армией в Индии генерал Китченер{307}. Отдельные органы печати, близкие к военным кругам (как например, «Белуджистан газетт», издававшаяся в Кветте), откровенно призывали к нападению на Афганистан, если афганское правительство не примет британских требований{308}.

Шантаж тем не менее не дал особых результатов. Проведя 5 месяцев в Афганистане (декабрь 1904 — апрель 1905 г.), миссия Дэна после долгих споров смогла лишь добиться подтверждения статус-кво: в марте 1905 г. между

эмиром и британским представителем был подписан трактат, которым предусматривалось, что Хабибулла-хан будет всецело придерживаться соглашений, [159] заключенных его отцом с английским правительством.

Договор 1905 г. вызвал недовольство как в Англии, так и в Афганистане. В британском парламенте 20 мая 1905 г. выступил с речью лорд Ньютон — «крайний империалист палаты лордов», по определению специалиста в области международных отношений на Востоке А. Е. Снесарева{309}. Лорд Ньютон выразил сожаление в связи с тем, что Дэну не удалось добиться новых уступок. «Нам следовало бы получить разрешение на отправку британских офицеров в Афганистан для организации афганской армии, — говорил этот «крайний империалист палаты лордов», — иметь телеграфное сообщение с главными городами Афганистана, продолжить нынешние железнодорожные линии к стратегическим пунктам»{310} этой страны.

К более активным действиям в Афганистане призывал и влиятельный английский публицист Ангус Гамильтон в своей статье, посвященной описанию посольства Дэна{311}.

Результатами переговоров были недовольны также представители нарождавшейся афганской национальной буржуазии, которые рассчитывали добиться ликвидации изолированности Афганистана и его внешнеполитической зависимости.

Между тем соглашение, заключенное между Льюисом Дэном и эмиром Хабибуллой-ханом, соответствовало целям британского правительства, поскольку оно сохраняло зависимое от Англии положение Афганистана и в то же время не очень раздражало царскую Россию, в которой английские империалисты уже видели своего потенциального союзника в борьбе против Германии.

Эмир Хабибулла в свою очередь не считал себя скомпрометированным в глазах патриотически настроенной афганской общественности, поскольку он лишь подтвердил существовавшие до него соглашения. В то же время эмира устраивало возобновление выплаты ему английской [160] денежной «субсидии». Этот реакционный феодальный

правитель и не помышлял о каком-либо решительном сопротивлении империалистической экспансии в Афганистане.

События тем временем как в области международных отношений, так и во внутренней жизни Афганистана продолжали развиваться по направлениям, наметившимся уже в конце XIX — начале XX в.

В августе 1907 г. проявлявшееся между Англией и Россией сближение на почве борьбы против Германии нашло свое выражение в заключении «Конвенции по делам Персии, Афганистана и Тибета». Эта конвенция, направленная, в частности, против развивавшегося на Востоке революционного движения, урегулировала наиболее острые — среднеазиатские — проблемы в англо-русских взаимоотношениях того периода и явилась одним из краеугольных камней создания Антанты. В конвенции предусматривалось, в частности, что «российское императорское правительство... признает Афганистан находящимся вне сферы русского влияния; и оно обязуется пользоваться для всех своих политических сношений с Афганистаном посредничеством правительства его британского величества; оно обязуется также не посылать никаких агентов в Афганистан»{312}.

Таким образом, британским империалистам удалось добиться со стороны царизма четкого признания своего господства над Афганистаном в области внешней политики и зафиксировать в международном документе зависимое положение Афганского государства.

Следует отметить, что в процессе подготовки конвенции 1907 г. некоторые военно-политические деятели России протестовали против признания полного внешнеполитического суверенитета Англии над Афганистаном и указывали на опасность такого положения. Так, туркестанский генерал-губернатор Гродеков в письме начальнику главного штаба Эверту от 26 мая (8 июня) 1907 г. подчеркивал: «Англия желает получить от нас согласие на полную свободу действий в Афганистане. Для этого Англия прежде всего просит признания ее суверенитета над Афганистаном и руководства его политикой. [161] Признав это, мы всецело отдаем Афганистан во власть Англии... Закрытый для нас Афганистан,

занятый Англией, будет представлять базу наступления против нас...»{313}

Несмотря на этот и аналогичные протесты, раздававшиеся со стороны некоторых дальновидных государственных деятелей, царизм признал политическое господство Англии в Афганистане, добившись для себя лишь права вести здесь торговлю и вступать в случае необходимости в переговоры с афганскими пограничными властями, «чтобы улаживать местные вопросы неполитического характера»{314}.

Империалистический сговор за спиной Афганистана (соглашение 1907 г., выработанное и заключенное без участия представителей заинтересованных стран Востока) вызвал огромное возмущение среди афганского народа. Хотя в конвенции имелась оговорка, что она вступит в силу лишь после того, как на это будет получено согласие эмира, общественность Афганистана исключительно враждебно отнеслась к этому империалистическому акту.

Первая русская буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. оказала огромное революционизирующее влияние на многие страны мира и положила начало процессу «пробуждения Азии», по известному выражению В. И. Ленина. Она дала толчок целой серии революционных антифеодальных и антиимпериалистических выступлений в ряде государств, подготовленных к этому всем ходом своего исторического развития. Особенно широкий размах приобрели эти события в соседних с Россией странах (иранская революция 1905—1911 гг., младотурецкая революция 1907—1908 гг., революционный подъем 1905—1909 гг. в Индии, революция 1911—1913 гг. в Китае и т. д.). И хотя Афганистан, как отмечалось, был менее развит в политическом и социально-экономическом отношении по сравнению с этими странами, в нем также значительно активизировались антифеодальные, реформаторские элементы, противники реакционного режима, насаждавшегося правительством эмира Хабибуллы, противники капитулянтской политики перед британскими империалистами. [162]

В Афганистане ширилось движение за введение конституционного строя. В Кабуле в эти годы образовалась небольшая группа так называемых «младоафганцев» —

сторонников движения за независимость и проведение внутренних реформ, в частности учреждения конституционного строя. Эта группа объединяла представителей национальной торговой буржуазии и помещиков, базировавших свое хозяйство на товарном производстве. Среди «младоафганцев» были сын эмира Аманулла-хан, издатель одной из первых афганских газет «Сирадж-уль-Ахбар» Махмуд Тарзи и др. Младоафганцы распространяли воззвания с призывом добиваться установления «представительного образа правления» и сопротивления захватнической политике империалистов{315}.

В противовес этим прогрессивным слоям реакционные феодалы и высшее духовенство образовали группировку «староафганцев». С их точки зрения, даже реакционная политика эмира Хабибуллы выглядела слишком «либеральной». Во внешнеполитической области «староафганцы» ориентировались на Германию. Лидер этих кругов — брат эмира Насрулла-хан способствовал переброске немецкого оружия в Северо-Западную пограничную провинцию и полосу «афганских независимых племен», чтобы содействовать борьбе этих племен против Англии.

Правительство Хабибуллы-хана, в котором играл видную роль министр финансов Мухаммед Хусейн-хан — взяточник и казнокрад, подкупленный английскими колонизаторами, стремилось при помощи репрессий подавить оппозиционное течение. Вместе с тем даже оно оказалось вынужденным объявить Англии протест в связи с заключением конвенции 1907 г. Этот протест не был принят во внимание.

Обстановка в Афганистане с каждым годом накалялась все более и более. Она особенно обострилась в период первой мировой войны. Почти совершенно прекратились внешнеторговые связи страны.

Правительство эмира Хабибуллы пыталось укрепить финансовое положение государства за счет увеличения налогов. Оно урезало выплату жалования [162] чиновничеству, солдатам и офицерам. Это вызвало дальнейшее развитие оппозиционного движения. Деятельность правительства подвергалась ожесточенной критике «слева» и «справа»: со стороны «младоафганцев» и «староафганцев». И

те и другие с разных позиций призывали к борьбе против Англии. Особенное возмущение вызвало среди афганских патриотов содействие, оказанное эмирскими властями британским колонизаторам при подавлении восстания восточноафганского племени масу-дов в 1915—1916 гг. На Хабибуллу-хана было произведено несколько покушений. Он получил кличку «Изменник ислама и слуга англичан»{316}. Жестокие преследования, казни (расстрел из пушек), ссылка на каторгу, конфискация имущества и др. не достигали цели. В стране повсеместно вспыхивали народные волнения. [164]

ГЛАВА VI. ТРЕТЬЯ АНГЛО-АФГАНСКАЯ ВОЙНА (1919 Г.) И ЗАВОЕВАНИЕ АФГАНИСТАНОМ НЕЗАВИСИМОСТИ

Великая Октябрьская социалистическая революция, явившаяся важнейшим переломным этапом в жизни народов всего мира, имела огромное значение для народов Востока. Здесь, в колониальных и зависимых странах, где наиболее остры были противоречия империалистической системы, где накопились огромные запасы «горючего материала в мировой политике»{317}, по характеристике В. И. Ленина, освободительные идеи Октября встретили самый живой отклик. Они дали мощный толчок борьбе многомиллионных забитых и угнетенных народных масс за свободу и независимость, против гнета колонизаторов. Первое в истории человечества государство трудящихся — Страна Советов — приняло на себя основной удар мировой реакции, что в конечном итоге способствовало ослаблению нажима империалистов на страны Азии и Африки. Прозвучавшие на весь земной шар декреты Советской власти — о мире, о земле, о равенстве и суверенности всех народов, об отмене всех и всяких имущественных, национальных и прочих привилегий и ограничений — оказывали могучее революционизирующее влияние на колониальный Восток.

Особую роль в этом отношении сыграло обращение Советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», принятое 3 декабря 1917 г.

«Не от России и ее революционного Правительства ждет вас порабощение, а от хищников европейского [166] империализма, от тех, которые превратили вашу родину в расхищенную и обираемую свою «колонию», — гласили пламенные строки обращения.

«Свергайте же этих хищников и поработителей ваших стран. Теперь, когда война и разруха растаптывают устои старого мира, когда весь мир пылает негодованием против империалистов-захватчиков, когда всякая искра возмущения превращается в мощное пламя революции, когда даже индийские мусульмане, загнанные и замученные чужеземным игом, поднимают восстание против своих поработителей, — теперь молчать нельзя. Не теряйте же времени и сбрасывайте с плеч вековых захватчиков ваших земель! Не отдавайте им больше на разграбление ваших родных пепелищ! Вы сами должны быть хозяевами вашей страны! Вы сами должны устроить свою жизнь по образу своему и подобию! Вы имеете на это право, ибо ваша судьба в собственных руках.

Товарищи! Братья!

Твердо и решительно идем мы к честному демократическому миру.

На наших знаменах несем мы освобождение угнетенным народам мира.

Мусульмане России!

Мусульмане Востока!

На этом пути обновления мира мы ждем от вас сочувствия и поддержки»{318}.

Это воззвание, переведенное на персидский язык, нашло путь к сердцам многих афганских патриотов; оно вполне соответствовало их думам, чаяниям и стремлениям. Советское государство на деле доказывало свое принципиальное отличие от дореволюционной России и других империалистических государств. Вскоре после своего создания оно торжественно отказалось от всех кабальных договоров и соглашений, навязанных царизмом странам Востока, оказало политическую и дипломатическую поддержку антиимпериалистическому движению. Все эти факторы коренным образом изменили международную обстановку.

Идеи Великого Октября имели немалое значение и для борьбы Афганистана за независимость. Афганские [167] прогрессивные деятели призывали к установлению дружественных отношений с северным соседом, с государством, где победила социалистическая революция; они приветствовали национальную политику Советского правительства и отказ от захватнических стремлений царизма.

Дружеские чувства Советской России встретили, однако, резкий отпор со стороны правительства Хабибуллы-хана. Эмир и его приближенные, выполнявшие задания британских империалистов, заняли враждебную позицию по отношению к Стране Советов и способствовали превращению Афганистана в плацдарм для иностранной интервенции против нее. Английские правящие круги поддерживали банды контрреволюционеров, феодально-байские и националистические элементы, которые пытались свергнуть в Туркестане Советскую власть.

В. И. Ленин, выступая 29 июля 1918 г. на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы, отметил, что англичане, «захватив в свое полное подчинение Афганистан, давно создали себе опорный пункт как для расширения своих колониальных владений, для удушения наций, так и для нападения на Советскую Россию»{319}.

Предательская по отношению к стремлениям, чувствам и традициям афганского народа политика правительства Хабибуллы-хана, его полная капитуляция перед британскими империалистами вызывали все возраставшее недовольство в Афганистане. Оно прорывалось сквозь установленный в стране режим террора и приняло в 1918 г. столь широкие размеры, что эмир был вынужден предпринять некоторые маневры для успокоения общественного мнения. Так, в феврале 1919 г. стремясь «оправдать свою политику перед своим народом»{320}, эмир Хабибулла отправил вице-королю Индии ноту с пожеланием, чтобы мирная конференция признала, как гласил текст ноты, «полную независимость, свободу действий и постоянную самостоятельность»{321} Афганистана. [168]

Но народную ненависть уже нельзя было сдержать ни репрессиями, ни политическими жестами. Через несколько

дней после отправки этого послания, в ночь с 20 на 21 февраля 1919 г., в результате очередного покушения Хабибулла-хан был застрелен в своем шатре неподалеку от Желалабада. Власть в стране попытался захватить руководитель группировки «староафганцев» реакционер Насрулла-хан, провозгласивший себя эмиром. Однако его приход к власти вызвал протест прогрессивных кругов афганской общественности. Находившийся в Кабуле Аманулла-хан отказался признать права лидера «староафганцев» на эмирский престол, обвинил его виновным в убийстве Хабибуллы-хана и принял на себя функции эмира. Аманулла-хана, выступившего с программой политических преобразований в стране, поддержала армия. Наиболее многочисленные военные гарнизоны Желалабада и Кабула заявили о своей верности ему. В Желалабаде возникли солдатские советы, которые захватили сторонников Насруллы-хана, пытавшихся оказать сопротивление «младоафганцам». Выступление народных масс на открытую борьбу против реакции решило исход дела. Аманулла-хан, возглавивший национально-освободительное движение, утвердился на эмирском престоле.

Новое правительство стремилось ликвидировать внешнеполитическую зависимость Афганистана. В публичных выступлениях эмир Аманулла неоднократно заявлял о своей решимости добиться независимости афганского народа. Опубликованное им 27 февраля 1919 г. обращение к населению, в частности, гласило: «Афганистан должен быть свободным и независимым; он должен пользоваться всеми правами, которыми обладают другие самостоятельные государства...»{322}

Через несколько дней, 3 марта 1919 г., Аманулла-хан отправил специальное послание вице-королю Индии лорду Челмсфорду, в котором сообщал о происшедших в Афганистане событиях. Подчеркивая стремление афганского народа к полному освобождению от иностранного контроля, он писал, что «независимое и свободное правительство Афганистана» готово заключить с [169] Англией такие соглашения, какие могут быть полезными и выгодными для обеих сторон{323}. Британскому правительству было дано

понять, что Афганское государство больше не считает себя связанным теми договорами, какие оно было вынуждено подписать ранее под военным нажимом.

Вместе с письмом эмира до британских властей в Индии дошло недатированное воззвание Амануллы-хана к народам Афганистана, в первом же пункте которого провозглашалось стремление Афганистана к полной независимости{324}. Эти документы имели большое значение. Осуществление планов нового афганского правительства должно было оказать несомненное революционизирующее влияние на другие народы Востока; кроме того, оно создавало угрозу возможностям использования Афганистана в качестве антисоветского плацдарма. Не случайно правящие круги Англии долго не отвечали на послание Амануллы-хана, стараясь его игнорировать. Однако совершенно не ответить на него в сложившейся обстановке нельзя было, и через полтора месяца, 15 апреля 1919 г., Челмсфорд направил в Кабул ответное послание. Делая вид, будто он не понял подлинного смысла требований афганского эмира, вице-король напоминал о «тесной дружбе», какая существовала между британским правительством и Хабибуллой-ханом, и вскользь отмечал, что, «видимо, торговые (подчеркнуто мною. — Н. Х.) потребности Афганистана» нуждаются в заключении дополнительного соглашения с Англией, кроме уже имеющихся договоров. Челмсфорд обходился полным молчанием политические стремления Афганского государства и заканчивал послание заверениями в своей готовности «укреплять дружественные отношения между обоими правительствами»{325}.

Пока английские колонизаторы подготавливали этот ответ, положение Афганистана серьезно изменилось. 27 марта 1919 г. правительство РСФСР первым из всех других государств официально признало независимость [170] и суверенитет Афганистана{326}, а в разработанных В. И. Лениным условиях мира Советской России с другими странами предусматривался отказ всех держав от насильственного свержения афганского правительства{327}. Правительство Афганистана также предприняло шаги, направленные на установление дружественных отношений с северным соседом,

и также одним из первых признало Советскую Россию. 7 апреля 1919 г. в Кабуле были подписаны обращение эмира Амануллы к В. И. Ленину и письмо министра иностранных дел Махмуда Тарзи к народному комиссару по иностранным делам Г. В. Чичерину. С огромным трудом эти документы были доставлены в Ташкент, а затем по радио сообщены в Москву.

В послании Амануллы-хана В. И. Ленину содержалось предложение об установлении между Афганистаном и Советской Россией «союза и дружбы». «Хотя Афганистан, — гласило послание, — по духу и природе своей со времени своего возникновения и основания всегда был сторонником свободы и равноправия народов, но до сих пор вследствие того, что не имел ни сношений, ни связи с другими государствами и народами, он оставался в стороне.

Так как Вы с другими товарищами, друзьями человечества, заботитесь о всемирном мире и благе и провозгласили принцип свободы и равноправия народов всего мира, посему ныне, впервые, во имя жаждущего прогресса афганского народа, я счастлив, что шлю Вам это дружеское послание Независимого Свободного Афганистана»{328}.

Через неделю после отправки послания афганского правительства в Москву, 13 апреля 1919 г., в Кабуле был созван торжественный дурбар (собрание). На нем присутствовали не только делегаты всех областей Афганистана, но и представители восточноафганских (пуштунских, или патанских) племен Северо-Западной Индии. Дурбар полностью одобрил заявление эмира [171] Амануллы о провозглашении полного суверенитета и независимости Афганистана и призвал афганский народ решительно отстаивать свою самостоятельность. Этот призыв был вполне своевременным, ибо британские империалисты не желали признавать законных стремлений Афганистана и готовились к новой войне против него. Они хотели вооруженной силой помешать Афганскому государству утвердить свою независимость. Не прошло и двух недель после получения в Кабуле «дружественных заверений» вице-короля Индии, как на границах Афганистана была сосредоточена огромная армия. 3 мая 1919 г., воспользовавшись мелкими пограничными инцидентами, которые обычно оставались незамеченными

высшими властями, колонизаторы спровоцировали новую войну против Афганистана. Они учитывали при этом огромное превосходство английских войск перед афганскими как в количественном отношении (340 тыс. человек против 60 тыс.){329}, так и в технике: вооруженным винтовками афганцам, располагавшим очень слабой артиллерией, противостояла армия, оснащенная новейшей техникой — пулеметами, мощной артиллерией, броневиками и авиацией.

Британские экспансионисты, как и раньше, не учитывали, однако, морально-политических факторов: несокрушимого стремления афганского народа к независимости, поддержки братских восточноафганских племен Северо-Западной пограничной провинции и «полосы независимых племен» и др.

Общая политическая обстановка складывалась благоприятно для успеха борьбы Афганистана за независимость. Особенное значение имел провал иностранной интервенции против Советского государства, в частности, полный крах потерпела интервенция в Средней Азии, на границах Афганистана, где основной ударной силой международной реакции выступали британские империалисты. В мае 1919 г. начался разгром английских интервенционистских войск в Закаспии.

В этом же 1919 г. под влиянием освободительных идей Октября народы Индии выступили на открытую [172] борьбу против колонизаторов. Антиимпериалистическое движение приобретало здесь все более широкий характер. Попытки британского правительства подавить его вооруженной силой вызвали дальнейший рост возмущения в этой стране. В апреле 1919 г. английские войска под командованием генерала Дайера устроили дикое побоище в городе Амритсаре (Пенджаб), расстреляв мирный митинг на пустыре Джалианвала Баг. Несколько сот человек было убито, до двух тысяч — ранено. Амритсарский расстрел не оправдал надежд колонизаторов. В ответ на это кровавое злодеяние в Пенджабе началось массовое восстание. Наряду с пролетариатом и крестьянством в нем приняли активное участие наиболее решительно настроенные представители индийской интеллигенции и мелкой буржуазии.

Военные действия против Афганистана были развернуты Англией на нескольких фронтах: Северном, или Хайберском, Центральном (Вазиристан, долины Курама и Точи), Южном (Белуджистан, район Чамана) и в районе Эхоба (между Центральным и Южным фронтами). Британское правительство срочно предприняло переброску на северо-запад Индии кадровых войск, участвовавших в сражениях в Месопотамии{330}. Английское командование, учитывая опыт борьбы против афганского народа, подчеркивало, что «реальная военная сила Афганистана основывается больше на вооруженном народе, чем на регулярных войсках»{331}.

В официальном отчете британских властей об этой войне приводится немало данных о неподготовленности к «ей Афганистана, об отсутствии у этой страны налаженного транспорта и крайней ограниченности производства вооружения и боеприпасов. Тем не менее некоторые английские авторы и официальные источники, искажая смысл происшедших событий и стараясь оправдать новое проявление империалистической агрессии Англии, писали, что война была вызвана «афганским вторжением в Индию» и стремлением эмира Амануллы «вернуть земли Ахмад-шаха»{332}. [173]

Составители английского официального отчета об этой войне, признавая все же, что предыдущие кампании Англии против Афганистана были «обдуманно агрессивными, проведенными во время, выбранное нами самими», утверждали, что в третьей афганской войне афганцы были агрессорами. Они выдвигали смехотворный довод, будто война была начата эмиром, чтобы отвлечь внимание «от сомнительных методов, при помощи которых он овладел троном»{333}.

Британский диверсант лейтенант Блэккер, который в 1918 г. вел подрывную работу в Советском Туркестане, безапелляционно заявлял в своих мемуарах: «Нет необходимости указывать, что это Советы организовали (!) третью афганскую войну»{334}.

Подобными демагогическими утверждениями колонизаторы намеревались затушевать подлинную суть дела. А она заключалась вовсе не в том, что империалисты «опасались» планов похода на Индию, которые «могли»

зародиться у афганского эмира. Отсталость Афганистана в экономическом и военном отношении в рассматриваемый период едва ли нуждается в доказательствах, и попытки апологетов английской колониальной политики «доказать», что афганское правительство желало «отнять Индию», рассчитаны на глупцов.

Сущность вопроса заключается в стремлении английских империалистов любым путем заставить афганское правительство и афганский народ отказаться от борьбы за независимость. Третья «кампания» британских империалистов против Афганистана ничем не отличалась от предшествующих. Она была спровоцирована колонизаторами, которые стремились укрепить и расширить свое господство над афганским народом, подавить его стремление к свободе.

Колонизаторы намеревались провести непродолжительную карательную экспедицию, чтобы «наказать» страну, осмелившуюся выступить против британского владычества. Однако триумфального победного марша английских войск снова не получилось, как не получалось [174] его и во время предшествующих нападений на Афганистан.

Третья англо-афганская война была самой короткой: она продолжалась всего пятьдесят дней. В ее начальной стадии основные бои происходили на Центральном и Южном фронтах. Афганскими войсками в районе Хайберского прохода руководил главнокомандующий Салех Мухаммед-хан. Это был безынициативный военачальник, который не смог оказать должного отпора интервентам. Используя свое подавляющее численное и техническое превосходство, англичане оттеснили разрозненные афганские части и заняли узкую полосу пограничной территории, а также город Дакку.

Однако с первого же дня войны ряды афганских войск стали пополняться за счет народного ополчения. Объединенные отряды предпринимали непрерывные нападения на позиции агрессоров и серьезно замедлили их продвижение.

В конце мая племена афридиев и оракзаев, занимавшие Хайберский округ, подняли восстание против колонизаторов. Вооруженная борьба афганских племен сковывала силы

империалистов на этом участке и мешала проведению ими перегруппировки войск для дальнейшего наступления. Среди английских воинских частей, на вербованных империалистами в афганских районах Северо-Западной Индии, началось брожение. Так называемые хайберские стрелки стали покидать ряды английской армии и переходить на сторону Афганистана, в связи с чем их отряды были разоружены и распущены британским командованием{335}.

Тем не менее положение на Хайберском фронте, через который проходила кратчайшая дорога на Кабул, представляло серьезную угрозу для Афганистана.

Значительно лучше развивались для Афганистана события на Центральном фронте, в Хосте, где действовал генерал Мухаммед Надир-хан. Афганские войска, сосредоточенные в районе Матуна, не только отбили атаки английских войск, но и продвинулись в Курам-скую и Точийскую долины. Появление здесь афганских отрядов послужило сигналом к всеобщему выступлению [175] афридиев и вазиров{336}. Созданная англичанами в свое время «милиция» из членов этих племен перебила своих офицеров и повернула оружие против колонизаторов. Партизанские отряды нападали на английские гарнизоны, портили железнодорожное полотно и уничтожали телеграфные линии{337}.

Афганцы заняли на этом фронте селения Спинвам и Шева, создав угрозу форту Тал и важному административному центру и узлу дорог Банну. Британские власти были вынуждены эвакуировать военный пост Гумал{338}. В это же время восставшие вазирь захватили укрепленные пункты Вана и Точи, уничтожив почти весь их гарнизон, и завладели находившимися здесь крупными запасами оружия и боеприпасов{339}. Разгромленные в этом районе остатки английских войск отступили к форту Сандеману, но были вынуждены покинуть и его, очистив долину рек Гумал и Зхоб.

Британское командование срочно перебросило сюда новые силы, пытаясь стабилизировать линию фронта. Оно вернуло форт Сандеман, но афганцы снова осадили его. Тем временем 26 мая 1919 г. Мухаммед Надир-хан с боем овладел укрепленным фортом Тал.

На Южном фронте борьба шла с переменным успехом. Афганские войска отбили здесь все попытки английских империалистов продвинуться в направлении Кандагара.

Для того чтобы отвлечь внимание афганцев от Вазиристана, где они добились определенных успехов, английские военные власти планировали направить в район Герата свою армию из Северного Ирана и захваченных ими местностей Советской Туркмении. Однако эта операция не удалась, поскольку Красная Армия в Туркмении перешла в решительное наступление, освободила от интервентов Байрам-Али (20 мая), а через три дня — Мерв.

В Северо-Западной Индии ширилось повстанческое движение патанов. Вслед за населением Вазиристана на активную борьбу против империалистов выступили [176] другие племена Северо-Западной пограничной провинции и «полосы независимых племен». На коммуникационные линии англичан производились непрерывные нападения, и они были вынуждены рассредоточить свои войска по всей территории Пуштустана. Вместе с тем агрессоры накапливали силы на кабульском направлении, планируя нанести удар по афганской столице.

Однако общая международная обстановка, определявшаяся в первую очередь созданием Советского государства, оказывавшего бескорыстную помощь всем народам, борющимся за свободу, изменилась не в пользу колонизаторов.

В этих условиях британские правящие круги начинали постепенно понимать бесперспективность своих попыток вооруженным путем вернуть Афганистан в состояние полуколониальной зависимости и решили применить дипломатическое давление. Поскольку афганское правительство еще 15 мая 1919 г. предложило начать переговоры о мире, английские власти отправили в Кабул своего представителя. Он прибыл туда 21 мая и выполнял роль не только дипломата, но и военно-политического разведчика.

Вместе с тем, чтобы подкрепить свои позиции во время переговоров, британское командование с 17 по 24 мая предприняло три воздушных налета на , Джелалабад. 23 мая

1919 г. оно организовало авиационную бомбардировку афганской столицы. Эта бомбардировка (одна из первых, которую колонизаторы предприняли в странах Востока) города, где не было почти никаких военных объектов, должна была оказать моральное воздействие на население и правительство Афганистана. Воодушевляя жителей столицы, Мухаммед Надир-хан писал, что «случай слабой воздушной бомбардировки Кабула и убийство нескольких лошадей бомбами в Арке (дворец эмира. — Н. Х.) не должны испугать короля и двор настолько, чтобы они просили о бесчестном мире»{340}. Несмотря на начавшиеся переговоры о перемирии, английские империалисты пытались вести наступательные операции [177] на фронте, чтобы предпринять нажим на афганское правительство.

В это время в Кабуле было получено ответное послание В. И. Ленина на письмо эмира. Оно гласило: «Получив первое послание от имени свободной самостоятельной афганской нации с приветом русскому народу и извещением о вступлении Вашего Величества на престол, спешим от имени рабоче-крестьянского правительства и всего русского народа принести ответный привет независимому афганскому народу, героически отстаивавшему свою свободу от иностранных поработителей...

Стремление афганского народа последовать русскому примеру, — гласило далее послание В. И. Ленина, — да будет лучшей гарантией крепости и независимости Афганского государства».

Сообщая о согласии Советского правительства на обмен дипломатическими представителями с Афганистаном, В. И. Ленин подчеркивал: «Установлением постоянных дипломатических сношений между двумя великими народами откроется широкая возможность взаимной помощи против всякого посягательства со стороны иностранных хищников на чужую свободу»{341}.

Дружественное послание вождя трудящихся Советской России имело большое морально-политическое значение для героического Афганистана, армии которого вели упорную борьбу с агрессорами. Между обеими государствами произошел обмен дипломатическими миссиями. Представители

Советского Туркестана, прибыв в Кабул, официально, от имени всей Советской страны, предложили оказать афганскому народу военную помощь против империалистической экспансии{342}.

Эта позиция Советской России вынудила британских империалистов поторопиться с ведением переговоров. 8 августа 1919 г. соглашение о перемирии было, наконец, подписано. Оно было снабжено приложением, в котором британские империалисты признавали самостоятельность и независимость Афганистана. Колонизаторы, однако, добились сохранения «линии Дюранда» в качестве индо-афганской границы и заявили, что переговоры [178] типографский брак — страница отсутствует [179]

тельном мирном договоре, начавшихся в апреле 1920 г., предъявили эмирскому правительству всевозможные провокационные требования и претензии. Они возлагали свои надежды не на мирное урегулирование отношений, а на заговоры и дворцовые перевороты. В июне 1920 г. афганские власти раскрыли возглавлявшийся Насрулой-ханом заговор против правительства и казнили его руководителей. После этого англичане сорвали дальнейшие переговоры в Кабуле.

Тем временем к середине сентября 1920 г. был выработан текст договора о дружбе между Афганистаном и Советской Россией, а через несколько месяцев, 28 февраля 1921 г., в Москве состоялось его подписание. Договор предусматривал полное равноправие сторон, невмешательство во внутренние дела друг друга и уважение их территориальных прав. Советская Россия обязывалась оказать материальную помощь Афганистану и предоставить ему возможность транзитных перевозок, что было особенно важно в связи с английской блокадой Афганистана.

Этот первый равноправный договор, заключенный Афганским государством с великой державой, имел исключительно большой международный резонанс и вынудил британских империалистов изменить свою тактику. Еще в январе 1921 г. английское правительство направило в Кабул своего чрезвычайного уполномоченного — Генри Добса, пытавшегося сорвать заключение советско-афганского договора. Когда это не удалось, Добс предложил «подарить»

Афганистану огромное количество вооружения и выплачивать эмиру ежегодно крупную «субсидию» при условии аннулирования этого договора и высылки из Кабула представителей Советской России{343}.

Наряду с этим, подчеркивая свое пренебрежительное отношение к Афганскому государству, министр иностранных дел Англии лорд Керзон отказался представить прибывшего в Лондон посланника эмира Афганистана королю Англии и принять адресованное ему самому письмо афганского министра иностранных дел. Он предложил направить эти документы вице-королю [160] Индии, обусловив официальный прием афганской миссии принятием предложений, сделанных Добсом в Кабуле. Оскорбительные дискриминационные действия империалистов вызвали резкое возмущение афганского народа. Созванное 11 августа 1921 г. в Кабуле совещание политических деятелей с негодованием отклонило британские требования. Через два дня, 13 августа 1921 г., правительство Афганистана ратифицировало договор с РСФСР.

Британские колонизаторы были вынуждены примириться с политическим поражением, на которое они в иных международных условиях ответили бы новой агрессивной войной. Сейчас такая война могла лишь еще более ухудшить их позиции. Поэтому английское правительство волей-неволей взяло назад свои прежние требования. В октябре 1921 г. оно заключило окончательный мирный договор с правительством Афганистана и признало его полную самостоятельность. 22 ноября 1921 г. договор был ратифицирован в Кабуле. Полная ликвидация британского господства вызвала бурное ликование афганского народа, выстрадавшего свою свободу годами упорной, напряженной и кровопролитной борьбы. В стране был введен специальный «Праздник Независимости», отмечающийся ежегодно о. большой торжественностью.

Советская журналистка Л. Рейснер, посетившая Афганистан с одной из первых советских дипломатических миссий, оставила красочное описание такого праздника. «Племя садится в круг, прямо на землю. Лучший певец, стоя в середине, поет стих, и барабанщик его сопровождает, точно гортанным смехом, тихой щекочущей дробью.

«Англичане отняли у нас землю, — поет певец, — но мы прогоним их и вернем свои поля и дома». Все племя повторяет рефрен, а английский посол сидит на пышной трибуне, бледнеет и иронически аплодирует.

«Мы сотрем вас с лица земли, как корова слизывает траву, — вы нас никогда не победите». Тысячи глаз следят за англичанами: вокруг певцов стена молчаливых, злорадно улыбающихся слушателей. [182]

«К счастью, не все европейцы похожи на проклятых ференги, — есть большевики, которые идут заодно с мусульманами».

И толпа смеется, рокошет, теснится к трибунам.

«Большевик», — это они понимают. О большевиках поют песни и на окраине мира, на границах Индии.

«Большевик» — это звучит так гордо и сурово у певца, поднявшего над головой винтовку, — английскую винтовку, снятую после боя с побежденного врага.

...И вот что самое главное. Танец племен — не старинный обряд, не художественная традиция, а правда. Они танцуют то, что вчера было у Хайберского прохода, что завтра может повториться под стенами форта Макин.

Они танцуют не просто войну, но войну с Англией. Тени, падающие под мечом одинокого воина, — это реальные, живые люди в белых шлемах и пыльном хаки, это ныне здравствующие мистер Хемфрис и сэр Добс, это убитый пятьдесят лет назад в Кабуле генерал Каваньяри, — это они, и тысячи других, безымянных, безвести пропавших в джунглях и на перевалах, в песках Афганистана, Памира и Индии»{344}.

Длительная и упорная борьба афганского народа за свою свободу, за человеческое достоинство, против колонизаторов в конечном итоге увенчалась полным успехом. После того как по соседству с Афганистаном возникло социалистическое государство трудящихся, эта борьба получила новые перспективы. В изменившейся коренным образом международной обстановке афганский народ завоевал свою самостоятельность и независимость. [183]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исторические события, рассмотренные в этой книге, показывают, с какой настойчивостью и методичностью британские колонизаторы стремились закабалить, уничтожить Афганское государство, превратить его в свое владение, а афганский народ — в колониальных рабов. В книге рассматриваются три войны, которые британские агрессоры вели против Афганистана. Но эти войны — лишь кульминационные пункты захватнической деятельности колонизаторов, открытые проявления агрессивной политики, проводившейся в иные годы другими методами и приемами: навязыванием «мирным» путем кабальных, неравноправных договоров, подкупом влиятельных феодальных кругов страны, разжиганием вражды как внутри Афганского государства, так между ним и соседними странами. И хотя эти «три войны» выделены особо, следует полностью согласиться с мнением советского исследователя Азиза Ниалло, что такой «подсчет» выглядит в определенной степени «примитивно-механическим», поскольку «Англия вела против афганского народа непрерывные войны с 1838 г.»{345}

Борьба с британской агрессией — это важная характерная черта истории Афганистана с первой трети XIX в. по первую четверть XX в. В свете достоверных исторических фактов циничным издевательством выглядят [184] утверждения британских авторов о «неуклонно благих намерениях» Англии на Среднем Востоке. Британская политика в отношении Афганистана «никогда не менялась» и преследовала «лишь торговые цели», говорил участник и руководитель многих карательных экспедиций английских войск в афганские земли генерал Макмун в своем докладе «Афганистан и Индия» на заседании «Ост-Индской ассоциации» в Лондоне{346}. С Макмуном солидаризировались и другие участники заседания. Среди них были не менее характерные личности: палач пенджабского народа генерал Дайер, бывший секретарь британских властей в Индии и главный комиссар Северо-Западной пограничной провинции Гамильтон Грант, Льюис Дэн, генерал Эрроу. Все они в той или иной степени были активными деятелями

британской экспансии на Востоке и принимали участие в «постоянной войне» Англии против Афганского государства, и в их устах попытки завуалировать, замаскировать агрессивный характер империалистической политики Англии целями «мирной торговли» выглядели особенно кощунственными.

В течение почти ста лет у границ Афганистана стоял неумолимый враг, старавшийся держать свою руку на горле афганского народа. Для борьбы против этого врага Афганскому государству приходилось напрягать все силы. Оказываемый британским экспансионистам отпор имел подлинно народную, массовую основу. В этом — характерная черта освободительного движения афганского народа XIX — начала XX вв. «Этот период является периодом национальной славы Афганистана...»{347}, — справедливо пишет Сеид Касем Риштия. Десятки тысяч афганцев пожертвовали не только всем своим достоянием, но и жизнью в борьбе против иностранного вторжения. Гибель многих человеческих жизней, разрушение городов и селений, уничтожение всевозможных материальных ценностей и другие аналогичные явления, сопровождавшие войны, не могли не сказаться отрицательно на развитии экономики Афганистана, на росте производительных сил страны. И если Афганистан несколько отстал в своем экономическом [185] развитии и вынужден догонять некоторые ушедшие вперед государства, то основная вина ложится на агрессивные круги Британской империи. Это — важный вывод, к которому приводит анализ происшедших событий.

В ходе многолетней ожесточенной борьбы с колонизаторами за свою независимость афганский народ оказался расчлененным, а формирование афганского национального государства встретило множество препятствий на своем пути. Восточноафганские племена (так называемые пуштуны, или патаны), насчитывающие до 5—6 млн. человек, до настоящего времени стремятся добиться права на самоопределение. «Проблема Пуштунистана» — проблема самоопределения этих племен — до сих пор порождает напряженность в отношениях между Афганистаном и Пакистаном, под властью которого оказались патаны.

Наконец, следует еще раз отметить, что лишь с созданием первого социалистического государства, которое раскололо единую капиталистическую систему, революционизировало одним своим появлением народы всего мира и оказало максимальную поддержку антиимпериалистической борьбе, антиколониальное движение народов Востока значительно активизировалось и начало добиваться первых серьезных успехов. Завоевание независимости Афганистаном и Турцией, мощное антиимпериалистическое движение в Китае, революционный подъем в Индии и Иране, народно-освободительные восстания в Египте, Сирии и других арабских странах — все это были и есть важные этапы борьбы прогрессивных сил человечества против империалистического насилия, против иностранного гнета и кабалы.

Народы России, положившие начало новой эре в жизни народов земного шара, относившиеся с симпатией и поддержкой к освободительному движению стран Азии и Африки, и сейчас готовы сделать все, что в их силах, для укрепления независимости этих государств. Это отчетливо проявляется на примере советско-афганских отношений. «Дружба между нашими странами имеет глубокие корни, — указывал Н. С. Хрущев в своем выступлении 18 декабря 1955 г. на стадионе Гази в Кабуле, — Великий Ленин стоял у истоков этой дружбы. [188] Он лично принимал первого посла Афганистана и беседовал с ним.

С тех пор дружба между Советским Союзом и Афганистаном постоянно росла и крепла. Несмотря на различие наших государственных и политических систем, она превратилась в пример добрососедского сотрудничества двух государств. Никогда она не омрачалась конфликтами или спорами, и мы глубоко уверены, что этого никогда не будет и впредь»{348}.

Жизнь приносит многочисленные подтверждения сердечной дружбы советского и афганского народов. В трудные дни экономической блокады Афганистана, организованной пакистанскими властями в 1955 г., на помощь этому государству, как и за четверть века до того, пришел Советский Союз, который предоставил ему широкие

возможности для транзита товаров через свою территорию. В дальнейшем Советское правительство предоставило Афганистану кредит в 100 млн. американских долларов сроком на 30 лет, в счет которого поставляет этой стране современное оборудование и оказывает техническую помощь. Этот кредит будет способствовать осуществлению пятилетнего плана развития национальной экономики, принятого афганским правительством. Под руководством советских специалистов уже построены крупнейший хлебокомбинат и асфальто-бетонный завод в Кабуле, элеватор в Пули-Хумри, нефтебаза в порту Кызылкала на реке Аму-Дарье. С помощью СССР ведется строительство ирригационных сооружений на реке Кабул. Рассматриваются проекты совместного использования водных ресурсов Аму-Дарьи. По просьбе Афганистана Советское правительство направляет в эту страну квалифицированных специалистов для содействия не только экономическому, но и культурному развитию афганского народа. «Мы никогда не забудем той научной, культурной и экономической помощи, которую нам оказывает Советский Союз без каких-либо политических условий, — писала кабульская газета «Хивад» в связи с посещением Афганистана Председателем Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошиловым и другими советскими гостями в октябре 1958 г. — ...Сотрудничество с Советским Союзом имеет существенное [188] значение для повышения жизненного уровня афганского народа»{349}.

Премьер-министр Афганистана Мухаммед Дауд заявил тогда же, что «народ и правительство Афганистана... сердечно благодарят своих советских друзей за искреннюю помощь и сотрудничество, достойные похвалы»{350}.

В ответ на это К. Е. Ворошилов во время своего пребывания в Кабуле от имени всех советских людей подчеркнул: «Мы от всего сердца желаем только одного — чтобы дружественный нам Афганистан постоянно процветал, становился экономически и политически все более сильным и укреплял свою независимость»{351}.

Дружба двух народов, родившаяся в трудные годы жизни наших государств, способствовавшая провалу грабительских планов колонизаторов, крепнет и развивается. Чувства афганского народа в отношении его доброго соседа — СССР

выразил глава афганского правительства Мухаммед Дауд. Он писал: «Афганистан не забывал и никогда не забудет того, что первой страной, которая приветствовала завоевание Афганистаном свободы и независимости, был Союз Советских Социалистических Республик и что первой страной, которая после Октябрьской революции установила дипломатические отношения с Советским Союзом и заложила основы для международной дружбы, был Афганистан»{352}.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- Маркс К. Лондонский «Таймс» и лорд Пальмерстон. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 1, т. XII, ч. II.
- Маркс К., Новая китайская война. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 1, т. XI, ч. II.
- Маркс К. Интервенция в Мексике. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 1, т. XII, ч. II.
- Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии. Госполитиздат, 1947.
- Энгельс Ф. Поражение пьемонтцев. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 6.
- Энгельс Ф. Афганистан. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 1, т. XI, ч. II.
- Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 1, т. XVI, ч. II.
- Ленин В. И. Горючий материал в мировой политике. Соч., т. 15.
- Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч., т. 22.
- Ленин В. И. Речь на объединенном заседании ВЦИК 29 июля 1918 г. Соч., т. 28.
- Ленин В. И. Проект договора с Буллит. Соч., изд. 3, т. XXIII.
- Ленин В. И. Хронологические таблицы к истории империализма, 1940.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Центральный Государственный Военно-исторический архив СССР (Москва). Фонды Военно-ученого архива (Канцелярия Военно-ученого комитета) и Главного штаба.

Центральный Государственный Исторический архив Узбекской ССР (Ташкент). Фонды Канцелярии туркестанского генерал-губернатора (часть дипломатическая), Дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе, Российского политического агентства в Бухаре, Военного губернатора Ферганской области. Подготовительные материалы к публикации А. Г. Серебренникова

«Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания».

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

«Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией. 1872-1885», СПб., 1886.

«Внешняя политика СССР» Сборник документов, т. I (1917-1920 гг.) М., 1944.

«Документы внешней политики СССР», т. 1, М., 1957.

Инструкция Виткевичу от 14 мая 1837 г. Акты Кавказской археографической комиссии, т. VIII.

«Миссия дружбы». Вып. 1-2, М., 1956.

«Мухаммед Неби-хан. Государственные вопросы и ответы и укрепление государства». Ташкент, 1899, пер. с персидск.

«Ост-Индия. Договор, заключенный между британским правительством и эмиром афганским от 21 марта 1905 г. с относящимися к нему приложениями». Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 80.

«Посланцы из Афганистана в Россию в 1833-1836 гг.» Публикация И. А. «Русская старина», 1880, кн. 8.

«Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917.» М., 1952.

Afghanistan, Correspondence respecting the relations between the British Government and that of Afghanistan since the accession of the Ameer Shere Ali Khan, L., 1878.

A Collection of Treaties, engagements and sanads, relating to India and neighbouring countries. Compiled by C. U. Aitchison, vol. XIII, Calcutta, 1933.

Causes of the Afghan war, being a selection of the papers laid before parliament with a connecting narrative and comment. L., 1879.

Copies of the Correspondence of sir Al. Burnes with the Governor-General of India, during his Mission to Cabul in the Years 1837 and 1833, or such part there of as has not already been published.

Correspondence relating to Persia and Afghanistan, L., 1839.

East India (Afghanistan). Papers regarding hostilities with Afghanistan. 1919. L., 1919.

Imperialism and Mr. Gladstone. L., 1913.

Operations in Waziristan 1919-20, General-Staff Army headquarter. L., 1924.

Papers relating to military operations in Afghanistan. L., 1843.

Parliamentary papers. Afghanistan. L., 1880.

Reports and Papers, political, geographical and commercial submitted to Government, by sir A. Burnes. B. N. J. Lieutenant Leech. Eo. E.; doctor Lord, Bo. M. S.; and Lieutenant Wood, J. N; employed on Missions in the years 1835-37, in Scinde, Afghanistan, and adjacent countries. Calcutta, 1839.

The Third Afghan War, 1919. Official account. Calcutta, 1926.

Мемуары, описания путешествий [Бернс А.]. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Ост-Индской компанейской службы Александром Борнсом, членом Королевского общества. Пер. с англ., 1-3, М., 1848-1850. [Бернс А.]. Кабул, Путевые записки сэра Александра Борнса в 1836, 1837 и 1838 годах. Пер. с англ., ч. 1, 11. М., 1847.

Блан Луи. Письма об Англии. Пер. с франц., т. I, II. СПб., 1866.

Даль В. Из записок оренбургского старожила. Отечественные записки. 1872, т. XXI. [Дивов П. Г.]. 1838 год в Петербурге (по дневнику П. Г. Дигова). «Русская старина», 1902 г., сентябрь. [Марвин Франк]. 8 лет при дворе неограниченного монарха. Пер. с англ. Ташкент, 1910.

Никулин Л. Четырнадцать месяцев в Афганистане. М., 1923.

Рейснер Лариса. Афганистан, М. - Л., 1925.

Рыбичка Э. В гостях у афганского эмира. Пер. с нем. Под редакцией и с примечаниями Азиза Ниалло. [М.], 1935.

Яворский П. Л. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878-1879 гг. Т. 1, 2, СПб., 1882.

Barr W. Journal of a march from Delhi to Peshawur, and from thence to Cabul, with the mission of lieut.-col. C. Wade, kt. C. B., including travels in the Punjab, a visit to the city of Lahore, and a narrative of operations in the Khyber pass undertaken in 1839. L., 1844.

Blacker L. V. S. On secret patrol in high Asia. L., 1922.

Burnes J. Narrative of a visit to the Court of Sind at Hyderabad on the Indus; with a sketch of the history of Cutch and an appendix. Edinburgh - L., 1839.

Burslem R. A Peep into Toorkistan. L., 1846.
 Cotton S. Nine years on the North-West Frontier of India from 1854 to 1863. L., 1868.
 Etherton P. T. In the Heart of Asia. L., 1925.
 Eyre V. The Kabul insurrection of 1841-42. L., 1879.
 Gray J. A. At the court of the Amir. L., 1895.
 Griffith W. Posthumous papers bequathed to the Honourable the East India Company and printed by order of the Governrrrent of Bengal. Journal of travels in Assam, Burma, Bootan, Afghanistan and the neighbouring countries. Calcutta, 1847. [Harlan J.]. Harlan's memoir of India and Afghanistan, comprising observations about the speedy dissolution of the Ottoman Empire. Philadelphia, 1842. [Harlan J.]. Central Asia. Personal narrative of general Josiah Harlan. 1823-1841. Ed. by Frank E. Ross. L., 1939.
 Havelock H. Narrative of the war in Afghanistan in 1838-1839. L., 1840.
 Lawrence G. Reminiscences of 43 years in India. L., 1874.
 Masson Ch. About the trade of Cabul (in: J. Burnes. Narrative of a visit to the Court of Sinde at Hyderabad on the Indus... Edinburgh - L., 1839).
 Masson Ch. Narrative of a various journeys in Belochistan, Afghanistan and the Panjab; including a residence in those countries from 1826 to 1838, v. I - IV, L., 1842.
 Mohan Lal. Travels in the Panjab, Afghanistan and Turkistan to Balkh, Bokhara, Herat and a visit to Great Britain and Germany. L., 1846. [Moorcroft W. and Trebeck G.]. Travels in the Himalayan provinces of Hindustan and the Panjab; in Ladakh and Kashmir; in Peshawar, Kabul, Kunduz and Bokhara; by Mr. William Moorcroft and Mr. George Trebeck, from 1819 to 1825. Prepared for the press from original journals and correspondence by H. H. Wilson. L., 1841.
 Roberts F. Forty one Years in India, from subaltern to Commander-in-Chief. L., 1902.
 Sale, lady, A Journal of the disasters in Afghanistan, 1841-1842. V. 1-2, L., 1843.
 Shahamat Ali. The Sikhs and Afghans, in connexion with India and Persia, immediately before and after the death of Ranjeet Singh. From the Journal of an Expedition to Kabul through the Panjab and the Khaibar Pass. L., 1847.

J. H. Stocqueller. Memorials of Afghanistan, being State papers, official documents, dispatches, authentic narratives etc., illustrative of Afghanistan and Scinde between the years 1838 and 1842. Calcutta, 1843.
 Wood J. A Journey to the Source of the river Oxus. L., 1841.
 Уате I. P. Northern Afghanistan, or letters from the Afghan boundary commission. Edinburgh - L., 1888.

АВТОБИОГРАФИИ, ЖИЗНЕОПИСАНИЯ

«Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана». Пер. с англ., т. 1-2, Спб., 1901, 1902.
 Вамбери А. Моя жизнь. Пер. с англ. М., 1914.
 Мухаммед Наби-хан. Сын эмира, сына эмира, эмир Абд-ур-Рахман-хан, Ташкент, б. г.
 Семенов А. А. Покоритель и устроитель Туркестанского края генерал-адъютант К. П. Кауфман. «Кауфманский сборник». М., 1910.
 Edwardes, sir H. B., and Merivale, Herman. The Life of Sir Henry Lawrence. V. 1-2, L., 1872.
 Forrest G. W. Life of field-marshal sir Neville Chamberlain. Edinburgh - L., 1909.
 Guedalla Ph. Palmerston, 1784-1865. N. Y., 1927.
 Gupta H. R. Life and work of Mohan Lai Kashmiri (1812-1877). Lahore, 1943.
 Imlah A. H. Lord Ellenborough. Cambridge, 1939.
 Kaye J. W. Lives of Indian officers. Illustrative of the History of the civil and military service of India. V. 1, 2, L., 1867.
 Leppel Griffin. The Amir of Afghanistan. «The Fortnightly Review». 1893, January.
 Mohan Lal. Life of the Ameer Dost Mohammed Khan of Kabul. V. I, 2, L., 1846.
 Monypenny W. T. and Buckle C. E. Life of Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield. N. Y., 1913.
 Pearse H. W. Dost Mohamed, Amir of Afghanistan. «United Service Magazine». 1899, July.
 Sinha N. K. Ranjit Singh. Calcutta, 1945.
 Trotter L. J. The Earl of Auckland. L., 1905.
 Wheeler S. E. The Ameer Abdur Rahman. L., 1895.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ

«Афганистан в последнее десятилетие». «Сын отечества», 1842, № 10.

Азизов. На индо-афганской границе. (Восстание афганских племен.) «На зарубежном Востоке», 1933, № 3-4.

Аристов Н. А. Англо-индийский «Кавказ». Столкновения Англии с афганскими пограничными племенами (этноико-исторический и политический этюд). СПб., 1900.

Аристов Н. А. Вероятная борьба Англии с Афганистаном и отношение к ней России. Протоколы Комиссии по изучению Индии и Афганистана за 1905 г. СПб., 1906.

Бабаходжаев А. Х. Провал английской антисоветской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке в период признания Советского государства де-факто и де-юре. Ташкент, 1957.

Б-ич Л. А. Афганистан и его эмир. «Русский вестник», 1898, кн. 8, 9. «Борьба англичан с Афганистаном и племенами на северо-западной границе Индии». Пер. с немецкого. Ташкент, 1910.

В. Н. Афганистан (война англичан с афганами). «Военный сборник», 1878, № 12, 1879, 1, 2, 7, 11. Величко А. Афганистан у боротьби за визволення. Харків, 1929.

Гамильтон А. Афганистан. Пер. с англ. СПб., 1908.

Ганковский Ю. В., Империя Дуррани, М., 1958.

Гладстерн Ол. Афганська проблема з погляду міжнародного (1839-1929). Харків, 1929.

Гордон Л. Борьба Афганистана против английской агрессии в конце XIX в. «Очерки новой истории стран Среднего Востока». Под ред. проф. И. М. Рейснера и доц. Н. М. Гольдберга. М., 1951.

Гордон Л. Социально-экономический и общественный строй афганских племен Индии во второй половине XIX века. «Вопросы истории», 1950, № 3.

Горлов. Английская экспедиция в Когатский проход в 1853 г. «Военный сборник», 1878, № 1.

Гримм Э. Основы афганской политики Англии. «Новый Восток», 1929, № 26-27.

Грулев М. Очерк восстаний пограничных племен Индии за последние 10 лет. СПб., 1909.

Добролюбов Н. А. Взгляд на историю и современное состояние Ост-Индии. Полное собрание сочинений, т. III, М. - Л., 1936.

Исполатов В. Англия и Афганистан. «Дело», 1879, № 2.

Кавелин и Ососов. Индийская пограничная война 1897. 1-й очерк. Момундская экспедиция. Умань. 1899. М. М. Область независимых племен и ее значение для индо-афганских отношений. «Новый Восток», 1929, № 25. Мортон А. Л. История Англии. Пер. с англ. М., 1950.

«Народы Поеодней Азии». Под ред. Н. А. Кислякова и А. И. Першица. М., 1957.

Нейманн К. Ф. Афганистан и англичане в 1841 и 1842 годах. Пер. с нем. М., 1848.

Независимый Афганистан. Сборник статей под ред. Р. Т. Ахрамовича. М., 1958.

Ниалло Азиз. Заметки о первом этапе внешней политики Афганистана после провозглашения независимости страны (1919-1921 гг.). «Известия Академии наук Уз. ССР», 1949, № 4.

Ниалло Азиз. Славные страницы прошлого. «Звезда Востока», 1958, № 3.

Ностиц. Восстание горцев на северо-западной границе в 1897 г. СПб., 1901.

«Отношение Англии к Афганистану и последние происшествия в Кабуле». «Москвитянин», 1842, ч. III, № 5. Плен англичан в Афганистане. «Библиотека для чтения», 1843, № 4.

Попов А. Л. Борьба за среднеазиатский плацдарм. «Исторические записки», 1940, № 7.

«Последняя война англичан в Афганистане». «Артиллерийский журнал», 1844, № 1.

Примаков В. М. Афганистан в огне. Л., б. г.

Путята Д. В. Укрепленный лагерь англичан под Кабулом в 1841 году. «Военный сборник», 1886, № 2.

Р. История сношений Англии с Афганистаном, рассказанная англичанином. «Русский вестник», 1879, № 1.

«Корреспонденция из Лондона. История с Афганистаном». «Вестник Европы», 1878, № 11.

«Третья афганская война». Корреспонденция из Лондона от 5 (17) января 1879 г. «Вестник Европы», 1879, № 2.

Рейтер И. М. Афганистан. М., 1929.

Рейснер И. М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев, М., 1954.

Риджвей. Новая афганская граница. «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии». Вып. XXIX.

Риттер К. Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Кабулистан и Кафиристан. Перевел с присовокуплением критических примечаний и дополнил по источникам, изданным в течение последних 30 лет, В. В. Григорьев., СПб., 1867.

Риштия Сеид Касем. Афганистана XIX века. Пер. с персидск. М., 1958.

Семенов А. А. «Бегство» Абдур-Рахман-хана из Ташкента в Афганистан. «Кауфманский сборник». М., 1910.

Снесарев А. Е. Афганистан. М., 1921.

Соболев Л. Страница из истории Восточного вопроса. Англо-афганская распря. Очерк войны 1879-1880 гг. Т. 1-2, СПб., 1882.

Соколов-Страхов К. Афганистан в мировой войне 1914-18 гг. «Новый Восток», 1929, № 26-27.

Станишевский А. Афганистан. М., 1940.

Стембо Г. Религиозно-политические взаимоотношения в сопредельных с Туркестаном странах в 1918-1920 гг. «Военная мысль», 1921, кн. 3.

Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 1-3, СПб., 1906.

Халфин Н. А. Британская экспансия в Средней Азии в 30-40-х годах XIX в. и миссия Ричмонда Шекспира. «История СССР», 1958, №2.

Штейнберг Е. Л. Война Афганистана за независимость в 1878-1880 гг. «Исторический журнал», 1941, № 2.

Штейнберг Е. Л. История британской агрессии на Среднем Востоке. М., 1951.

Шостакович С. В. Из истории английской агрессии на Ближнем и Среднем Востоке. (Сколачивание британской дипломатией в первой половине XIX в. антирусского ирано-турецкого блока.) «Ученые записки Иркутского педагогического института». Вып. II, 1955.

Эдай Джон. Пограничная политика Индии. Пер. с англ., Ташкент, 1910. [Эдай Д.] Ситана. Горная

экспедиция на границах Афган и стана в 1863 году. «Военный сборник», 1873, № 7-8.

Юнгхесенд Г. Война на границах Индии. Пер. с англ. СПб., 1899.

Abbot A. The Afghan War 1838-1842. From his Journal and correspondence, L., 1879.

Adam G. Abstract of proceedings relative to the trade on the Indus (in: J. Burnes. Narrative of a visit to the Court of Sindh at Hyderabad on the

Indus; with a sketch of the history of Cutch and an appendix. Edinburgh - L., 1839).

Andrew W. P. Our scientific frontier. L., 1880.

Argyll. The Eastern Question. L., 1879.

Atkinson G. The expedition into Afghanistan. Notes and sketches descriptive of the country, contained in a personal narrative during the campaigns of 1839 and 1840, up to the surrender of Dost Mohamed-khan. L., 1842.

Balfour, lady Betty. The History of lord Lytton's Indian administration. N. Y. - Bombay, 1899.

Barban D. Our Afghan policy and the occupation of Candahar. L. 1880.

Barton W. India's North-West frontier. L., 1939.

Besant A. England, India and Afghanistan. L., 1879.

Boulger D. C. Cabul and Herat. «Contemporary Review», 1900, January.

Boulger D. C. Central Asian questions. Essais on Afghanistan, China and Central Asia, L., 1885.

Boulger D. C. England and Russia in Central Asia. V. 1, 2. L., 1879.

Boulger D. C. The next phase of the Afghan question. «Asiatic Quarterly Review», 1888, v. V, № 11.

Brook H. F. The situation in Afghanistan. L., 1881.

Bruce R. I. The Forward policy and its results of 35 years' work among the tribes on our north-western frontiers of India. L., 1900.

Castagne J. A. Notes sur la politique exterieure de l'Afghanistan depuis 1919. Paris, 1921.

The Cambridge History of British Foreign policy. V. III. Cambridge, 1923.

The Cambridge History of India. V. III. L., 1928.

The Cambridge modern history. V. XI, Cambridge, 1921.

The Cambridge shorter history of India. Ed. by H. H. Duffell. Cambridge 1943.

Churchill W. Story of the Malakand Field Force. L., 1898.

Crooke W. The North-Western provinces of India. L., 1897.

Dacosta J. Our transfrontier expeditions. «The Imperial and Asiatic Quarterly Review», 1883, January.

Davies C. C. The problem of the North-West frontier, 1890-1908. Cambridge, 1932.

Duff M. E. Afghanistan and Central Asia. L., 1878.

Duke J. Recollections of the Kabul campaign 1879-1880. L., 1883.
 Dunbar J. Golden Interlude. The Edens in India, 1836-1842. L., 1955.
 Durand H. M. The first Afghan War and its causes. L., 1879.
 Eastwick W. H. Lord Lytton and the Afghan War. L., 1879.
 Eden G. Lord Auckland and Lord Ellenborough. L., 1845.
 Elfinstone M. An account of the kingdom of Caubul and its dependencies, in Persia, Tartary, and India; comprising a view of the Afghan nation, and a history of the Dooraunee monarchy. L., 1815.
 Elliot W. J. The Victoria cross in Afghanistan and on the frontiers of India, during the years 1877-1880. L., 1882.
 England, Afghanistan and Russia. «Edinburgh Review», 1886, January.
 Enriquez, C. M. The pathan borderland. A consecutive account of the country and people on and beyond the Indian frontier from Chitral to Dera Ismail Khan. Calcutta-Simla, 1921.
 Eyre V. The military operations at Cabul, which ended in the retreat and destruction of the British army. L., 1843.
 Ferrier J. P. History of the Afghans. L., 1858.
 Fincastle V. C. and Elliot - Lockhart P. C. A narrative of the Malakand and Buner field forces, 1897-1898. L., 1898.
 Fisher F. H. Afghanistan and the Central Asian question. L., 1878.
 Forbes A. The Afghan wars 1839-1842 and 1878-1880. L., 1892.
 Fraser-Tytler W. K.. Afghanistan. A Study of Political Development in Central Asia. L., 1950.
 Fraser-Tytler C. Afghanistan and his relations with India. «Great Britain and the East», 1948, February.
 Gopal S. The viceroyalty of lord Ripon. 1880-1884. L., 1953.
 Greenwood. Narrative of the late victorious campaign in Afghanistan under general Pollock, with recollections of seven years service in India. L., 1844.
 Habberton W. Anglo-russian relations concerning Afghanistan. 1837-1907. Urbana, 1937.
 Hamilton A. The Mission to Kabul. «Fortnightly Review», 1905, June.
 Hamilton A. Problems of the Middle East. L., 1909.
 Hanna H. B. The Second Afghan War, 1878-80; its causes, its conduct, and its consequences. V. I - III, L., 1899-1910.
 Hensman H. The Afghan War of 1879-80. L., 1881.
 Hobhouse A. Some reflections on the Afghan imbroglio. «Fortnightly Review», 1880, September.

Holdich T. The Gates of India, being an historical narrative. L., 1910.
 Holdich T. The Geography of the North-West frontier of India. «The Geographical Journal», 1901, May. Holdich T. The Indian Borderland 1880-1900. L., 1901.
 Hoskyns C. A. Short narrative of the Afghan campaigns of 1879-80-81, from an engineer's point of view. «Journal of the Royal United Service Institution» V. XXVI, L., 1883.
 Hough W. A Narrative of the march and operations of the army of the Indus, in the expeditions to Afghanistan in the years 1838-1839. L. 1841.
 Hutchinson H. The campaign in Tirah 1897-98. L. - N. Y., 1898.
 Ikeal All Shah. Afghanistan of the Afghans. L., 1928.
 Ikeal All Shah. The tragedy of Amanullah. L., 1933.
 India and Lord Ellenborough. L., 1841.
 Kaye J. W. History of the war in Afghanistan. V. 1-3, L., 1878.
 Kennedy R. H. Narrative of the campaign of the Army of the Indus, in Sind and Kaubool, in 1839-1840. L., 1840.
 Kohzad Ahmad All. In the high light of modern Afghanistan. «Afghanistan», 1957, № 2-4.
 Law A. India under Lord Ellenborough, L., 1926.
 Le Marchand G. Campagne des anglais dans l'Afghanistan 1878-1879. Paris, 1879.
 Le Marchand P. Deuxieme campagne des anglais dans l'Afghanistan (1879-1880). Paris, 1881.
 Le Messurier. Kandahar in 1879. L., 1880.
 Maccoll M. The Afghanistan imbroglio. «Gentleman's Magazine», 1878, November.
 Maccoll M. Russia and England. «Contemporary Review», 1894, January.
 Macmunn G. Afghanistan and India. «Asiatic Review», 1928, April.
 Macmunn G. Afghanistan from Darius to Amanullah. L., 1929.
 Malleson G. B. History of Afghanistan, from the earliest period to the outbreak of the war of 1878. L., 1879.
 Mayer and Paget. Afghanistan, its political and military history, geography and ethnology. L., 1879.
 Mohammed Alt, Afghanistan. An historical sketch. «Afghanistan», 1956, October - December, 1957, January - March.
 Mohammed Ali. Progressive Afghanistan. Lahore, 1933.

Morison J. L. From Alexander Burnes to Frederick Roberts: a survey of Imperial frontier policy. L., 1936.
 Mowbray M. The first Afghan War. L., 1878.
 Outram J. Rough notes of the campaign in Sind and Afghanistan, in 1838-1839. Bombay, 1840.
 Panikkar K. M. Asia and Western dominance. A Survey of the Vasco Da Gama epoch of Asian History 1498-1945. L., 1953.
 Prasad B. The Foundations of India's Foreign policy. V. 1, 1860-1882, Bombay - Madras - Calcutta, 1955.
 Rawlinson H. England and Russia in the East. L., 1875.
 Rawlinson H. The Results of the Afghan War. «The Nineteenth Century», 1879, August.
 Rodenbough T. F. Afghanistan and the Anglo-Russian dispute. N. Y. - L., 1885.
 Shadbolt S. H. The Afghan campaigns of 1878-1880. V. 1, 2, L., 1882.
 Smith V. A. The Oxford history of India, Oxford, 1919.
 Sykes P. History of Afghanistan. V. I, II, L., 1940.
 Tate G. P. The Kingdom of Afghanistan. A historical sketch. Bombay, 1911.
 Thorburn S. S. Bannu; or our Afghan frontier. L., 1876.
 Trotter L. The History of India under Queen Victoria. L., 1886.
 Watheville H. G. Waziristan. 1919-1920. L., 1925.
 Wheeler J. A short history of India and of the frontier states of Afghanistan, Nipal and Burma. L., 1880.
 Williams Ch. R. The defence of Kahun. A forgotten episode of the first Afghan War. L., 1886. Yate G. P. The Kingdom of Afghanistan. Calcutta, 1911.

КОММЕНТАРИИ

Предисловие

- {1} H. Rawlinson, England and Russia in the East, L., 1875.
- {2} D. Boulger, England and Russia in Central Asia, vol. 1 - II, L., 1878.
- {3} А. Гамильтон, Афганистан, пер. с англ., СПб, 1908.
- {4} О. Мэсманн, Afghanistan from Darius to Amanullah, L., 1929.
- {5} P. Sykes, History of Afghanistan, vol. I - II, L., 1940.
- {6} W. K. Fraser-Tytler, Afghanistan. A study of Political Development in Central Asia, L., 1951. {7} V. Eyre, The Military Operations of Cabul, which ended in the Retreat and Destruction of the British Army, L., 1843.
- {8} J. Duke, Recollections of the Kabul Campaign 1879 and 1880, L., 1883.
- {9} J. W. Kaye, History of the War in Afghanistan, vol. I - III, L., 1878.
- {10} Э. Гримм, Основы афганской политики Англии, «Новый Восток» № 26-27, 1929 г.
- {11} А. Л. Попов, Борьба за среднеазиатский плацдарм, «Исторические записки» № 7, 1940 г.
- {12} Е. Л. Штейнберг, Война Афганистана за независимость в 1878-1880 гг., «Исторический журнал» № 2, 1941 г.; его же, История британской агрессии на Среднем Востоке, М., 1951.
- {13} «Миссия дружбы», Вып. I, М., 1956 стр. 274.

Глава I

- {14} Описание афганских племен приводится в изданной Институтом этнографии Академии наук СССР книге «Народы Передней Азии», под ред. Н. А. Кислякова и А. И. Першица, М., 1957.
- {15} См. И. М. Рейтер, Развитие феодализма и образование государства у афганцев, М., 1954.
- {16} Ф. Энгельс, Афганистан, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. I» т. XI, ч. II, стр. 532.
- {17} N. Kasturi, History of the British Occupation of India, Calcutta, p. 150.
- {18} N. K. Sinha, Ranjit Singh, Calcutta, 1945, p. 28.

{19} J. W. Kaye, *Lives of Indian officers, Illustrative of the History and the Military Services of India*, vol. I, L., 1867, p. 241.

{20} J. W. Kaye, *Lives of Indian Officers Illustrative of the History and the Military Services of India*, vol. I, L., 1867, p. 242-244.

{21} Mountstuart Elphinstone, *An Account of the Kingdom of Caubul*. L., 1815.

{22} C. U. Aitchison, *A Collection of Treaties, Engagements and Sanads Relating to India and Neighbouring Countries*, vol. XIII, Calcutta, 1933, p. 233.

{23} «Travels in the Himalayan Provinces of Hindustan and the Panjab; in Ladakh and Kashmir; in Peshawar, Kabul, Kunduz and Bokhara, by Mr. William Moorcroft and Mr. George Trebeck, from 1819 to 1825»; Prepared for the Press from Original Journals and Correspondence by H. H. Wilson, L., 1841.

{24} Эта поездка описана в книге «Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Ост-Индской компанейской службы Александром Борнсом, членом Королевского общества», пер. с англ., ч. 1-3, М., 1848-1850.

{25} J. W. Kaye, *Lives of Indian Officers..*, vol. II, p. 25-27.

{26} И. М. Рейснер, Развитие феодализма и образование государства у афганцев, стр. 387-389. {27} P. Sykes, *A History of Afghanistan*, vol. I, p. 395.

{28} H. Durand, *The First Afghan War and its causes*, L., 1879, p. 18.

{29} Ch. Masson, *Narrative of a Various Journeys in Belochistan, Afghanistan and the Panjab; Including a Residence in Those Countries from 1826 to 1838*, vol. III, L., 1842, p. 263.

{30} К. Маркс, Хронологические выписки по истории Индии, (664-1858 гг.), Госполитиздат, 1947, стр. 134.

{31} Ch. Masson, *About the Trade of Cabul*, J. Barnes, *Narrative on a Visit to the Court of Sinde at Hyderabad on the Indus*, Edinburgh - L., 1839, p. 41-59.

{32} G. Adam, *Abstract of Proceedings Relative to the Trade on the Indus*, J. Barnes, *Narrative of a Visit..*, p. 66-69.

{33} «Записка по делам Афганистана», «Русская старина», август 1880 г., стр. 789.

{34} Госархив Оренбургской области, ф. 6, д. 738, л. 3-4.

{35} «Русская старина», август 1880 г., стр. 789.

{36} V. Smith, *The Oxford History of India. From the Earliest Times to the End of 1911*, Oxford, 1919, p. 677.

{37} J. W. Kaye, *History of the War in Afghanistan*, vol.1, p. 170-171. Немецкий историк К. Ф. Нейманн дал точную оценку методам и приемам «упорядочения торговли», какие применялись обычно колонизаторами. Он писал в 1847 г.: «До сих пор еще говорится только о торговле и о мирных гражданских сношениях; но известно уже несколько столетий, что значат эти слова в устах европейцев в Азии. Когда восточные князьки и племена не хотят позволить обманывать себя под именем дружественно-торговых сношений, угрозы и сила оружия принуждают их к неограниченному повиновению. Так было прежде, так же точно и теперь» (К. Ф. Нейманн, *Афганистан и англичане в 1841 и 1842 годах*, пер. с нем. М., 1848, стр. 10-11).

{38} G. Adam, *Abstract of Proceedings Relative to the Trade on the Indus*, J. Barnes, *Narrative of a Visit..*, p. 65.

{39} Ch. Masson, *Narrative of Various Journeys..*, vol. III, p. 430-431.

{40} «Papers». *East India (Cabul and Afghanistan)*, [L.], 1859, p. 14.

{41} А. Бернс, Кабул в 1836, 1837 и 1838 годах, пер. с англ., ч. I, М., 1847, стр. 7-8.

{42} «Papers. *East India (Cabul and Afghanistan)*», 1859, p. 89-93.

{43} J. W. Kaye, *History of the War in Afghanistan*, vol. I, p. 190-191.

{44} «Papers. *East India (Cabul and Afghanistan)*», 1859, p. 111-115.

Оба письма (А. Бернса от 20 декабря 1837 г. и Макнотена от 20 января 1838 г.) были почти полностью изъяты из «Синей книги», представленной английскому парламенту в 1839 г.

{45} К. Ф. Нейманн, *Афганистан и англичане в 1841 и 1842 годах*, стр. 32.

{46} См. «Papers. *East India (Cabul and Afghanistan)*», 1859; «Reports and Papers, Political, Geographical and Commercial Submitted to Government, by Sir Alexander Burnes, B. N. I.; Lieutenant Leech, Во. E.; Doctor Lord, Во. M. S.; and Lieutenant

Wood, I. N.; *Employed on Missions in the Years 1835-36-37, in Scinde, Afghanistan, and Adjacent Countries*, Calcutta, 1839.

{47} Инструкция Виткевичу от 14 мая 1837 г. Акты Кавказской археографической комиссии, т. 8, док. 874, стр. 944-947.

{48} Рапорт Виткевича от 24 ноября 1837 г., см. А. Л. Попов, *Борьба за среднеазиатский плацдарм, «Исторические записки»* № 7, 1940 г., стр. 206.

{49} К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. I, т. XII, ч. II, стр. 189.

{50} К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. I, т. XI, ч. II, стр. 267-268.

{51} К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. I, т. XII, ч. II, стр. 208.

{52} Луи Блан, *Письма об Англии*, пер. с франц., т. II, СПб., 1866, стр. 52-53.

{53} «Papers. East India (Cabul and Afghanistan)», 1859, p. 223.

{54} Луи Блан, *Письма об Англии*, т. II, стр. 51-52.

{55} Записка Окленда от 12 мая 1838 г. См. W. K. Fraser-Tytler, *Afghanistan. A Study of Political Developments in Central Asia*, L., 1950, p. 106, 107.

{56} J. W. Kaye, *History of the War in Afghanistan*, vol. 1, p. 357-358.

{57} Полуофициальное письмо А. Бернса Макнотену от 2 июня 1838 г. «Papers. East India (Cabul and Afghanistan)», 1859, p. 241-243. Об этом же гласил специальный меморандум А. Бернса. Там же, стр. 243-246.

{58} Донесение Окленда тайному комитету совета директоров Ост-Индской компании от 13 августа 1838 г. «Papers. East India (Cabul and Afghanistan)», 1859, p. 284-298.

{59} P. Sykes, *History of Afghanistan*, vol. II, p. 1-2.

{60} В. Исполатов, *Англия и Афганистан, «Дело»* № 2, 1879 г., стр. 94.

{61} «Дополнения» В. В. Григорьева к книге К. Рихтера «Землеведение Азии... Кабулистан и Кафиристан», СПб., 1867, стр. 887.

{62} J. W. Kaye, *History of the War in Afghanistan*, vol. I, p. 369-374.

{63} Там же, стр. 375.

{64} Один из афганских родов племени дуррани, к которому принадлежал эмир Дост Мухаммед.

{65} Сеид Касем Риштия, *Афганистан в XIX веке*, пер. с персидск. М., 1958, стр. 142-143.

Глава II

{66} O. W. Forrest, *Life of Field-Marshal sir Neville Chamberlain*, Edinburgh and London, 1909, p. 20-21.

{67} George Macmunn, *Afghanistan from Darius to Amanullah*, L., 1929, p. 119-123.

{68} «Papers. East India (Cabul and Afghanistan)», 1859, p. 66.

{69} Там же, стр. 246-247.

{70} J. H. Stocqueller, *Memorials of Afghanistan, Being State Papers, Official Documents, Dispatches, Authentic Narratives etc., Illustrative of Afghanistan and Scinde between the Years 1838 and 1842*, Calcutta, 1843, p. 24.

{71} «Papers. East India (Cabul and Afghanistan)», 1859, p. 134-316.

{72} G. W. Forrest, *Life of Field-Marshal sir Neville Chamberlain*, p. 35.

{73} Сеид Касем Риштия, *Афганистан в XIX веке*, стр. 154.

{74} J. Harlan, *A Memoir of India and Afghanistan..*, Philadelphia, 1942, p. 6.

{75} «Central Asia, Personal Narrative of General Josiah Harlan. 1823-1641», Ed. by Frank E. Ross, L., 1939, p. 101.

{76} G. W. Forrest, *Life of Field-Marshal Sir Neville Chamberlain*, p. 35.

{77} G. W. Forrest, *Life of Field-Marshal Sir Neville Chamberlain* p. 67.

{78} Там же, стр. 38.

{79} J. Kaye, *History of the War in Afghanistan*, vol. I, p. 479.

{80} С. К. Риштия, *Афганистан в XIX веке*, стр. 164.

{81} «Papers. East India (Cabul and Afghanistan)», 1859, p. 313.

{82} J. W. Kaye, *Lives of Indian Officers..*, p. 46.

{83} A. H. Imlah, *Lord Ellenborough*, Cambridge, 1939, p. 87.

{84} Ahmad Ali Kohzad, *In the High Light of Modern Afghanistan, «Afghanistan»* № 4, 1957, p. 46.

{85} P. Sykes, *History of Afghanistan*, vol. II, p. 15.

{86} G. W. Forrest, *Life of Field-Marshal Sir Neville Chamberlain* p. 49-50.

{87} J. W. Kaye, History of the war in Afghanistan, vol. II, p. 57-58.

{88} Ф. Энгельс, Афганистан, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. I, т. XI, ч. II, стр. 536. Следует подчеркнуть, что почти все эти деньги поступали за счет ограбления колонизаторами народов Индии. {89} G. W. Forrest, Life of Field-Marshal Sir Neville Chamberlain. p. 49-50.

{90} Сеид Касем Риштия, Афганистан в XIX веке, стр. 161.

{91} G. W. Forrest, Life of Field-Marshal Sir Neville Chamberlain, p. 77.

{92} Ф. Энгельс, Афганистан, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. I, т. XI, ч. II, стр. 532.

{93} См. К. Ф. Нейманн, Афганистан и англичане в 1841 и 1842 годах, стр. 136-138.

{94} J. W. Kaye, History of the War in Afghanistan, vol. II, p. 234.

{95} G. Lawrence, Reminiscences of 43 Years in India, p. 87-88.

{96} Shahamat Ali, The Sikhs and Afghans, in Connexion with India and Persia, Immediately before and after the Death of Ranjeet Singh: from the Journal of an Expedition to Kabul, through the Panjab and the Khaibar Pass, L., 1847, p. 266.

{97} Lady Sale, A Journal of the Disasters in Afghanistan, 1841-1842, L., 1843, p. 46.

{98} Сеид Касем Риштия, Афганистан в XIX веке, стр. 182-183.

{99} Lady Sale, A Journal of the Disasters in Afghanistan, p. 136.

{100} G. Lawrence, Reminiscences of 43 Years in India, p. 95-96.

{101} Lady Sale, A Journal of the Disasters in Afghanistan, p. 136.

{102} J. H. Stocqueller, The Life of Major-General Sir Willhm Nott, vol. I, p. 395.

{103} G. W. Forrest, Life of Field-Marshal sir Neville Chamberlain. p. 81.

{104} Lady Sale, A Journal of the Disasters in Afghanistan, p. 26 47 104, 110, 117, 162, 184, 227.

{105} Vincent Eyre, The Military Operations at Kabul., L., 1843, p. 123.

{106} P. Sykes, History of the. Afghanistan, vol. II, p. 30.

{107} Lady Sale, A Journal of the Disasters in Afghanistan, p. 66.

{108} J. W. Kaye, History of the War in Afghanistan, vol. II, p. 262-253.

{109} Там же, стр. 412-413.

{110} V. Eyre, The Military Operations., p. 136-139.

{111} P. Sykes, History of Afghanistan, vol. II, p. 31.

{112} Mohan Lal, Life of the Amir Dost Mohammed., vol. II, p. 428.

{113} «Memorials of Afghanistan...», by J. H. Stocqueller, p. CXLVIII.

{114} К. Маркс, Хронологические выписки по истории Индии, стр. 140.

{115} The Kabul Insurrection of 1841-42, by Mayor-General Sir Vincent Eyre, L., 1879, p. 208,219; P. Sykes, History of the Afghanistan, vol. II, p. 31-32.

{116} Сеид Касем Риштия, Афганистан в XIX веке, стр. 201.

{117} К. Маркс, Хронологические выписки по истории Индии, стр. 140-141.

{118} «The Cambridge Modern History...», vol. XI, Cambridge, 1921, p. 733.

{119} А. Л. Мортон, История Англии, пер. с англ., М., 1950, стр. 387

{120} A. Imlah, Lord Ellenborough, p. 86.

{121} Сеид Касем Риштия, Афганистан в XIX веке, стр. 216-218.

{122} P. Sykes, History of the Afghanistan, vol. II, p. 56.

{123} G. W. Forrest, Life of Field-Marshal Sir Neville Chamberlain, p. 151-152.

{124} G. W. Forrest, Life of the Field-Marshal Sir Neville Chamberlain, p. 142-149, 150.

{125} Н. А. Добролюбов, Взгляд на историю и современное состояние Ост-Индии, Полное собрание сочинений, т. III, М. 1936, стр. 45.

{126} «The Cambridge Shorter History of India», Cambridge, 1943, p. 659.

Глава III

{127} J. L. Mori son. From Alexander Burnes to Frederic Roberts. A Survey of Imperial Frontier Policy, Proceedings of the British Academy vol. XXII, L., 1936, p. 184.

{128} «Causes of the Afghan War. Being a Selection of the Papers Laid before Parliament», L., 1879, p. 2.

{129} Сеид Касем Риштия, Афганистан в XIX веке, стр. 244.

{130} Цит. по статье Р. «История сношений Англии с Афганистаном, рассказанная англичанином», «Русский вестник», т. 142, 1879, стр. 262-263.

{131} G. W. Forrest, Life of Field-Marshal Sir Neville Chamberlain, p. 300.

{132} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 17, док. 77. Письмо оренбургского генерал-губернатора товарищу министра иностранных дел от 26 августа 1866 г.

{133} G. W. Forrest, Life of Field-Marshal Sir Neville Chamberlain p. 313.

{134} Объектом спора был Гератский оазис. В начале 1856 г. иранские войска двинулись на Герат. Осада города протекала успешно, и в октябре 1856 г. Герат пал. 1 ноября 1856 г. британское правительство объявило Ирану войну. Из Индии была отправлена эскадра в Персидский залив. В декабре 1856 г.

английский десант высадился на побережье Ирана и захватил порт Бушир. Вскоре британские войска овладели городом Ахваз. Однако развить успех Англии не удалось. Она была серьезно ослаблена Крымской войной. Ввиду этого англичане поспешили прекратить войну с Ираном. Еще до взятия Ахваза, 4 марта 1857 г., в Париже был подписан англо-иранский мирный договор, по условиям которого Иран отказывался от своих претензий на Герат и выводил оттуда свои войска.

{135} Один лак равен 100 тыс. рупий.

{136} F. H. Fisher, Afghanistan and the Central Asian question, L., 1878 p. 169.

{137} Ф. Робертс, Сорок один город в Индии от субалтерна до главнокомандующего, пер. с англ. СПб., 1902, стр. 37.

{138} Так в Афганистане называли европейцев.

{139} Ф. Робертс, Сорок один год в Индии. ., стр. 37.

{140} Сеид Касем Риштия, Афганистан в XIX веке, стр. 253.

{141} [Д. Эдай], Ситана. Горная экспедиция на границах Афганистана в 1863 г. «Военный сборник», 1873, июль, стр. 166; см. также «Forty One Years in India...», by Field-Marshal Lord Roberts of Kandahar, vol. II, L., 1897, p. 6.

{142} [Д. Эдай], Ситана. Горная экспедиция на границах Афганистана в 1863 г., «Военный сборник», 1873, июль, стр. 166.

{143} Там же, стр. 171.

{144} «Forty One Years in India...», by Field-Marshal Lord Roberts of Kandahar, vol. II, L., 1897, p. 4.

{145} [Д. Эдай], Ситана. Горная экспедиция на границах Афганистана в 1863 г., «Военный сборник», 1873, август, стр. 354.

{146} [Д. Эдай], Ситана. Горная экспедиция на границах Афганистана в 1863 г. «Военный сборник», 1873, июль, стр. 160.

{147} Эту дату приводит Сеид Касем Риштия («Афганистан в XIX веке», стр. 259). По другим данным, Герат был взят эмиром в 1863 г.

{148} См. Сеид Касем Риштия, Афганистан в XIX веке, стр. 287 (со ссылкой на «Сирадж ат-таварих», т. II, стр. 259-260).

{149} J. Abye, Indian Frontier Policy, 1897, p. 28.

{150} ЦГИА УзССР, Ф. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора (КТГГ), оп. 34, д. 7, л. 62-63.

{151} ЦГИА УзССР, ф. ДТГГ, оп. 34, д. 7, л. 81-82.

{152} ЦГИА УзССР, ф. 715, д. 39-Б, док. 118.

{153} ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 7, л. 75.

{154} ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 7, л. 75.

{155} «Correspondence Respecting the Relations Between the British Government and that of Afghanistan since the Accession of the Ameer Shere Ali Khan», L., 1878, p. 31-41.

{156} ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 7, л. 39.

{157} Центральный Государственный Военно-исторический архив СССР (ЦГВИА СССР), ф. Военно-ученый архив (ВУА), Канцелярия Военно-ученого комитета, д. 45926, л. 267-274.

{158} «Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией. 1872-1885», ч. 2, СПб., 1886, стр. 5. Депеша Гренвилля от 17 октября 1872 г.

{159} См. «Афганское разграничение...», стр. 13.

{160} См. А. Вамбери, Моя жизнь, пер. с англ., М., 1914, стр. 261.

{161} См. Сеид Касем Риштия, Афганистан в XIX веке, стр. 333 (со ссылкой на кн.: Argyll, The Eastern Question, L., 1879, p. 59).

{162} «Causes of the Afghan War...», p. 53.

{163} P. Sykes, Sir Mortimer Durand, L.. 1926, p. 83; K. S. Menon, *The «Russian Bogue» and British Aggression in India and beyond*, Calcutta 1957, p. 34.

{164} Письмо Солсбери Норсбруку от 22 января 1875 г. «Causes of the Afghan war...», p. 55.

{165} См. Л. Н. Соболев, Страница из истории Восточного вопроса. Англо-афганская распря (очерк войны 1879-1880 гг.), т. I, СПб., 1882, стр. 516. Депеша от 6(18) ноября 1878 г.

{166} См. Л. Н. Соболев, Страница из истории Восточного вопроса., стр. VII.

{167} Письмо Солсбери от 28 февраля 1876 г. «Causes of the Afghan war...», p. 87-94.

{168} Betty Balfour, *The History of Lord Lytton's Indian Administration*, N. Y. - Bombay, 1899, p. 30.

{169} В. Исполатов, Англия и Афганистан, журнал «Дело» № 2, 1879 г., стр. 104.

{170} ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 333, л. 3.

{171} «The Cambridge Shorter History of India», Ed. by H. N. Dodwell Cambridge, 1943, p. 809.

{172} Английский представитель в Афганистане.

{173} L. Trotter, *The History of India under Queen Victoria*, L., 1880, p. 357.

{174} ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 283, л. 5.

{175} В. Balfour, *The History of Lord Lytton's Indian Administration*, p. 101.

{176} В. И. Ленин, Хронологические таблицы к истории империализма, М., 1940, стр. 6.

{177} В. Balfour, *The History of Lord Lytton's Indian Administration*, p. 104.

{178} Цит. по статье Р. «История сношений Англии с Афганистаном, рассказанная англичанином», «Русский вестник», т. 142, 1879, стр. 287.

{179} В. Balfour, *The History of Lord Lytton's Indian Administration* p. 136-137.

{180} Цит. по статье Р. «История сношений Англии с Афганистаном, рассказанная англичанином», «Русский вестник», т. 142, 1879, стр. 262.

{181} Malcolm Maccoll, *The Afghanistan Imbroglia*, «The Gentleman's Magazine», July to December 1878, vol. CCXLIII, p. 670.

{182} См. газеты «Русский мир», 4 и 21 февраля 1877 г.

{183} М. А. Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. II, СПб., 1906, стр. 321.

{184} См. Bisheshwar Prasad, *The Foundations of India's Foreign Policy*, vol. I, 1860-1882. Bombay - Madras - Calcutta, 1955, p. 202-203.

{185} ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 345, л. 101.

{186} ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 345, л. 106.

{187} ЦГИА УзССР. ф. КТГГ, оп. 34, д. 345, л. 56-57, 107, 110.

{188} ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 296, л. 53. Письмо Кауфмана военному министру Милютину от 5 марта 1877 г.

{189} См., например, «The Cambridge History of British Foreign Policy», vol. III, Cambridge, 1923, p. 81.

{190} W. T. Monypenny and G. E. Buckle, *Life of Benjamin Disraeli Earl of Beaconsfield*, vol. VI, N. Y., 1913, p. 155.

{191} См. В. Balfour, *The History of Lord Lytton's Indian Administration*, p. 255. {192} Там же, стр. 253-254.

{193} ЦГВИА СССР, ВУА, д. 102468, л. 130-151. Предписание Чемберлену от 7 сентября 1878 г.

{194} В. Balfour, *The History of Lord Lytton's Indian Administration*, p. 246-247.

{195} ЦГВИА СССР, ВУА, д. 102468, л. 47-56. «Записка» Литтона от 4 сентября 1878 г.

{196} См. ЦГВИА СССР, ВУА, д. 102468, л. 47-56. «Записка» Литтона от 4 сентября 1878 г., л. 126.

{197} Майор Каваньяри остался в Пешаваре для подрывной работы среди племени афридиев, чтобы восстановить их против Шер Али и привлечь на сторону англичан.

{198} G. W. Forrest, *Life of Field-Marshal Sir Neville Chamberlain*, p. 482.

{199} ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 389, л. 267-268. Депеша А. М. Горчакова от 11 (23) января 1879 г.

{200} См. ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 389, л. 98-100. Письмо Литтона от 17 (29) октября 1878 г.

{201} ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 389, л. 108-110. Письмо Шер Али лорду Литтону от 7(19) ноября 1878 г.

{202} См. В. Balfour, *The History of Lord Lytton's Indian Administration*, p. 295.

Глава IV

{203} ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 389, л. 136.

{204} «Causes of the Afghan War...», p. V.
{205} Там же, стр. IX.
{206} Malcolm Makkol, The Afghanistan Imbroglia «The Gentleman's Magazine», July to December 1878, vol. CCXLIII, p. 672.
{207} К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. II, стр. 574.
{208} ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 389, л. 166-169.
{209} ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 406, л. 60. Обращение эмира Шер Али-хана от 1 декабря 1878 г. (пер. с персидск.).
{210} См. ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 389, л. 292. Письмо министра иностранных дел Англии Солсбери Шувалову от 5 декабря 1878 г.
{211} См. F. Roberts, Forty one Years in India., vol. II, p. 150, 156. {212} См. там же, стр. 164.
{213} См. статью Джона Дакоста: «Our Transfrontier Expeditions», The Imperial and Asiatic Quarterly Review», 1893, January.
{214} Л. Н. Соболев, Страница из истории Восточного вопроса. Англоафганская распря, т. I, вып. I, стр. 2.
{215} ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 424, л. 319-320.
{216} Так назывался в дореволюционное время военный атташе.
{217} ЦГВИА СССР, ВУА, д. I за 1879 г., л. 164. Рапорт Горлова Милютину от 28 июля (9 августа) 1879 г. {218} См. «The Nineteenth Century», August 1879.
{219} Родственник умершего эмира Шер Али.
{220} ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 424, л. 318-319.
{221} Там же, л. 317.
{222} К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 6, стр. 416.
{223} Л. Н. Соболев, Страница из истории Восточного вопроса., т.1, стр. 11.
{224} См: J. Duke, Recollections of the Kabul Campaign 1879-1880, p. 84.
{225} См. H. Hensman, The Afghan War of 1879-1880, L., 1881, p. 3.
{226} ЦГИА УзССР. ф. КТГГ, оп. 34, д. 473, л. 10-18. Показания афганца Багаутдина от 1 января 1880 г. {227} J. Duke, Recollections of the Kabul Campaign, p. 90.
{228} О происшедшем в Кабуле сообщил случайно спасшийся солдат из охраны посольства. См. парламентские публикации «Afghanistan», 1880, p. 95.

{229} «Army and Navy Gazette», 1870, September, 8(20).
{230} См. газета «Mayfair», 8(20) сентября 1879 г.
{231} См. G. W. Forrest, Life of Field-Marshal Sir Nevill Chamberlain, p. 495.
{232} F. Roberts, Forty one Years in India., vol. II, p. 187.
{233} См. H. Hensman, The Afghan War of 1879-80, p. 25.
{234} См. J. Duke, Recollections of the Kabul Campaign 1879-1880, p. 115.
{235} H. Hensman, The Afghan War of 1879-80, p. 10.
{236} Л. Н. Соболев, Страница из истории Восточного вопроса., т. I, стр. 73.
{237} H. Hensman, The Afghan War of 1879-80, p. 49.
{238} H. Hensman, The Afghan War of 1879-80, p. 90.
{239} ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 473, л. 13-14. Показания афганца Багаутдина.
{240} См. Л. Н. Соболев, Страница из истории Восточного вопроса., т. I, стр. 130.
{241} ЦГВИА СССР, ВУА, д. 6.932, л. 163.
{242} ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 429, л. 2.
{243} J. Duke, Recollections of the Kabul Campaign 1879-80, p. 216-217.
{244} См. G. W. Forrest, Life of Field-Marshal Sir Nevill Chamberlain, p. 271-274.
{245} См. ЦГИА УзССР, ф. Канцелярия военного губернатора Ферганской области, д. 81, л. 40.
{246} K. M. Panikkar, Asia and Western Dominance., L., 1954, p. 159-160.
{247} J. Duke, Recollections of the Kabul Campaign 1879-1880, p. 314.
{248} «The Nineteenth Century», 1880, February.
{249} J. Duke, Recollections of the Kabul Campaign 1879-1880, p. 319.
{250} Л. Н. Соболев, Страница из истории Восточного вопроса... т. I, стр. 511-512.
{251} Там же, стр. 331-332.
{252} Национальные меньшинства в Афганистане.
{254} «The Nineteenth Century», 1880, February, p. 204-206.
{255} ЦГВИА СССР, ВУА, д. 6916, л. 46. Телеграмма Зиновьева Горчакову от 4 (16) марта 1879 г.

{256} А. Семенов, Покоритель и устроитель Туркестанского края ген.-адъютант К. П. Кауфман, «Кауфманский сборник», М., 1910, стр. XXI.

{257} См. А. А. Сеченов, «Бегство» Абдур-Рахман-хана из Ташкента в Афганистан, «Кауфманский сборник», М., 1910, стр. 100-117.

{258} ЦГВИА СССР, Главный штаб, Военно-ученый комитет, д. 32-а, за 1880 г., л. 22-23. Рапорт Горлова от 15 (27) мая 1880 г.

{259} См. С. U. Aitchison, A. Collection of Treaties., p. 212.

{260} См. Л. Н. Соболев, Страница из истории Восточного вопроса., т. I, стр. 615.

{261} См. Г. Юнгхесбенд, Война на границах Индии, СПб., 1899, пер. с англ., стр. 123-127; см. также «Борьба англичан с Афганистаном в племенах на северо-западной границе Индии», Ташкент 1910 стр. 17-18.

{262} См. F. Roberts, Forty-one Years in India, vol. II, p. 334.

{263} См. Н. А. Дворников, Избранные стихи Гуль Пача Ульфата. Сборник «Независимый Афганистан», М., 1958, стр. 135.

{264} ЦГВИА СССР, Главный Штаб, Военно-ученый комитет, д. 31-А за 1880 г., л. 32-33. Донесение Горлова от 30 августа (11 сентября) 1880 г.

{265} См. Л. Н. Соболев, Страница из истории Восточного вопроса., т. I, стр. 686.

{266} Цит. по сборнику документов, составленному R. H. Gretton «Imperialism and M-r Gladstone, 1876-1887», L., 1913, p. 52-53.

{267} G. Dacosta, Our Transfrontier Expeditions, «The Imperial and Asiatic Quarterly Review», January 1893.
Глава V

{268} См. А. Hamilton, Problems of the Middle East, L., 1909, p. 235.

{269} А. Hamilton, Problems of the Middle East, L., 1909, p. 236.

{270} ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 549, л. 231.

{271} P. Sykes, History of Afghanistan, vol. II, p. 179.

{272} См. ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 607, л. 112. Телеграмма туркестанского генерал-губернатора Розенбаха министру иностранных дел Гирсу от 21 февраля (6 марта) 1885 г.

{273} «Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана», пер. с англ., т. I, СПб., 1901, стр. 328.

{274} Риджуэй, Новая афганская граница. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXIX, стр. 93.

{275} Мухаммед Неби-хан, Государственные вопросы и ответы и укрепление государства, пер. с персидск., Ташкент, 1899, стр. 4-5.

{276} Туркменское племя, населявшее спорный район.

{277} Мухаммед Неби-хан, Государственные вопросы и ответы., стр. 11-13.

{278} ЦГИА УзССР, ф. Дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе, оп. 2, д., 13 за 1900 г., л. 15.

{279} ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 686, л. 137. Письмо Яфимовича правителю канцелярии туркестанского генерал-губернатора Несторовскому от 15(27) сентября 1888 г.

{280} ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 753, л. 102.

{281} ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 34, д. 753, л. 102-103.

{282} Leppel Griffin. The Amir of Afghanistan, «The Fortnightly Review», 1893, January.

{283} С. U. Aitchison, A Collection of Treaties., vol. XIII, p. 218.

{284} P. Sykes, History of Afghanistan, vol, II, p. 175.

{285} С. U. Aitchison, A Collection of Treaties., vol. XIII, p. 256-257. {286} См. А. Hamilton, Problems of the Middle East, p. 243.

{287} С. К. Риштия, Афганистан в XIX веке, стр. 27.

{288} Захват английскими экспансионистами восточноафганских племен, носивших название пуштунов (или патанов) привел в дальнейшем (в 1947 г.) к созданию так называемой «проблемы Пуштунистана» - острого конфликта, болезненно отражающегося в наши дни на взаимоотношениях между Афганистаном и Пакистаном. {289} Mohammad Ali, Afghanistan. An historical sketch, «Afghanistan», vol. XII, January-March 1957, № 1, p. 7.

{290} «Автобиография Абдуррахман-хана», т. II, СПб., 1901, стр. 316-317.

{291} С. Fraser-Tytler, Afghanistan and his relations with India, «Great Britain and the East», vol. 64, № 781, February 1948, p. 39-40.

{292} Там же, стр. 40.
{293} P. Sykes, History of Afghanistan, vol. II, p. 177.
{294} T. Holdich, The Geography of the North-West Frontier of India, «The Geographical Journal», May 1901, p. 468.
{295} ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 79055, л. 146-147. Рапорт Ермолова от 13 (25) декабря 1894 г.
{296} ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 378 - С, л. 44-49.
{297} V. Fincastle, P. Elliot-Lockhart, A frontier campaign. A narrative of the operation of the Malakand and Buner field forces 1897-1898, L., 1898, p. 18-19.
{298} «Борьба англичан с Афганистаном и с племенами на северо-западной границе Индии», пер. с нем., Ташкент, 1910, стр. 26.
{299} См. «Times», 8. III. 1898.
{300} ЦГВИА СССР, ВУА, д. 78940, л. 73.
{301} ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 2, д. 135, л. 2. Донесение Клемма от 28 декабря 1901 г. (10 января 1902 г.)
{302} ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 2, д. 135, л. 2. Донесение Клемма от 28 декабря 1901 г. (10 января 1902 г.)
{303} См. W. Barton, India's North-West Frontier, L., 1939, p. 68.
{304} ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 2, д. 135, л. 20-21.
{305} См. доклад Н. А. Аристова «Вероятная борьба Англии с Афганистаном и отношение к ней России», «Протоколы комиссии по изучению Афганистана и Индии за 1905 г.». На правах рукописи, СПб., 1906, стр. 49.
{306} ЦГИА УзССР, ф. 2, Дипломатический чиновник при Туркестан, ском генерал-губернаторе, оп. 2, д. 138, л. 93. Телеграмма Клемма от 7(20) ноября 1904 г.
{307} ЦГИА УзССР, ф. 3, Российское политическое агентство в Бухаре, оп. 2, д. 103, л. 26-28. Письмо военного министра России В. В. Сахарова министру иностранных дел В. М. Ламсдорфу от 6 (19) января 1905 г.
{308} ЦГИА УзССР, ф. 2, Дипломатический чиновник., оп. 2, д. 138, л. 177. Донесение В. Клемма от 12 (25) декабря 1904 г.
{309} «Протоколы комиссии по изучению Афганистана и Индии за 1905 г.», стр. 65. {310} Там же, 1905 г., стр. 48.
{311} См. A. Hamilton, The Mission to Kabul, «Fortnightly Review», June 1905, p. 75-84.
{312} «Сборник договоров России с другими государствами, 1856-1917», Госполитиздат, 1952, стр. 390.

{313} ЦГИА УзССР, ф. 2, Дипломатический чиновник., оп. 2, д. 299, л. 41-43.
{314} «Сборник договоров России с другими государствами», стр. 390.
{315} ЦГИА УзССР, ф. 2, Дипломатический чиновник., оп. 2, д. 338, л. 76, док. от 27 сентября (10 октября) 1909 г.
{316} Э. Рыбачка, В гостях у афганского эмира, пер. с нем. под ред. и предисловием Азиза Ниалло, [М.] 1935, стр. 82.

Глава V

{317} В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 159-165.
{318} «Документы внешней политики СССР», т. I, Госполитиздат, 1957, стр. 35.
{319} В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 7.
{320} Mohammed Ali, Afghanistan. An historical scetch, «Afghanistan», 1957, January - March, vol. XII, № 1, p. 8.
{321} См. там же.
{322} См. А. Станишевский, Афганистан, М., 1940, стр. 48.
{323} «East India (Afghanistan). Papers regarding Hostilities with Afghanistan, 1919», L., 1919, p. 3.
{324} Там же, стр. 4.
{325} Там же, стр. 5.
{326} См. Р. Т. Ахрамович, Великая Октябрьская революция и утверждение национальной независимости Афганистана. См. «Великий Октябрь и народы Востока», М., 1957, стр. 218.
{327} См. В. И. Ленин, Соч., изд. 3, т. XXIII, стр. 509.
{328} «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I (1917-1920 гг.), М., 1944, стр. 288.
{329} По другим данным, армия Афганистана насчитывала всего 40 тыс. человек (см. Л. Р. Гордон-Полонская, Война Афганистана за независимость и участие в ней пограничных пуштунских племен (1919-1921 гг.), сборник «Независимый Афганистан», стр. 254).
{330} «The Third Afghan War, 1919», Official Account. Compiled in the General Staff Branch, Army Headquarters. India, Calcutta, 1926, p. 18.
{331} Там же, стр. 22.
{332} См., например, книгу английского генерала Д. Макмуна «Afghanistan from Darius to Amanullah», стр. 258, 261 и др.
{333} «The Third Afghan War, 1919», p. 132.

- {334} L. V. S: Blacker, On Secret Patrol in High Asia, L., 1922, p. 186.
- {335} См. W. Barton, India's North-West Frontier, p. 76.
- {336} «The Third Afghan War, 1919», p. 52.
- {337} См. В. М. Примаков, Афганистан в огне, Л. б. г., стр. 86-87.
- {338} «The Third Afghan War, 1919», p. 55.
- {339} См. Азиз Ниалло, Славные страницы прошлого, «Звезда Востока» № 3, 1958, стр. 151.
- {340} См. А. Х. Бабаходжаев, Провал английской антисоветской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке в период признания Советского государства де-факто и де-юре, Ташкент, 1957, стр. 38.
- {341} «Внешняя политика СССР», т. I, стр. 288-289.
- {342} См. Р. Т. Ахрамович, Великая Октябрьская революция и утверждение национальной независимости Афганистана, стр. 221.
- {343} См. А. Х. Бабаходжаев, Провал английской антисоветской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке..., стр. 92.
- {344} Лариса Рейснер, Афганистан, М. - Л., 1925, стр. 27-28, 79.

Заключение

- {345} «Заметки о первом этапе внешней политики Афганистана после провозглашения независимости страны (1919-1921 гг.)», «Известия Академии наук УзССР» № 4, 1949, стр. 64.
- {346} «The Asiatic Review», v. XXIV, № 78, April 1928, p. 257.
- {347} Сеид Касем Риштия, Афганистан в XIX веке, стр. 27.
- {348} «Миссия дружбы», вып. I, стр. 274.
- {349} См. «Правда», 3 октября 1958 г.
- {350} См. «Правда», 5 октября 1958 г.
- {351} Там же.
- {352} «Правда», 11 октября 1956 г.